ISSN 1998-5053

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 1 (122). Февраль, 2012

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора
В. Б. Акулов, доктор экономических наук, профессор
Э. К. Зильбер, доктор медицинских наук, профессор
Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН
И. Р. Шегельман, доктор технических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 272.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

© ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ)», 2012

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)

И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)

В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)

А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)

Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)

И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)

ПААВО ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (г. Йоенсуу, Финляндия)

И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)

Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)

СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА
доктор философии, профессор (г. Оулу, Финляндия)

Л. Н. ТИМОФЕЕВА
доктор политических наук, профессор (Москва)

А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)

МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (г. Белград, Сербия)

Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

В. А. АЧКАСОВ
доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Т. А. БАБАКОВА
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)

С. Г. ВЕРИГИН
кандидат исторических наук (Петрозаводск)

А. В. ВОЛКОВ
кандидат философских наук (Петрозаводск)

РИХО ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (г. Хельсинки, Финляндия)

П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)

С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)

Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

В. С. МАКСИМОВА
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)

А. М. ПАШКОВ
кандидат исторических наук (Петрозаводск)

В. М. ПИВОЕВ
доктор философских наук,
профессор (Петрозаводск)

З. К. ТАРЛАНОВ
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

С. Н. ЧЕРНОВ
доктор юридических наук,
профессор (Петрозаводск)

М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

ISSN 1998-5053

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

(following up 1947–1975)

№ 1 (122). February, 2012

Social Sciences & Humanities

Chief Editor
Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor
Vladimir B. Akulov, Doctor of Economis Sciences, Professor
Elmira K. Zilber, Doctor of Medical Sciences, Professor
Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member
Il'ya R. Shegelman, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary
Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

© FBSEI «Petrozavodsk State University (PetrSU)», 2012

Editorial Council

V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)

I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)

V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)

A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)

N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)

I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

V. ORPHINSKY
Doctor of Archtecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)

PAAVO PELKONEN
Doctor of Technical Sciences, Professor (Joensuu, Finland)

I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)

E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)

HELENA SULKALA
Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)

L. TIMOFEEVA
Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)

A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)

M. CHARKICH
the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)

R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series
«Social Sciences & Humanities»

V. ACHKASOV
Doctor of Political Sciences,
Professor (St. Petersburg)

T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

S. VERIGIN
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)

A. VOLKOV
Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)

R. GRYÜNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)

P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)

A. KUNIL'SKII
Doctor of Philological Sciences,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)

T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences,Professor (Petrozavodsk)

V. MAXIMOVA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

A. PASHKOV
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)

V. PIVOEV
Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)

Z. TARLANOV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)

S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Сиренов А. В.
О жанровом своеобразии Степенной книги. . 7

Жульников А. М.
Скульптурные изображения на керамической посуде в контексте связей древнего населения Восточной Европы и Зауралья. . . 12

Платонов Е. В.
Каргопольские часовни в середине XVIII века (по материалам описи 1752–1756 годов) . . 18

Дианова К. А.
К вопросу о создании и деятельности Общества изучения Олонецкой губернии. 23

Согрина С. А.
Удельное ведомство и смолокуренный промысел на Европейском Севере России во второй половине XIX – начале XX века . 26

Шульгина М. В.
Соловецкие лагеря и экономика Кольского Севера в 1920-х – начале 1930-х годов . . . 30

ПЕДАГОГИКА

Рычкова Н. А.
Превентивная направленность коррекционно-развивающей работы с детьми групп высокого риска по развитию дезадаптивных форм поведения 35

Рыбак Е. В., Цихончик Н. В.
Организация практики специалиста по работе с молодежью в условиях модернизации высшего образования. 40

ФИЛОЛОГИЯ

Беликова А. Е., Гурин Г. Б.
Методика оценки конвенциональности метафорических выражений: от интуитивистских критериев к операциональным . . . 44

Душкина М. С., Рожкова А. В.
Способы выражения рекомендации, пожелания в деловом памятнике XVI века «Назиратель» 51

Лелис Е. И.
Роль фоники в экспликации подтекстовых смыслов (на материале повести А. П. Чехова «Степь») 56

Лойтер С. М.
Экспедиция братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых «По следам Рыбникова и Гильфердинга» и ее участница Е. В. Ржановская . . . 61

Мальчукова Т. Г.
Пушкин как создатель русской национальной и европейской литературы 67

Денисов В. Д.
Историко-литературный контекст изображения запорожцев в ранней прозе Н. В. Гоголя 74

Логинова Е. В.
Языковой образ умного человека в диалектах финского языка 80

Мехралиева Г. А.
Басня в сказочном мире Людмилы Петрушевской. 85

ФИЛОСОФИЯ

Волков А. В.
Научное познание в контексте эволюционной эпистемологии 88

ЭКОНОМИКА

Череповицын А. Е., Ильинова А. А.
Ключевые факторы конкурентоспособности в отрасли фосфорсодержащих минеральных удобрений. 94

Лебедева Ю. В.
Возможности оценки развития и использования трудовых ресурсов 100

Фадеева Н. Л.
Особенности государственной политики в отношении молодой семьи: решение жилищных проблем на примере Республики Карелия 106

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Оленина Т. Ю.
Нормативно-правовая база Российской Федерации в сфере образования 109

Арбузов С. Ю.
Равенство как один из конституционных принципов социального государства в Российской Федерации 112

РЕЦЕНЗИИ

Шумилов М. И.
Рец. на кн.: Кораблев Н. А. Предпринимательство в Карелии во второй половине XIX – начале XX вв. 115

ПАМЯТЬ

Памяти историка Э. П. Лайдинена 119

ЮБИЛЕЙ

К 90-летию В. П. Крылова 120

Информация для авторов 121

Contents 122

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Требования к оформлению статей см.:
http://uchzap.petrsu.ru/files/req.pdf

Учредитель ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор Г. А. Мехралиева. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Е. О. Щукарев.

Подписано в печать 20.02.2012. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 130 экз.). Изд. № 37

Индекс 66094. Цена свободная.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Февраль, № 1 **История** **2012**

УДК 94(47)“08/16”+930

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СИРЕНОВ
доктор исторических наук, доцент кафедры источниковедения истории России исторического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет
sirenov@rambler.ru

О ЖАНРОВОМ СВОЕОБРАЗИИ СТЕПЕННОЙ КНИГИ

Цель статьи – определение особенностей отражения исторических фактов в Степенной книге в отношении как текстуальных заимствований, так и идеологического воздействия.

Ключевые слова: источниковедение, русская историография, агиография, Степенная книга, летописание, русская история XVI века

В XVI веке появляются обширные своды, которые можно назвать первыми отечественными энциклопедиями. В 20-е и 40-е годы XVI столетия составлены два крупнейших исторических свода – летописи Никоновская и Воскресенская. В них собраны известия многих древнерусских летописей как предшествующих эпох, так и современных. Новгородский архиепископ Макарий в 1530-е годы организовал работу по созданию крупнейшего свода житийной и нравоучительной литературы. Эта работа продолжилась и в Москве, после того как Макарий стал митрополитом всея Руси. Так появились Великие Минеи Четьи. Степенная книга является следующим шагом в истории создания обобщающих трудов. Она представляет собой адаптированный для широкого читателя текст, повествующий о русской истории. Основными источниками для составления Степенной книги послужили Никоновская, Воскресенская летописи, а также жития русских святых из Великих Миней Четьих. Таким образом, это произведение соединяет основные достоинства произведений предшествующих: подробность и обстоятельность летописного текста с занимательностью и стилистическими красотами житийной литературы.

Исследователям было непросто определить автора Степенной книги. Первый русский историк В. Н. Татищев считал, что Степенная книга в своем первоначальном виде написана митрополитом Киприаном на рубеже XIV–XV веков [18; 424]. Можно думать, что исследователя ввело в заблуждение Житие митрополита Петра, содержащееся в Степенной книге. В его заглавии указано, что автором Жития является митрополит Киприан. Других указаний на авторство в тексте Степенной книги нет, поэтому Татищев и предположил, что Киприан написал не только Житие Петра, но и весь ее текст. Эта точка зрения долгое время была общепризнанной, хотя против нее возражали К. Ф. Калайдович и Н. М. Карамзин, относя создание памятника к эпохе Ивана Грозного [8], [9; 26]. Весомым аргументом против ранней датировки стало обнаружение древнего списка Степенной книги в библиотеке московского Чудова монастыря, бывшего в XVI веке резиденцией главы русской церкви [17; 147]. На первых листах рукописи читается запись: «Книга Чюдова манастыря, собрана смиренным Афонасием митрополитом всеа Русии», которая свидетельствует о том, что автор Степенной книги – митрополит Афанасий, занимавший митрополичью кафедру в 1564–1566 годах. Чуть позже находки Чудовского списка появилось исследование переяславского краеведа А. И. Свирелина, который обратил внимание на присутствие в тексте памятника краткого Жития Даниила Переяславского, что нарушает основной принцип Степенной книги – повествовать о деяниях князей и митрополитов. Даже Сергию Радонежскому уделено здесь всего несколько слов. Однако такое исключение для Даниила Переяславского, которого не отличали ни высокое происхождение, ни положение в церковной иерархии, объясняется, если иметь в виду, что он был учителем митрополита Афанасия. Таким образом, в работе А. И. Свирелина впервые аргументировано предположение, что Степенную книгу написал митрополит Афанасий [14; 77–82, 83–85]. Более весомый аргумент в пользу этого предположения был выдвинут исследователем начала XX века П. Г. Васенко. Он обратился к известию Степенной книги о чуде от мощей Александра Невского, где автор пишет, что он сам получил исцеление от «язвы» на руке. Лицевой летописный свод, повествуя об этом событии, называет имя исцеленного – священник Благовещенского собора Андрей. Известно, что, приняв монашество, Андрей стал Афанасием и в 1564 году занял митрополичью кафедру. Так было доказано, что автором Степенной книги следует считать митрополита Афанасия [6; 203–204]. В настоящее время обнаружены еще два древнейших списка Степенной книги, Томский и Волковский [11], [12], [17]. Коллективом авторов готовится новое научное издание и исследование текста памятника[1].

Доступность и изящество изложения, соединенное с концептуальной четкостью, сделало Степенную книгу наиболее читаемым и ав-

© Сиренов А. В., 2012

торитетным историографическим произведением древнерусской литературы. Уже в XVI веке она стала одним из основных источников иллюстрированной истории России – Лицевого летописного свода. В XVII веке практически каждое произведение, посвященное древнерусской истории, использовало Степенную книгу или испытывало влияние этого историографического монстра, как в конце XVIII века ее охарактеризовал выдающийся исследователь древнерусских летописей А. Л. Шлецер[2].

В чем же своеобразие Степенной книги? Прежде всего оно заключается в необычной для древнерусского исторического произведения композиции текста. Произведение состоит из 17 частей, которые в соответствии с традицией названы гранями. Однако у этих частей есть еще одно название – «степени», что в переводе с церковнославянского значит «ступени». Каждая грань символизирует очередную ступень, а вся Степенная книга имеет символическое значение лестницы. Как сказано в предисловии к Степенной книге, перед нами лестница с золотыми ступенями, «по ней же невозбранен к Богу восход». Эти черты роднят Степенную книгу с жанром лествиц. Произведения под названием «лествицы» широко известны в византийской святоотеческой литературе. Византийские лествицы повествовали о нравственном восхождении человека через преодоление грехов к добродетелям. Каждая «степень»-ступень византийских лествиц посвящена какому-либо греху или добродетели: от самого тяжкого греха к самым богоугодным добродетелям. Согласно воззрениям византийских богословов, по этой мистической лестнице душа человека может приближаться к Богу. Образ лестницы пришел в христианское богословие из Ветхого Завета (Книга Бытия, XXVIII. 10–22). Согласно Священному Писанию, сын Исаака Иаков во сне узрел лестницу, ведущую от земли на небо, по которой поднимаются и спускаются ангелы. Образ «Лестницы Иакова» со временем приобрел популярность и многочисленные толкования. Известен он и в католической культуре, но наибольшее распространение получил в Византии и на Руси. Византийская литература знает несколько лествиц, принадлежащих разным авторам. Самая известная из них была написана в VI–VII веках Иоанном Синайским и пользовалась в Византии и Древней Руси большим авторитетом. Это отразилось, в частности, на том, что автора этой лествицы на Руси называли Иоанном Лествичником, вменяя ему в особую заслугу ее сочинение.

Таким образом, Степенная книга относится к хорошо знакомому в то время жанру лествиц. Уникальность Степенной книги заключается в том, что ее сходство с лествицами чисто внешнее и заканчивается разделением текста на степени. Византийские лествицы повествуют о нравственном восхождении, самоусовершенствовании человека, а Степенная книга рассказывает нам историю русского народа. Каждая ступень Степенной книги посвящена очередному правителю Руси, князю из рода Рюриковичей, от Владимира Святого до его потомка в семнадцатом колене Ивана Грозного. Отсюда видим, что в основе Степенной книги лежит другой принцип – генеалогический. Не случайно полное название памятника – «Книга Степенная царского родословия». Термин «степень» приобретает здесь значение поколения и переносит нас в область генеалогии. Действительно, в тексте мы не встретим указаний на то, что последующие князья были в чем-то благочестивее или удачливее предыдущих, как этого требовал жанр лествицы (сначала грехи, а потом добродетели). Такой взгляд на историю рода Рюриковичей показался бы человеку XVI века крамольным, ведь у истоков родословного древа Рюриковичей стоят княгиня Ольга и князь Владимир, причисленные к лику святых и даже возведенные в ранг равноапостольных, то есть приравненные к апостолам. Следовательно, главный принцип Степенной книги – генеалогический. И все же не случайно Степенная книга начинает счет поколений не с родоначальника династии Рюрика или его сына Игоря, а с первого христианина на престоле – Владимира. Именно Владимир положил начало новой, христианской истории Руси, при нем началось восхождение русского народа к Богу. Надо сказать, что, характеризуя очередного «самодержца», Степенная книга неизменно указывает его порядковый номер по поколениям от Владимира и от Рюрика. Этот двойной счет свидетельствует о том, что генеалогический принцип не был доминирующим при создании Степенной книги. Идеологам Ивана Грозного было особенно важно, чтобы царское родословие начиналось с равноапостольного святого Владимира, а не с язычников Рюрика и Игоря. Эту мысль развил и сам Иван Грозный в Послании Андрею Курбскому: «Сего убо православия истиннаго Росийскаго царствия самодержавство Божиим изволением почен от великаго князя Владимира, просветившаго Рускую землю святым крещением…» [4; 12]. Как видим, с фактом крещения Руси при князе Владимире Иван Грозный связывал и начало самодержавия на Руси. Князь Владимир, таким образом, выступает как основоположник и религиозного, и государственного устройства Руси. Видимо, поэтому в Степенной книге именно он выбран родоначальником царского рода, а его правление символизирует первую ступень лестницы русской истории. Вторая степень-ступень посвящена сыну Владимира Святославича Ярославу Мудрому, третья степень – сыну Ярослава Всеволоду, четвертая – его сыну Владимиру Мономаху. Далее следуют потомки Владимира Мономаха: Юрий Долгору-

кий (V степень), Всеволод Большое Гнездо (VI степень), Ярослав Всеволодович (VII степень), Александр Невский (VIII степень), Даниил Московский (IX степень), Иван Калита (X степень), Иван Красный (XI степень), Дмитрий Донской (XII степень), Василий I (XIII степень), Василий Темный (XIV степень), Иван III (XV степень), Василий III (XVI степень) и, наконец, Иван Грозный (XVII степень). Эти персонажи русской истории знакомы каждому еще со школьной скамьи. Они стали главными героями отечественной историографии начиная со Степенной книги и вплоть до трудов Татищева и Карамзина. Выбор их в Степенной книге не случаен – перед нами линия прямых предков Ивана Грозного. Таким образом, задача составителя Степенной книги состояла в том, чтобы из летописного и житийного материала выбрать известия о прямых предках царя и представить этих князей главными героями отечественной истории. О том, насколько успешно выполнена поставленная задача, можно судить, сопоставив повествование Степенной книги с текстом любой из древнерусских летописей. На страницах летописей действуют десятки князей, называемые в большинстве случаев по именам и отчествам. Разобраться в их взаимоотношениях весьма непросто. В повествовании же Степенной книги всегда есть главный герой, вокруг которого разворачивается действие. «Самодержателем» безусловно объявляется предок Ивана Грозного, а все остальные упоминаемые князья фигурируют как его современники и «сродники».

Степенная книга излагает исторический материал не хронологически, как летописи, а тематически. В этом ее принципиальное новшество, прием, не известный до той поры на Руси. Перед нами уже не средневековая хроника, а, скорее, трактат, характерный для Нового времени. Идеологическая заостренность и стилистическая обработка текста нередко приводили к тому, что в изложении фактов появлялась непоследовательность и даже небрежность, переходящая порой в искажение и фальсификацию. Яркий пример такого подхода к материалу выявлен и подробно рассмотрен Д. Н. Альшицем [5]. Он касается походов южнорусских князей на половцев в 80-е годы XII века. Как известно, после удачного похода киевского князя Святослава Ольговича 1185 года состоялся поход новгород-северского князя Игоря Святославича, окончившийся разгромом русского войска и пленением самого князя, о чем эмоционально рассказывает Слово о полку Игореве. Летописи также уделили немало места этому событию, сопроводив свой рассказ и нравоучениями. Составитель Степенной книги не преминул воспользоваться столь богатым материалом, который, впрочем, не подходил ему по одной причине: главный герой этой эпохи, представитель шестого поколения Рюриковичей Всеволод Юрьевич не принимал никакого участия в описываемых событиях. В Слове о полку Игореве читаем даже открытый упрек за это владимирскому князю Всеволоду. Это обстоятельство, однако, автора Степенной книги не смутило. История с неудачным походом князя Игоря в Степенную книгу была включена, но предыдущий победоносный поход Всеволода Ольговича был приписан… главному герою Всеволоду Юрьевичу! Перед нами уже явное искажение истории в угоду идеологическим построениям. Отметим, что подобные искажения в Степенной книге встречаются все же нечасто. Это скорее исключение, чем правило. Правилом можно назвать другую особенность Степенной книги в изображении истории. Стиль, которым написана Степенная книга, исследователи характеризуют как «плетение словес». Этот стиль предполагает, что описываемое событие будет украшено различными эпитетами и толкованиями и таким образом исчерпывающе охарактеризовано. И вот книжник XVI века брался толковать события далекого прошлого и делал это с позиций своего времени. Так в Степенной книге появились характеристики, искажающие древнерусскую историю. Приведем один пример. Древнерусские летописи повествуют о приходе в Киев при Ярославе Мудром трех мастеров церковного пения из Византии: «Приидоша в Киев трие певцы от грек с роды своими» [3; 85]. Это известие как нельзя лучше подходило для Степенной книги, и поэтому нет ничего странного в том, что оно туда попало. Однако оно появилось в переработанном виде. Составитель Степенной книги прибавил, что от переселившихся из Византии в Киев трех певцов распространилось на Руси «ангелоподобное пение», «изрядное осьмогласие», «трисоставное сладкогласование» и демественное пение. Исследователи древнерусской церковной музыки еще в XIX веке обратили внимание на «уникальность» этого сообщения Степенной книги. Дело в том, что демественное пение появилось на Руси не ранее XV века [13; 5]. Степенная книга перенесла реалии XVI века в XI век. Для нашего времени это, конечно, непростительная оплошнось. Но в XVI веке на изложение истории смотрели иначе. Составителю Степенной книги было важно рассказать своим читателям о выдающихся событиях прошлого и охарактеризовать эти события как можно более торжественно и подробно. Важно было создать в воображении читателя зримый образ, и лучшими средствами для этого были современные реалии. В таком комментированном изложении большая ценность Степенной книги как источника по истории XVI века. Если мы отделим комментарии от описания самих событий, то сможем проследить по ним восприятие отечественной истории человеком XVI века.

Раскладывая текст Степенной книги на известия источников и комментарий книжника XVI века, исследователям удается объяснить происхождение самых казалось бы фантастических сообщений. Г. Д. Ленхофф обратила внимание на сообщение Степенной книги о крещении останков греческого философа Платона [20]. Кости Платона крестили в Византии якобы за то, что он не признал Богом Аполлона и пророчествовал о воплощении истинного Бога от непорочной девы [1; 166]. Этот факт, разумеется, не имеет подтверждения в истории древнегреческой философии. В Степенной книге он сообщается после описания посмертного крещения братьев князя Владимира – Ярополка и Олега и должен подтвердить правомерность самого факта посмертного крещения. Но откуда могла прийти в голову составителю Степенной книги такая фантазия? Ленхофф удалось найти источники этого текста. Основным источником оказалось произведение XV или начала XVI века «Пророчества еллинских мудрецов», в котором, однако, пророчество о воплощении истинного Бога приписано Аристотелю, а крещение костей – другому лицу, имя которого якобы осталось неизвестным [7], [19; 91–92]. Платон упомянут в этом произведении совсем в другой связи. Образ Платона и посмертное крещение за пророчество соединились в клейме золоченых врат придворного Благовещенского собора Московского Кремля; создание этих врат исследователи датируют XVI веком. Уже здесь была допущена путаница при заимствовании из текста «Пророчества еллинских мудрецов». На клейме изображен Платон, сидящий у своего гроба, отвергающий языческого Бога и предсказывающий крещение своих останков. Столь сложный путь прошел сюжет о древнегреческом философе, пока не попал в Степенную книгу. Прибавим, что пресловутое клеймо с изображением Платона помещено на вратах как раз на уровне замка. Запирая и отпирая собор, современники Степенной книги невольно натыкались взглядом на это клеймо, которое и сейчас вызывает недоумение. Видимо, поэтому данный сюжет предварен в Степенной книге нехарактерной для этого памятника оговоркой: «…глаголют нецыи». Составитель же Степенной книги митрополит Афанасий, как известно, начал свою придворную карьеру, будучи протопопом Благовещенского собора.

Еще одна особенность текста Степенной книги – особое внимание к реликвиям Московского государства. В некоторых случаях именно комментарии автора Степенной книги помогают современным исследователям отождествить легендарные реликвии с дошедшими до нас памятниками средневековой культуры. Пожалуй, самым показательным в этом отношении является пример с надгробной доской св. Димитрия Солунского. Еще в 1197 году, как повествуют летописи, владимирский князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо для новопостроенного Дмитриевского собора «принес доску гробную из Селуня, святаго мученика Дмитрия, мюро непрестанно точащю на здравье немощным» [2; 437]. Далее в летописном рассказе говорится, что кроме мироточащей «гробной доски» из Солуни была принесена и «сорочка» св. Димитрия Солунского. Так могущественный владимирский князь содействовал почитанию на Руси солунского воина-мученика, своего святого-покровителя. После нашествия Батыя следы солунской реликвии теряются, и только автор Степенной книги описывает надгробную доску и указывает ее новое местонахождение: «…его же (Димитрия Солунского. – *А. С.*) образ на той дьске написан, иже и доныне видим есть и покланяем в богохранимом граде Москве в велицей соборней церкви Пречистыя Богородицы» [1; 226]. Действительно, в Успенском соборе Московского Кремля находится икона Димитрия Солунского древнего письма (в настоящее время она под записью конца XVII века). О том, что это именно «гробная доска», пренесенная некогда из Солуни во Владимир, свидетельствует надпись на табличке, которая датируется XVII веком и, возможно, была составлена под влиянием Степенной книги. Таким образом, Степенная книга впервые указала на тождество надгробной доски из Солуни и кремлевской иконы. Прибавим, что современные исследования всецело подтверждают версию Степенной книги [16]. Теперь мы знаем, что иконы Димитрия Солунского распространялись из Солуни под видом надгробных досок святого по всему христианскому миру. Русская реликвия, о которой идет речь, – явление этого ряда. Не менее интересно для нас и описание в Степенной книге обретения мощей князя Георгия Всеволодовича. Согласно летописному рассказу, Георгий Всеволодович погиб 4 февраля 1238 года в битве с татаро-монголами на реке Сить. После битвы было обнаружено обезглавленное тело князя, и лишь спустя некоторое время проезжавший мимо ростовский епископ Кирилл обрел голову Георгия Всеволодовича, которую в Ростове вложили в гроб с останками погибшего князя. Степенная книга, передавая эту историю довольно близко к своему источнику – летописи, добавляет одну подробность. А именно, что голова чудесным образом присоединилась к телу, причем пропал и самый след отсечения головы. Это уточнение тем более важно, что на мощах святого Георгия Всеволодовича, канонизированного в середине XVII века, и ныне не заметно никакого следа отсечения головы. Можно предположить, что автор Степенной книги видел останки Георгия Всеволодовича и внес в текст своего труда весьма важное корректирующее уточнение. Можно назвать еще целый ряд свидетельств Степенной

книги о реликвиях средневековой России, которые помогают современным исследователям лучше представить эти памятники.

Идеологическая концепция Степенной книги устарела уже к концу XVI века. Основным залогом благополучия Российского государства Степенная книга провозглашает правление династии Рюриковичей, а именно ее ветви, к которой принадлежал Иван Грозный. Последний же представитель этой династии, царь Федор Иванович, скончался в 1598 году. Но популярность Степенной книги не уменьшилась. До нас дошли 140 списков памятника, созданных в XVI–XVIII веках. Замечательному творению русской исторической мысли XVI века была уготована долгая жизнь. Большинство произведений, посвященных древнерусской истории, начиная с Лицевого летописного свода XVI века и вплоть до исследований русских историков XVIII – начала XIX века М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина, находились под влиянием Степенной книги.

Исследование осуществлено в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (Государственный контракт № П564 от 17.05.2010, научно-исследовательская работа по проблеме «Формирование государственной идеологии в России в XIV–XVII вв.»).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Руководитель проекта – профессор Калифорнийского университета (США) Г. Ленхофф.

[2] А. Л. Шлецер назвал Степенную книгу «ужасным чудовищем» за многочисленные неточности и искажения летописного текста (см. [10; 134]).

ИСТОЧНИКИ

1. Книга Степенная царского родословия // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). СПб., 1908. Т. 21. Ч. 1.
2. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Л., 1927.
3. Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1882. Т. 9.
4. Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подгот. текста Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыкова. М.: Наука, 1981.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

5. Альшиц Д. Н. Легенда о Всеволоде – полемический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве» // Труды отдела древнерусской литературы (далее – ТОДРЛ). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 15. С. 64–70.
6. Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1.
7. Казакова Н. А. «Пророчества еллинских мудрецов» и их изображения в русской живописи XVI–XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 17. С. 358–368.
8. Калайдович К. Ф. Об ученых трудах митрополита Киприана и о том, справедливо ли приписывается ему и митрополиту Макарию сочинение книги Степенной // Вестник Европы. 1813. Ч. 72. № 23. С. 221–224.
9. Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Наука, 1989. Т. 1. 673 с.
10. Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлецером / Пер. с нем. Д. Языкова. Ч. I. СПб., 1809.
11. Покровский Н. Н. Афанасий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Л.: Наука, 1988. Ч. 1. С. 77–78.
12. Покровский Н. Н. Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые проблемы ранней истории памятника // Общественное сознание и литература XVI–XX вв.: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 3–43.
13. Протопопов В. В. Русская мысль о музыке в XVII в. М.: Музыка, 1989. 96 с.
14. Свирелин А. О начале и устроении Переяславского Данилова монастыря (при жизни преподобного Даниила). М., 1863.
15. Сиренов А. В. О Волковском списке Степенной книги // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. Вып. 4. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 246–305.
16. Смирнова Э. С. Храмовая икона Дмитриевского собора. Святость солунской базилики во Владимирском храме // Дмитриевский собор во Владимире. К 800-летию создания. М., 1997. С. 220–254.
17. Снегирев И. М. Памятники московской древности. М.: Тип. Семена Августа, 1845. 528 с.
18. Татищев В. Н. История Российская. СПб., 1784. Т. IV.
19. Чернецов А. В. Золоченые двери XVI в. М.: Наука, 1992. 216 с.
20. Lenhoff G. How the bones of Plato and two kievan princes were baptized: Notes on the Political Theology of the «Stepennaja Kniga» // Die Welt der Slaven. 2001. XLVI. S. 315–332.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Февраль, № 1 **История** **2012**

УДК 903.08

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ЖУЛЬНИКОВ
кандидат исторических наук, доцент кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин исторического факультета, Петрозаводский государственный университет
wigwam@karelia.ru

СКУЛЬПТУРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА КЕРАМИЧЕСКОЙ ПОСУДЕ В КОНТЕКСТЕ СВЯЗЕЙ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ЗАУРАЛЬЯ

В статье впервые рассматриваются фигурные выступы на сосудах, найденных на территории Восточной Европы. В результате пространственного и хронологического анализа сосудов со скульптурными изображениями было установлено, что их появление на территории лесной полосы Восточной Европы связано в одном случае (эпоха неолита) с результатом конвергентного развития, в другом (эпоха бронзы) – с влиянием зауральских культур.

Ключевые слова: Восточная Европа, скульптурки на керамических сосудах, неолит, энеолит, эпоха бронзы

Скульптурные изображения на керамической посуде являются сравнительно немногочисленной категорией находок на древних поселениях Восточной Европы и Зауралья, однако вряд ли можно сомневаться в их значимости не только для реконструкции мировоззрения первобытных людей, но и для изучения процессов межкультурного взаимодействия.

Зауральские сосуды со скульптурными изображениями, в отличие от аналогичных изделий с территории лесной полосы Европы, неоднократно становились объектом специального изучения [1], [9], [12]. Мнения исследователей о генезисе и семантике зооморфных скульптурных изображений на зауральской керамике расходятся. В. И. Мошинской высказано предположение о том, что, несмотря на высокую вероятность конвергентного возникновения зооморфного декора на керамике Восточной Европы и Зауралья, могли иметь место отдельные зауральские воздействия на западные культуры. Это отчасти подтверждается древностью и длительностью традиции существования керамики с зооморфными украшениями на Урале и в Западной Сибири [12; 32]. М. Е. Фосс, рассматривая уникальный (для времени обнаружения – середины 50-х годов XX века) сосуд со скульптурным украшением со стоянки Галдарея III (южный берег Белого моря), отмечает важность этой находки в связи с вопросом о взаимоотношениях беломорских и уральских племен [20; 128].

В. И. Мошинская, выявив широкое распространение зооморфного декора на древней посуде Евразии и Северной Америки, на основе этнографических аналогий предположила, что скульптурные изображения предназначены для охраны содержимого сосудов [12; 29]. В. Т. Ковалева и В. А. Арефьев полагают, что фигурные налепы на сосудах изображают первопредка или покровителя экзогамной группы [9; 115–119].

Основная задача данной работы состоит во всестороннем изучении объемных изображений на сосудах в хронологическом и пространственном отношении в контексте связей древнего населения Севера Восточной Европы и Зауралья.

Объемные изображения, найденные на поселениях лесной полосы Восточной Европы, в зависимости от степени редуцированности, характера расположения на сосуде, могут быть разделены на четыре группы: 1) скульптурные изображения на венчике (16 сосудов); 2) нерегулярно расположенные выступы на венчике – редуцированные зооантропоморфные изображения (?) (62 сосуда); 3) барельефные фигуры на стенках; 4) регулярно и часто расположенные выступы на венчике, которые, по-видимому, следует отнести к особому виду декорирования венчика сосуда, а не к скульптуре.

К первым двум группам отнесены объемные изображения на 78 сосудах, из которых около половины были найдены в южной части бассейна Белого моря (рис. 1). Изображения барельефного типа изредка встречаются на керамике поселений Восточной Прибалтики и бассейна реки Оки [18] (рис. 1). Четвертая группа представлена серией чашевидных сосудиков на поселении Угдым III на Средней Вычегде [10], на Гляденовском костище [5; 152], на некоторых других ананьинских и гляденовских памятниках. Сосуды этой группы относятся к эпохе раннего железа. Напротив, на территории Зауралья регулярно расположенные выступы встречаются в основном на неолитической, изредка энеолитической посуде [1; 229–235], [11; 201–230]. На территории Севера Восточной Европы наиболее ранние сосуды с фигурками на венчике относятся к позднему неолиту – вторая половина IV тысячелетия до н. э. (здесь и далее даты даны в некалиброванных радиоуглеродных датах), наиболее поздние – к раннему железному веку. Зауральская керамика со скульптурными изображениями датируется от начала эпохи неолита до раннего железного века [12].

© Жульников А. М., 2012

Рис. 1. Карта стоянок Северной Европы, на которых были найдены сосуды со скульптурными нерегулярными изображениями на венчике и барельефными фигурами на стенках: а – неолитические сосуды, б – энеолитические сосуды, в – сосуды эпохи бронзы (лебяжский тип), г – сосуды эпохи бронзы (сетчатая керамика), д – сосуды раннего железного века, е – сосуды эпохи бронзы – раннего железного века, ж – сосуды с изображениями барельефного типа.
1 – Кольмхаара, 2 – Сятос, 3 – Калмосярккя, 4 – Келлолаистен Тулли, 5 – Кенто IV, 6 – Бохта II, 7–8 – Горелый Мост VI, VIII, 9 – Сумозеро XV, 10 – Сумозеро XVI, 11 – Войнаволок XXV, 12 – Войнаволок XXVII, 13 – Черная Губа IX, 14 – Пегрема VII, 15 – Кудома XI, 16 – Шуйский Остров I, 17 – Пески IVa, 18 – Вигайнаволок I, 19 – Охтома II, 20 – Кубенино, 21 – Модлона, 22 – Галдарея III, 23 – Красная Гора, 24 – Пермогорье II, 25 – Ружникова, 26 – Кыско, 27 – Новый Бор, 28 – Пижма II, 29 – Смолокурное IV, 30 – Борганьель I, 31–32 – Вис I – Вис II, 33–35 – Шойнаты II, Угдым III, Джуджыдъяг, 36 – Швянтойи 3, 37 – Нида, 38 – Звидзе, 39 – Озерная III, 40 – Котка Нискасуо, 41 – Тудозеро V, 42 – Усть-Яренга, 43 – Ловозеро III, 44 – Пеза, 45 – Торговище I, 46 – Сахтыш I, 47 – Владычинская Береговая, 48 – Ибердус, 49 – Волосово, 50 – Галанкина Гора, 51 – Яглобойская, 52 – Большеземельская тундра. Стоянка 122, 53 – Большеземельская тундра. Стоянка 240, 54 – Большеземельская тундра. Стоянка 268

Скульптуры на венчике и редуцированные изображения с обозначенными глазами могут быть ориентированы как внутрь, так и наружу сосуда. Подавляющее большинство неолитических и энеолитических фигур со стоянок Севера Восточной Европы ориентированы внутрь сосуда (рис 2: 1–5, 9). Фигурный налеп на неолитической зауральской керамике, в отличие от восточноевропейской посуды, часто особым образом совмещен с орнаментом на внешней стенке сосуда, составляя с ним единый зооморфный образ [12; 40].

Бóльшая часть зауральских зооморфных изображений выполнена схематично, что редко позволяет определить вид изображенного животного. На единичных сосудах удалось распознать медведя [13; 35], [16; 83], собаку (?) [22; 94], сову и летящую птицу [21; 40]. Редуцированные выступы на краю неолитических зауральских сосудов существуют параллельно с рельефными головками. Среди поздненеолитических фигур на венчиках сосудов со стоянок Восточной Европы, в отличие от Зауралья, почти не представлены редуцированные выступы и регулярно расположенные выступы, являющиеся рельефным украшением края сосуда. Единственное исключение – фрагменты чужьяельских сосудов с фигурными налепами со стоянки Вис I [2; 196–197]. Предполагается, что развитие керамики этого типа происходило при активном влиянии зауральского населения [17; 55]. На территории Северо-Запада Европы редуцированные выступы (без отверстий и т. п.) появляются, видимо, только на энеолитических поселениях, датируемых второй половиной III тысячелетия до н. э. (рис. 2: 5).

Существенные различия в тенденциях развития фигурных изображений на сосудах на Севере Восточной Европы и к востоку от Урала, а также отсутствие неолитических сосудов со скульптурными выступами на территории между Волго-Окским междуречьем и Зауральем указывают на конвергентный характер сложения рассматриваемой традиции.

В эпоху энеолита (вторая половина III – начало II тысячелетия до н. э.) в лесной полосе Европы сосуды с редуцированными выступами изготавливались группами населения, проживавшими в юго-западной части Прибеломорья, бассейне Онежского озера (культура с асбестовой и пористой керамикой) и Волго-Окском междуречье (волосовская культура) (рис. 1). Территория, где обнаружены энеолитические сосуды с выступами, во многом совпадает с границей распространения неолитических скульптурных изображений на ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамике. Эти данные подтверждают гипотезу об автохтонном происхождении населения культуры с пористой и асбестовой керамикой Карелии и волосовской культуры Волго-Окского междуречья.

В Среднем Поволжье на энеолитическом поселении Галанкина Гора найдена ладьевидная чаша с зооморфным налепом, относящаяся к «валиковой» керамике, которую некоторые исследователи связывают с зауральским влиянием [14; 124]. Этот факт следует рассматривать в качестве дополнительного аргумента в пользу восточного происхождения на территории Волго-Камья населения с «валиковой» керамикой.

Традиция изготовления сосудов с фигурными изображениями на территории Севера Евро-

Рис. 2. Скульптуры и выступы на венчиках сосудов позднего неолита – раннего железного века:
1 – Пегрема VII, 2 – Пески IVa, 3, 4 – Войнаволок XXV, 5 – Тудозеро V, 6 – Войнаволок XXVII, 7, 8, 9, 10, 16 – Бохта II, 11 – Пижма II, 12 – Ружникова, 13 – Пеза (Устье р. Няфта), 14 – Келлолаистен Туллии, 15 – Вис II

пы, видимо, прерывается во второй четверти II тысячелетия до н. э. Новое появление сосудов с выступами на данной территории связано с распространением в южной части бассейна Белого моря с территории Северного Приуралья населения с керамикой типа Бохта II и сходной с ней керамикой лебяжского типа [8; 33–35]. Лебяжская керамика, относящаяся к финалу эпохи бронзы, испытала существенное влияние традиций посуды зауральского происхождения с крестовидными отпечатками, среди которой имеются отдельные экземпляры сосудов с выступами на венчике. Картографирование пунктов находок сосудов с выступами, относящихся к концу эпохи бронзы, демонстрирует направление распространения инновации – от Северного Приуралья и, видимо, Северного Зауралья к Юго-Западному Прибеломорью (рис. 1). Сосуды с выступами зафиксированы преимущественно на керамической посуде лебяжского облика (рис. 2: 7, 8, 10, 11, 13; 4: 6), но встречаются и на сетчатой керамике (рис. 3: 4; 4: 3). Показательно, что повышенная концентрация сосудов с выступами наблюдается на пограничной территории распространения керамики типа Бохта II, посуды с сетчатыми отпечатками – в юго-западной части Прибеломорья (рис. 1). Об интенсивном межкультурном взаимодействии на этой территории групп населения южного и восточного происхождения свидетельствует наличие на стоянках гибридных сосудов (в том числе с выступами на венчике), сочетающих признаки сетчатой посуды и керамики типа Бохта II (рис. 4: 2).

В эпоху раннего железа территория распространения сосудов с выступами, по сравнению с предшествующим периодом, остается практически неизменной – Северное Приуралье, южная часть бассейна Белого моря, Карелия и Восточная Финляндия (рис. 1). Сосуды с выступами зафиксированы на керамике типа лууконсаари (рис. 2: 14, 16, 3: 7), ананьинской (рис. 2: 15; 3: 1, 5) и гляденовской (рис. 2: 12). Появление сосудов с выступами на керамике типа лууконсаари, возможно, связано с влиянием населения с ананьинской керамикой, мигрировавшего с востока на южное побережье Белого моря в VI–V веках до н. э. Впрочем, не исключено, что население с керамикой типа лууконсаари, генетически связанной с сетчатой посудой, продолжает воспроизводить традицию, распространившуюся в Юго-Западном Прибеломорье еще в конце эпохи бронзы. Проведенный анализ позволил установить, что появление на территории Северо-Запада Европы сосудов с фигурными налепами на венчике связано в одном случае (эпоха неолита) с результатом конвергентного развития, в другом (эпоха бронзы – ранний железный век) – с влиянием населения культур Северного Приуралья и Зауралья. Конвергентное возникновение данной традиции вряд ли можно отнести к разряду случайных явлений, так как в культуре ряда древних и современных народов Евразии и Северной Америки имеются примеры использования сосудов с объемными скульптурными изображениями. В частности, барельефные фи-

Рис. 3. Выступы на венчиках сосудов эпохи бронзы и раннего железа:
1, 5 – Пермогорье II, 2, 4, 6 – Бохта II, 3 – Ружникова, 7 – Шуйский Остров I

Рис. 4. Сдвоенные скульптурные выступы на венчиках сосудов со стоянок Восточной Европы и Зауралья:
1 – Сахтыш I, 2 – Черная Губа IX [4; 87], 3 – Тудозеро V, 4 – Пижма II, 5 – Пыхты I [6; 60], 6 – Войнаволок XXV

гуры на некоторых сосудах со стоянок Восточной Балтии представляют собой, видимо, самостоятельную линию развития объемных изображений, связанных с керамической посудой.

Изучение явлений конвергентного развития и инокультурного влияния на керамической посуде с зооморфным и антропоморфным декором напрямую связано с рассмотрением вопросов об их семантике и функции в ритуале. Определение, хотя бы в самых общих чертах, предназначения глиняных сосудов с изображениями возможно только при наличии данных об их археологическом контексте, включающем в себя информацию о результатах пространственно-хронологического изучения данной традиции, о месте их обнаружения на памятнике, об особенностях размещения фигур на сосуде и т. д.

1. Статистические данные о сосудах с объемными изображениями свидетельствуют, что они относятся к весьма редким явлениям культуры древнего населения Восточной Европы. Как правило, в коллекции керамики того или иного типа с территории определенного региона на один подобный сосуд приходится несколько сотен или даже тысяч обычных сосудов.

Малочисленность подобных сосудов в первобытной культуре свидетельствует о том, что они изготовлялись и использовались древними людьми лишь изредка, скорее всего, во время так называемых окказиональных ритуалов.

2. Имеется сравнительно немного данных об особенностях расположения сосудов с зооморфным декором на территории поселений и в жилищах. Так, на энеолитическом поселении Войнаволок XXV фрагменты сосудов со скульптур-

ками обнаружены в слое пола жилища – в одном из его углов и неподалеку от очага. На фигурках имелись следы окраски охрой [7; 71]. На поселении Сумозеро XV фрагменты сосуда с выступами на венчике располагались в верхней части выброса из энеолитического жилища. На поселении Черная Губа IX в двух поздненеолитических жилищах у очагов найдены сосуды с зооморфным декором. Один из сосудов имеет следы починки в виде просверленных отверстий и следов заклейки смолистым веществом [4; 84–85]. На стоянке Пески IVa, исследованной нами, два сосуда с зооморфными изображениями найдены вместе со скульптурками из глины (две змеи, три обломка фигурок птиц и одна антропоморфная фигурка) на площади около 25 м^2 – на месте разрушенного более поздним котлованом поздненеолитического жилища. На поселении Галанкина Гора ладьевидная чаша с зооморфным налепом, относящаяся к группе «валиковой» керамики, была обнаружена в полуземлянке в очажной яме [14; 119].

В ходе исследований в Зауралье неолитических памятников быстринской культуры установлено, что сосуды с рельефными выступами встречены только на базовых стоянках, что, по мнению Е. Н. Дубовцевой, указывает на их особую функцию и применение в особых случаях [6; 59]. На территории поселения и святилища Палатки I сосуд с выступами на венчике был найден вкопанным в глину у очага в полуземляночном жилище. Эта постройка, выделявшаяся среди других аналогичных строений аятской культуры обилием охры в слое пола и наличием изделий культового характера, интерпретируется В. Д. Викторовой и соавт. как сакральный центр [3; 10, 13]. Многочисленность сосудов с зооморфными налепами на Кошкаровском холме дала основание В. Ф. Старкову рассматривать это сооружение в качестве культового [15].

Имеющиеся примеры свидетельствуют о находках древних сосудов с изображениями преимущественно в жилищах и на базовых стоянках, а в Западной Сибири также на территории культовых сооружений. В жилищах подобные сосуды располагаются обычно у очага, иногда вкопаны в грунт устьем вверх. Эти данные подтверждают связь большей части сосудов с изображениями, найденных на территории Северной Европы, с «домашними» ритуалами.

3. Ключевое значение для раскрытия семантики скульптурных изображений имеет их расположение парами на венчике сосуда. Это явление характерно как для зауральской, так и восточноевропейской глиняной посуды (рис. 4). Иногда на одном сосуде встречаются две пары фигурных изображений (рис. 4: 2) (Черная Губа IX [4; 84–85], Амня I [16]). На поселении Исетское Правобережное в Зауралье найден сосуд, на котором имелось шесть или восемь пар выступов-головок [9; 115]. Сосудов, где достоверно устанавливается расположение выступов парами, выявлено сравнительно немного, но следует подчеркнуть, что они датируются от эпохи неолита до раннего железа и встречаются на обширной территории от Фенноскандии до Зауралья.

В отдельных случаях удается уловить различия между парными скульптурами. У одной из антропоморфных фигурок на венчике сосуда с поселения Войнаволок XXV глубокими наколами обозначены глаза, а у другой их нет (рис. 2: 3, 4; 4: 6). Противопоставление «слепой – зрячий» является частным случаем проявления в культуре более общей бинарной оппозиции «мертвый – живой» [19; 83–86].

Парные образы в искусстве, а также представления о сосуде как о модели мироздания, как известно, относятся к разряду универсалий культуры. Парные антропоморфные и зооморфные фигуры на керамике с учетом их расположения в верхней части сосуда, помимо воплощения идеи парности-двоичности бинарных оппозиций, могут обозначать пару мифических первопредков или богов-демиургов. Не одинаковый состав парных изображений на сосудах (птица, млекопитающее или антропоморфный персонаж) со стоянок Севера Европы и Зауралья, видимо, отражает как локальные отличия в мифологических представлениях о первопредках, так и отличия в семантике используемых образов.

Таким образом, периодическое конвергентное возникновение традиции украшения керамической посуды объемными зооантропоморфными фигурами в ряде древних культур Севера Европы и Зауралья было обусловлено существованием на данной территории единых или сходных мифологических представлений, связанных с первопредками или богами-демиургами, а также окказиональных «домашних» ритуалов, в которых использовались глиняные сосуды. Поскольку глиняные сосуды со скульптурными изображениями изготовлялись лишь изредка, в особых случаях, это вполне закономерно приводило к регулярному угасанию данной традиции.

В лесной полосе Евразии, видимо, существовали два основных «центра», где в эпоху неолита – начало эпохи энеолита зародилась традиция изготовления сосудов с объемными зооморфными и антропоморфными изображениями – восточная часть бассейна Балтийского моря и Среднее Зауралье. Не исключается и независимый вариант создания фигурных изображений на сосудах в некоторых неолитических культурах, в том числе на территории Восточной Балтии. Слабые следы влияния зауральских культур в контексте рассматриваемого явления ощущаются лишь в конце эпохи неолита на территории Северного Приуралья, включая бассейн реки Вычегда.

Для эпохи энеолита Северной Европы характерно в основном конвергентное изготовление

единичных сосудов с объемными изображениями. Исключение – появление в Среднем Поволжье сосуда с зооморфным декором на «валиковой» керамике, что связано с инфильтрацией в некоторые регионы Восточной Европы групп зауральского населения.

В эпоху бронзы в лесной полосе Европы наблюдается усиление миграционных процессов, что приводит к периодическому возобновлению в отдельных локальных районах (Северное Приуралье, Прибеломорье) производства сосудов с объемными изображениями. Не исключено, что эта инновация связана с появлением на Европейском Северо-Востоке групп населения из Среднего и Северного Зауралья.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Благодарю за предоставление информации о неопубликованных находках скульптурных изображений на керамической посуде М. В. Иванищеву и Е. Л. Костылеву.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арефьев В. А. Зооморфные мотивы оформления края сосудов со стоянки Полуденка I // Советская археология. 1984. № 1. С. 229–235.
2. Буров Г. М. Древний Синдор. М.: Наука, 1967. 220 с.
3. Викторова В. Д., Колмакова В. В., Федорова А. Ю. И разные народы побывали здесь… // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 9–20.
4. Витенкова И. Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2002. 183 с.
5. Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н. э. – II в. н. э.). М.: Наука, 1988. 240 с.
6. Дубовцева Е. Н. Керамика быстринской археологической культуры (эпоха неолита) // Пятые Берсовские чтения. Екатеринбург: Свердловский областной краеведческий музей, 2006. С. 58–61.
7. Жульников А. М. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1999. 224 с.
8. Жульников А. М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, Карельский государственный краеведческий музей, 2005. 310 с.
9. Ковалева В. Т., Арефьев В. А. О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1993. Вып. 21. С. 107–119.
10. Королев К. С. Угдымский археологический комплекс на Средней Вычегде. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2002. 112 с.
11. Морозов В. М., Чемякин Ю. П. Береговые кулайские городища на Барсовой Горе // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Уральский университет, 2005. С. 201–230.
12. Мошинская В. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.: Наука, 1976. 132 с.
13. Сериков Ю. Б. Глиняная пластика Урала в эпохи неолита – бронзы // Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки. Нижний Тагил, 2007. С. 18–37.
14. Соловьев Б. С. Бронзовый век Марийского Поволжья. Труды Марийской археологической экспедиции. Т. VI. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт, 2000. 264 с.
15. Старков В. Ф. О так называемых «богатых буграх» в лесном Зауралье // Вестник Московского университета. Серия историческая. 1969. № 5. С. 3–9.
16. Стефанов В. И., Морозов В. М. Энеолитический памятник в бассейне р. Казым // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 1992. С. 77–91.
17. Стоколос В. С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.
18. Студзицкая С. В. Фигурные налепы на сосудах со стоянок волосовской культуры // История и культура Евразии по археологическим данным. Труды Государственного исторического музея. Вып. 51. М., 1980. С. 25–31.
19. Толстой Н. И. Глаза и зрение покойников в славянских народных представлениях // Конференция «Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд»: Тезисы докладов. М., 1985. С. 83–86.
20. Фосс М. Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии СССР. 1952. № 29.
21. Шорин А. Ф. О неолитических сосудах с зооморфными налепами Кошкаровского холма // III Берсовские чтения. Екатеринбург: Свердловский областной краеведческий музей, 1999. С. 31–39.
22. Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала // Труды Государственного исторического музея. Вып. X. М., 1940. 140 с.

Февраль, № 1 **История** **2012**

УДК 94(47).06

ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ ПЛАТОНОВ

кандидат исторических наук, ведущий библиотекарь Научной библиотеки, Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург)
researchers@mail.ru

КАРГОПОЛЬСКИЕ ЧАСОВНИ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА (по материалам описи 1752–1756 годов)

В статье представлен анализ архивного документа, содержащего сведения о часовнях Русского Севера в середине XVIII века. Проводится сравнение имеющейся информации с аналогичными данными конца XVII века, делаются выводы об изменениях, произошедших в религиозном быту северной деревни в первую половину XVIII века.

Ключевые слова: часовни, Русский Север, церковная реформа, православие

Исследователи деревенских святынь Средневековья и Нового времени постоянно сталкиваются с рядом затруднений, одним из которых является скудость письменных источников, в особенности – источников, сопоставимых по содержанию представленного в них материала. В связи с этим каждый документ, проливающий свет на повседневный религиозный быт сельского населения, представляет немалую ценность с точки зрения исторической этнографии [14; 148], позволяя проводить сравнения с более поздним этнографическим материалом [16], [17]. Один из таких документов хранится в Государственном архиве Новгородской области и содержит перепись часовен Каргопольского уезда, составленную около 1752–1756 годов [2]. Переписью охвачены всего 22 часовни, однако, опираясь на новые данные, представленные в нем, можно наметить тенденцию изменений, произошедших за первую половину XVIII века в религиозном быту севернорусской деревни.

В конце XVII века деревенские часовни, находившиеся до этого времени почти в безраздельном владении сельской общины, были поставлены под контроль епархиальной власти усилиями первого Холмогорского архиепископа Афанасия (архиепископ в 1682–1702 годах). Стремление Афанасия к централизации власти вызвало ряд реформ, коснувшихся как приходской системы Русского Севера, так и часовенных приходов – особых социальных образований, характерных для этого региона [12; 224–232].

Первой мерой, принятой в целях ослабления часовенного прихода, стало его экономическое подчинение. В связи с этим в 1692 году была проведена подробнейшая перепись часовен епархии, в которой были учтены часовни со всем находящимся в них имуществом, в том числе деньгами, воском, хлебными запасами, расписками о займе из часовенной казны, землями и пожнями, пожертвованными прихожанами часовням [1]. Все средства, находившиеся при часовнях, были отобраны в епархиальный казенный приказ и первоначально предназначались для постройки каменного собора в Холмогорах. Кроме того, к концу XVII века было совсем запрещено содержать при часовнях «денежную и хлебную» казну «для того, что по указу Великого Государя и по грамотам церковным казны нигде ни на какие церковные строения держать не велено» [12; 255].

Отсутствие более или менее постоянного дохода, который скапливался годами в часовенной казне и расходовался на починку часовни, украшение, покупку свеч и плату священникам, приводило к тому, что средства на поддержание часовни должны были единовременно выделяться часовенным приходом. В условиях жизни малодворных северных деревень (у 273 часовен из 434, согласно переписи, находилось от 1 до 9 дворов, и только у 77 – от 10 до 30 дворов, большей частью 10–12) такие траты могли себе позволить далеко не все хозяйства.

Вскоре после переписи часовни были обложены «часовенным сбором», собираемым в архиерейскую казну: на 1696 год такой сбор платили с 518 часовен Важской и Устьянской волостей [12; 337], причем налог собирался в несколько этапов. Сборщики архиерейской дани часовенную часть брали из церковной, приходской казны, у церковного приказчика, который должен был впоследствии взыскать эту сумму с часовенных приказчиков и прихожан, «а на ослушниках доправить неотложно» [12; 251]. Такое положение вещей было выгодно не только архиерейской казне, но и церковным приказчикам, в руках которых сосредотачивались часовенные деньги и которые могли, по выплате необходимого оброка в пользу казны, с лихвой добрать средства на приходских часовнях.

Первоначально, по-видимому, сумма была фиксированной и составляла 6 алтын и 4 деньги в год, но в 1701 году в наказе сборщику дани дьяку Даниилу Лебедеву преосвященный Афанасий ввел другую систему: «…часовни обложить данью по разсмотрению, смотря по часовни, и по строению, и по приходским при тех часовнях

© Платонов Е. В., 2012

людем, а менши 2 алтын и 10 денег скудных часовен не окладывать… а прежний оклад, да то, что сбирано по 6 алтын по 4 денги с часовни, без разбору оставить», то есть более не взимать [18; 22–23].

Помимо изменений в приходской жизни, инициированных первым Холмогорским архиепископом, на перемены в религиозном быту северной деревни повлияла и государственная политика в отношении церкви. Первая половина XVIII века ознаменовалась рядом указов, направленных на изменение и ограничение религиозных практик, сложившихся на протяжении XVII века в городах и селах.

Указ Петра I 1707 года и синодальный указ от 28 марта 1722 года, запрещая строить новые часовни и предписывая разобрать старые, одной из своих целей имел привлечение прихожан в церкви, «понеже во градех и селех обретается и кроме часовен довольно церквей, для славословия Божияго имени, правильно созданных и посвященных». Православных христиан Синод увещевал: «…снабдевать потребами, без которых быть невозможно, приходскую свою церковь по возможности и в ней служащих священников и прочих причетников, яко всегдашних молитвенников о своих прихожанех, такожде не презирать убогой своей (паче же Христовой) братии» [6; 156–157]. Иконы и часовенную утварь предписывалось отдавать монастырям и церквам, в первую очередь приходским или нуждающимся в восстановлении [6; 157]. Так, в том же 1722 году иконы, утварь и книги из ряда часовен Новгородской епархии были переданы священнику Ивану Петрову в Николо-Дворищенский собор, пострадавший незадолго до этого от пожара: всего в собор поступило имущество около 20 часовен. С тех священников, в приходах которых часовни не были разобраны, взимался штраф [3].

Однако сопротивление крестьян выполнению указа было настолько сильным, что вскоре пришлось изменять и корректировать политику в отношении часовен, чему способствовал доклад пятого Холмогорского архиепископа Варнавы Волатковского (архиепископ в 1712–1730 годах). В донесении, присланном в конце 1726 года вместе с рапортом об исполнении указа 1722 года, Варнава упоминал о большом количестве крестьянских просьб о возобновлении часовен, после чего решением Синода от 5 мая 1727 года неразобранные часовни было приказано оставить, а «которые и разобраны, а будут просители, чтоб их паки возобновить и взятые из тех часовен святые иконы отдать», разрешить выстроить вновь, отдав рассмотрение этого вопроса в ведение епархиальных архиереев, а в синодальной области – Духовной дикастерии, «не утруждая о том впредь Святейшего Синода» [8; 551–552].

Впоследствии контроль за часовенным строительством все более ослабевал: в 1734 году с подтверждением запрещения новых построек он был поручен духовным и светским управителям, которых назначал архиерей [9; 227–228], а с 1738 года – благочинному [10; 169]. В этот период, как показывают более поздние переписи часовен, большинство построек возводились крестьянами самостоятельно, без уведомления благочинного и даже приходских священников, которые, впрочем, фактически поддерживали инициативу крестьян и почти никогда не сообщали добровольно епархиальному начальству о самовольных постройках.

Таковы были обстоятельства, немало повлиявшие на религиозную жизнь северных деревень, что отразилось в материалах описи 1752 года. В документе не указано, в связи с чем была проведена работа по обследованию построек: дело предваряет промемория от 4 ноября 1743 года, однако она посвящена совсем другому вопросу – злоупотреблениям управляющих в монастырских вотчинах Иверского монастыря, и к часовням отношения не имеет.

Структура этой описи несколько отличается от схожей переписи 1692 года. Ни в одном описании не указана конструкция часовни и ее размеры, переписчиков интересовали только иконы и утварь, хранящиеся внутри. В небольших предварительных пояснениях отмечалось название деревни, расстояние ее от приходской церкви, повод и время постройки часовни, ее посвящение, а также особенности функционирования в указанный период. Для 13 часовен указан год постройки – с 1710 по 1756-й, при этом 10 из них возведены (отремонтированы) после 1727 года – с 1730 по 1756-й, то есть после доклада Варнавы и отмены решения о сносе часовен. Время постройки остальных девяти часовен не указано, отмечено лишь, что «построена в прошлых давных годех, а в котором имянно году, и колико минуло лет, и с чьего позволения построена, о том за неимением летописи показать не по чему» [2; 5] или «построена в прошлых давних летех, а в котором году за давностию и справиться, и показать не по чему» [2; 11]. Эти формулировки позволяют предположить, что указанные часовни относятся к постройкам второй половины – конца XVII века. Шесть часовен возобновлены на старом месте вместо ветхих построек, 7 построены для прекращения падежа скота и одна по обету двумя братьями, Саввой и Козмой Иконниковыми. Таким образом, при возведении часовни обет по-прежнему оставался главной причиной, как и в конце XVII века (172 обетные часовни из 434).

Так же, как и в XVII веке, некоторые часовни строились не только в деревнях, но и неподалеку от поселения, в бору, «где крестьянскому скоту… в летнее время пригон имеется» [2; 14], или находились во владении нескольких деревень и были выстроены для освящения стад (служба 23 апреля – в день вмч. Георгия) [2; 16 об.].

Часовни по-прежнему сконцентрированы вокруг приходских церквей – 13 из них находятся не далее 3,5 версты, 5 расположены в 5 верстах, две в 6–7 верстах и две в 20–25 верстах от церкви. Во всех часовнях, кроме двух последних, службы в праздничные дни проводил приходской священник с причтом, в самых же удаленных – деревнях Дураково и Пушлихте – праздничные службы, а также вечерни, утрени и часы отправляли знающие грамоту крестьяне по новоисправленным книгам [2; 25–26]. Как правило, служба происходила раз в год, только в часовне деревни Хачелской во имя патр. Модеста служили трижды – 18 декабря на память Модеста, 11 февраля на память Власия и 2 июля на память Смоленской иконы Богородицы. Все три праздника связаны с покровительством домашнего скота.

Посвящения часовен также достаточно традиционны:

Георгию	4
Петру и Павлу	2
Модесту патриарху	2
Параскеве Пятнице	2
Модесту патриарху и Варваре	1
Борису и Глебу	1
Власию и Анастасии	1
Вознесению Креста Господня	1
Животворящему Кресту	1
Илье-пророку	1
Онуфрию Великому	1
Преображению Господню	1
Рождеству Иоанна Предтечи	1
Святому Духу	1
Флору и Лавру	1

Не отмечено посвящения часовен св. Николаю, составляющего безусловное большинство среди посвящений конца XVII века; несомненно, что часовни были перепосвящены. Из 22 часовен описи только две надежно соотносятся с часовнями переписи 1692 года – в деревнях Грихневской и Окатовской [1; 152, 165], [2; 5, 11]. В то время они были посвящены Георгию и Николаю Чудотворцу соответственно; первая выстроена по обету от падежа коней, вторая – по обету без указания причины, в каждой находилось по одной праздничной иконе. Ныне же первая оказывается посвященной Онуфрию Великому, вторая – апостолам Петру и Павлу. Что касается икон, то в каждой из часовен отмечено по 21 иконе различных святых, а также лампады, деревянные подсвечники, пелены, украшающие иконные полки и книги.

К новым чертам можно отнести появление посвящений во имя иерусалимского патриарха Модеста, Модеста и Варвары, а также Онуфрия Великого: в конце XVII столетия не только посвящений этим святым, но и икон с их изображениями в часовнях не было (одно изображение св. Варвары присутствует в многофигурной композиции на иконе в часовне деревни Ромашенской [1; 280]).

В описании имущества исчезают упоминания о хлебных амбарах – как говорилось выше, в начале XVIII века держать хлеб и деньги при часовнях было запрещено указом Петра I; отсутствуют свечи и воск, а также пивные котлы, часто встречавшиеся в часовнях конца XVII века. Отсутствие свеч и воска объясняется рядом указов, запрещающих вести торговлю свечами частным лицам и продавать свечи где-либо, кроме церкви. Один из первых именных указов был принят 28 февраля 1721 года, согласно ему повелевалось «дабы при коейждо церкви един был для продажи свеч приставник, понеже мнози бывают при церквах продающие тыя, с получением не церкви, но себе прибытка». До этого свечи продавались в свечных лавках купцами, которые их изготавливали и рассылали в те места, где свечных заводов не было, приобретались перекупщиками и продавались с рук около церквей во время праздников. Свечной доход предполагалось отдавать на устройство при церквах богаделен для прокормления нищих [5; 39]. Указ этот неоднократно подтверждался на протяжении XVIII и XIX веков; исполнение его привело к тому, что в большинстве случаев свечи в часовню для праздников брали из приходской церкви в долг, после же возвращали деньги за проданные свечи.

Отсутствие при часовнях пивных котлов объясняется не только тем, что они могли быть перенесены в дома крестьян, но и тем, что большие, «пивные», праздники в XVIII–XIX веках стали праздновать у приходской церкви. В одном из частных дел 1690–1691 годов о передаче часовенной утвари «на строение» церкви указано: «…в деревне Козловке есть часовня, а у ней пашенная земля, и сенные покосы, и поварня, и котел, и крестьяне де, пиво варя, пьют и драки, и шумы чинят, и всякие худые дела». Котел был перенесен в церковь Знамения Богородицы в Старом Карсавино, однако, поскольку на месте часовни предполагалось построить церковь, крестьяне деревни Козловки обратились к Великоустюжскому архиепископу Александру с просьбой вернуть все, кроме икон, в том числе «медной котел и поваренную посуду» [4; 992–996]. Изменение места проведения праздников способствовало увеличению доходов приходских церквей, а также более тщательному церковному и полицейскому надзору за прихожанами, хотя и у церкви вплоть до начала XX века еще продолжались «драки и шумы», характерные для крестьянских праздников [11; 142].

Наибольшие различия можно наблюдать в способах оформления интерьера часовен и номенклатуре икон. Что касается количества изобра-

жений, то в конце XVII века в почти половине часовен (47 %) находилось от одной до трех икон, из них в большей части – в 92 часовнях – только одна праздничная икона. В новой описи мало бедных интерьером часовен, а часовен с одной иконой нет вообще. Часовни почти равномерно делятся на три группы, в первой из которых находится от 3 до 6 икон (6 часовен), во второй – от 7 до 9 икон (10 часовен), в третьей – от 10 до 26 икон (6 часовен). Такая статистика говорит об упразднении большинства бедных часовен с малым количеством икон, поскольку содержание их становилось непосильным вследствие введения новых налогов и других причин. Но, с другой стороны, сохранившиеся после указов 1720-х годов часовни стали более важными центрами крестьянской жизни: они начали украшаться бóльшим количеством икон, а сами иконы – медными окладами, венчиками и цатами, полотенцами и отрезами ткани (пеленами), отмеченными почти во всех часовнях. Устоялся порядок оформления интерьера часовен, приблизившийся к чину оформления церковного иконостаса. Первый, нижний ряд по-прежнему занимали местные иконы с наиболее чтимой, праздничной иконой посередине, однако второй ряд почти во всех часовнях (в 17 из 22) представлен деисусом в 3, 11, 13, 15, 17 или 18 лицах, что соответствует второму, деисусному ряду иконостаса церковного. В переписи 1692 года деисусные изображения находились только в четверти из всех часовен.

Среди представленных в часовнях икон большее место стали занимать различные изводы богородичных, относительно мало распространенные в конце XVII века; так же, как и в XVII веке, много икон св. Георгия, Власия, Флора и Лавра, Ильи-пророка – покровителей скотоводства и сельскохозяйственных занятий. К новым иконам относятся изображения Богородицы «Всех скорбящих Радость», патриарха Модеста, Александра Ошевенского, Никодима Кожеозерского, Михаила Клопского, Агапита, Харлампия, Кирика и Улиты, Алексея, человека Божия. Эти иконы не отмечены в часовнях конца XVII века.

О появлении культа св. Модеста как покровителя домашнего скота сохранились документальные сведения, относящиеся к 1723 году. К этому или немного раннему времени относится доношение местного инквизитора о явлении в Важеском уезде святого Модеста, «будто бы он явлением своим скотов падеж укротил» (речь, конечно же, идет о явлении иконы), в связи с чем было проведено расследование. Саму явленную икону не нашли, однако «означились в том уезде у обывателей писанные многие святаго Модеста, патриарха Иерусалимского… образы со изображением при нем скотов» [7; 210]. Этот извод, перекликающийся с изображениями св. Власия или св. Флора и Лавра, был запрещен Синодом, однако почитание св. Модеста в качестве покровителя стад и домашнего скота сохранилось, что демонстрируют посвящения часовен (все 3 часовни во имя Модеста поставлены по завету от падежа скота, одна из них – в деревне Тимошенской – в 1722 году; не к этому ли времени относится и легенда о явлении иконы?) и распространение икон с изображением этого святого. Во имя Модеста перепосвящали часовни после падежа скота и позже, на рубеже XVIII–XIX веков [13; 306], что говорит об устойчивой сформировавшейся традиции. Этой же причиной было обусловлено посвящение часовен и иконы с изображением св. Варвары, в конце XVII века представленных одним образом с многофигурной композицией, а ныне отмеченых в посвящении деревенской часовни (деревня Чешевская [2; 20 об.]). В этой же часовне стояла икона с изображением св. Власия и Варвары, что указывает на преимущественное обращение к великомученице как покровительнице домашних животных. Второе посвящение, как правило, соответствует новому заветному празднику, который решают отмечать в деревне после какого-либо события; соответственно, посвящение во имя св. Варвары можно считать установленным после падежа скота для благополучия поселения.

Харлампий также является святым покровителем земледельцев и скотоводов, защитником от голода и мора, подателем здравия и изобилия, исцелителем скота [15; 27]. Не случайно его изображения перечислены рядом с изображениями Модеста, Власия, Зосимы и Савватия и присутствуют только в иконографической схеме «моления»: Саваофу, Спасу, Богородице или св. Николаю, у которых св. Харлампий как бы испрашивает милости [2; 11, 14, 15 об., 16 об.]. С сельскохозяйственными культами связано почитание св. Агапита (на иконе изображен в молении Саваофу вкупе с Модестом, Власием и Алексеем [2; 14 об.]), которое, вероятно является изображением Агапита Исповедника (Синадского, день памяти 18.02/3.03), прославившегося чудесами исцеления людей и домашнего скота, а также помощью земледельцам.

В появлении образов Александра Ошевенского и Никодима Кожеозерского несомненно видно влияние насельников Кожеозерского монастыря – они находились в часовне деревни Петровской Кожской волости, в которой монастырь играл роль духовного центра.

Опираясь на данные, содержащиеся в этой небольшой описи, можно отметить появление и распространение в первой половине XVIII века новых культов святых – покровителей скота и сельского хозяйства, не представленных вовсе или имевших небольшое значение в конце XVII столетия. В целом функции часовен попрежнему были направлены на обеспечение благосостояния сельской общины, проведение мо-

лебнов о защите стад и урожая от случайной гибели. В отношении часовен как локальных святынь отмечается двоякая тенденция: с одной стороны, они стали богаче украшаться, усилилась их связь с приходской церковью, но с другой стороны, уменьшение общего количества часовен и исчезновение небольших построек привело к уменьшению типологического разнообразия среди этих культовых зданий. Интерьер сохранившихся или вновь возведенных построек обустраивался по единообразной схеме, состоящей из местного и деисусного чинов, в чем также можно усматривать проявление влияния церковных канонов.

ИСТОЧНИКИ

1. Акты Холмогорской епархии. Переписные книги часовен в Важском уезде и в Устьянских сохах. Марта 20 – июня 29. 1692 // Русская историческая библиотека (далее – РИБ). Т. XXV. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. III. СПб., 1908.
2. Государственный архив Новгородской области (далее – ГАНО). Ф. 480. Оп. 1. Д. 805. Инвентарные описи часовен Каргопольского уезда. 1752 г.
3. ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 73. Донесения с мест архиепископу Феодосию о разобрании деревянных и каменных часовен по указу Петра I и об оштрафовании виновных в неисполнении указа. Июнь – октябрь 1722 г.
4. Об отобрании у часовни деревни Козловки икон, книг, денег, письменных крепостей и всех статков… // РИБ. Т. XII. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. I. СПб., 1890.
5. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания (далее – ПСПР). Т. I, 1721 г. СПб., 1879. С. 39. См. также: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. Т. 1. СПб., 1868.
6. ПСПР. Т. II, 1722 г. СПб., 1872.
7. ПСПР. Т. III, 1723 г. СПб., 1875.
8. ПСПР. Т. V, 1725–1727 гг. СПб., 1881.
9. ПСПР. Т. VIII, 1733–1734 гг. СПб., 1899.
10. ПСПР. Т. X, 1738–1741 гг. СПб., 1911.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

11. Бернштам Т. А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX – начало XX в.) // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 120–147.
12. Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет существования и вообще русской церкви в конце XVII в. СПб., 1908.
13. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. I. Уезды Архангельский и Холмгорский. Архангельск, 1894.
14. Лютикова Н. П. Пинежские часовни по письменным источникам XVIII–XIX вв. // Русский Север. Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 148–164.
15. Малицкий Н. В. Древнерусские культы сельскохозяйственных святых по памятникам искусства // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Т. XI. Вып. 10. Л., 1932.
16. Мелехова Г. Н. Северорусские православные обряды, обычаи и традиции, связанные с часовнями (по полевым материалам Каргополья и Кенозерья) // Народный костюм и обрядность на Русском Севере. По материалам VIII Каргопольской научной конференции. М., 2005. С. 7–39.
17. Мелехова Г. Н. Православные часовни Русского Севера в XX веке (по полевым материалам Каргополья и Кенозерья 2000-х гг.) // Традиции и современность. 2006. № 4. С. 69–96.
18. Перовский В. О сборах с церквей и духовенства, существовавших в Холмогорской епархии до 1730 г. Архангельск, 1895.

Февраль, № 1 **История** **2012**

УДК 94(470,22)

КСЕНИЯ АНДРЕЕВНА ДИАНОВА
аспирант кафедры отечественной истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет
pheiruz@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ

Статья посвящена деятельности ведущей научно-краеведческой организации дореволюционной Карелии – Обществу изучения Олонецкой губернии. Рассматриваются основные направления деятельности общества и его вклад в развитие краеведения.

Ключевые слова: краеведение, А. Ф. Шидловский, Общество изучения Олонецкой губернии, «Известия Общества изучения Олонецкой губернии»

В последние десятилетия возрос интерес к прошлому Карелии. Изучением истории нашего края занимались многие краеведы, еще в начале XX века ими было создано Общество изучения Олонецкой губернии (ОИОГ). Деятельности ОИОГ посвящены отдельные статьи Н. А. Кораблева и В. П. Ершова, монографии М. А. Орешиной [17], [18], [14], [20], [21]. О краеведах Олонецкой губернии, членах ОИОГ, рассказывается в работах Х. О. Инно, С. М. Лойтер, А. М. Пашкова, А. В. Пигина и других исследователей [15], [19], [23], [24]. ОИОГ упоминается в обобщающем труде «История Карелии с древнейших времен до наших дней» [16; 334]. Вместе с тем некоторые вопросы создания и деятельности ОИОГ требуют дополнительного рассмотрения.

На Европейском Севере идея создания краеведческих обществ обсуждалась местной интеллигенцией еще с 1902 года [21; 139]. Однако реализовать этот замысел удалось лишь после революции 1905–1907 годов. Так, в декабре 1908 года было создано Архангельское общество изучения Русского Севера (АОИРС), а в 1909 году – Вологодское общество изучения северного края (ВОИСК). Краеведческие организации занимались изучением не только истории, археологии, этнографии Русского Севера, но и его природных богатств. Дореволюционные авторы отмечали, что именно торгово-промышленное развитие Российской империи побуждало региональные общества к изучению родного края [8].

Накопление знаний по истории и экономике Олонецкой губернии было связано с деятельностью специалистов Олонецких горных заводов [23; 11–12]. Изучением края занимались представители духовенства, местные чиновники и учителя. С 1838 года стали выходить «Олонецкие губернские ведомости», а созданный в 1835 году Олонецкий губернский статистический комитет издавал «Обзоры Олонецкой губернии», «Памятные книжки Олонецкой губернии» и «Олонецкие сборники». Кроме того, в 1871 году был основан «Олонецкий естественно-промышленный и историко-этнографический музей», который занимался сбором материалов по истории и этнографии края [14; 105].

Новый этап изучения Олонецкой губернии был связан с централизацией краеведческого движения, которая произошла после открытия в 1913 году ОИОГ. Инициатором создания Общества стал вице-губернатор Александр Федорович Шидловский. Еще в 1908 году, находясь на посту архангельского вице-губернатора, он стал одним из организаторов и первым председателем АОИРС. После перевода в 1911 году в Петрозаводск А. Ф. Шидловский предложил местной интеллигенции создать свое краеведческое общество по образцу архангельского [18]. Следует отметить, что до приезда А. Ф. Шидловского представители интеллигенции Олонецкой губернии уже обсуждали вопрос о необходимости создания подобного рода общества, и потому предложение нового вице-губернатора ими было встречено положительно. Целью ОИОГ было объединение усилий всех краеведов для всестороннего изучения родного края, для привлечения правительственного и общественного внимания к его особенностям и нуждам [3; 759]. Основными направлениями деятельности ОИОГ были различные краеведческие исследования, создание своей библиотеки, организация научно-исследовательских экспедиций, сбор библиографических материалов по Северу и Олонецкой губернии, а также пропаганда научных знаний. Главные результаты работы Общества публиковались в его собственном журнале – «Известиях ОИОГ», который выпускался с 1913 по 1917 год [17].

Важным этапом в истории ОИОГ стала передача в его ведение в 1914 году губернского музея, после чего музей Общества стал главным в Олонецкой губернии. «Известия ОИОГ» и «Олонецкие губернские ведомости» регулярно извещали читателей о пополнении музейных коллекций. В «Известиях» с этой целью был выделен специальный раздел «Пожертвования, поступившие от разных лиц и учреждений в музей ОИОГ». Кроме того, по инициативе Шидловского при музее комплектовалась библиотека, включавшая в себя ценные и редкие издания о Севере, составлялась библиографическая картотека. Для пополнения библиотеки Обществом был налажен об-

© Дианова К. А., 2012

мен изданиями с 62 научными организациями страны. Основой для такого обмена служили выпускаемые Обществом «Известия ОИОГ» [22].

Члены ОИОГ принимали активное участие в обсуждении различных проектов по хозяйственному освоению Русского Севера, в первую очередь проектов по строительству новых железных дорог. Развитие железнодорожного транспорта предполагало стать первым этапом как промышленного, так и сельскохозяйственного и финансового возрождения страны [21; 179].

С начала Первой мировой войны Русский Север оказался единственным районом, открытым для отношений с союзниками, поскольку Черное и Балтийское моря были заблокированы неприятельским флотом [25; 15]. Карело-Мурманский край приобрел особое стратегическое значение, и это хорошо понимали как представители власти, так и местная интеллигенция. В связи с этим они вновь подняли вопрос о необходимости расширения железнодорожной сети на Севере. С октября 1914 года Шидловский вел переговоры с членом Государственного Совета принцем А. П. Ольденбургским по проекту соединения железнодорожными путями незамерзающих гаваней на Мурмане со строящейся дорогой Званка – Петрозаводск – Кемь. В Министерстве финансов и Министерстве путей сообщения вопрос был решен положительно, и к 1916 году было решено построить дорогу протяженностью 380 верст [21; 183]. Первая мировая война серьезно повлияла и на деятельность самого ОИОГ: в условиях военного времени было резко сокращено финансирование Общества, ужесточилась цензура, некоторые члены Общества ушли на фронт. В то же время ОИОГ продолжало свою работу, и война в некотором роде послужила импульсом к возникновению новых направлений работы. Так, А. Ф. Шидловский выступил с инициативой сбора при музее писем участников войны [13; 22–23], а редакция «Известий ОИОГ» заявила об открытии в журнале нового раздела – «Память о текущей войне» [11].

В начале 1917 года А. Ф. Шидловский был вновь переведен на службу в Архангельскую губернию. Перед своим отъездом он представил членам Общества отчет о проделанной работе за весь период существования краеведческой организации. Также бывший председатель выразил уверенность, что «по окончании войны Общество вновь окрепнет и начнет свою полезную деятельность по изучению Олонецкого края» [5; 74–75]. На этом же собрании было избрано новое Правление Общества во главе с председателем Н. Л. Шишковым.

После отъезда А. Ф. Шидловского деятельность ОИОГ стала постепенно сворачиваться. Новое Правление ОИОГ не собиралось вплоть до середины апреля 1917 года, поскольку, как отмечал позже один из членов Общества В. И. Крылов, «началась Февральская революция, когда естественно все внимание российских граждан обращено было на политическую жизнь страны» [7; 33].

Летом 1917 года ОИОГ приняло участие в организации нескольких научных командировок, во время которых «Общество посильно помогало заезжим ученым в изучении местного архивного материала, в получении продовольствия, недостаток которого давал себя чувствовать в годы войны, в передвижении, при устройстве на местах и т. д.» [7; 36]. Также планировалось возродить деятельность музея, который пострадал от пожара в декабре 1916 года, по словам его заведующего В. И. Иванова, вплоть «до февраля 1917 года никто не позаботился о Музее после пожара для приведения его в порядок» [2]. Руководство Общества выступило с инициативой переноса в музей ОИОГ коллекции Горного правления, а также предложило открыть музей для доступа посетителей в определенные дни [5; 77]. Однако все эти планы не были реализованы.

В 1917 году в Петрозаводске была образована городская краеведческая организация «Комитет для ближайшего выяснения местных нужд и способов их удовлетворения главным образом в смысле использования производительных сил края». В сентябре 1917 года состоялось первое заседание Комитета, на котором по приглашению губернского комиссара присутствовали представители ОИОГ, губернского и уездного земств, городского самоуправления, горнозаводского ведомства, кооперативов, союзов и других общественных организаций. Первыми выступали члены ОИОГ, «подробно доложившие о том, что последним сделано и делается для изучения местного края». После их выступления был поднят вопрос о судьбе ОИОГ, «так как цели и задачи организуемого комитета и краеведческого общества, в общем, были одни и те же». Мнения участников совещания разделились: одни предлагали сохранить ОИОГ, другие настаивали на слиянии Общества и нового Комитета. Тем не менее большинством голосов было принято решение о самостоятельном существовании Комитета, «что, конечно, не исключало совместной деятельности его по некоторым вопросам с существующим Обществом» [6; 165–166].

В условиях развивающихся революционных событий судьба краеведческого общества была предрешена. В конце 1917 года журнал «Известия ОИОГ» был закрыт, а в апреле 1918-го по распоряжению Губернского отдела народного образования было ликвидировано и само Общество, а его имущество было реквизировано и передано различным советским учреждениям [9], [10]. При ликвидации Общества в 1918 году за ним числился долг по типографии в размере 1000 рублей, который был полностью покрыт В. И. Крыловым, предоставившим типографии вместо денег бумагу, принадлежавшую Обществу. «После покойного Общества осталось наследство – наличными деньгами несколько сот рублей, инвентарь, библиотека, собственные издания Общества и музей, которые и переданы были Губнаробразу» [7; 35]. Поскольку Общество не высказывало открытого недовольства по отношению к большевикам, никто из его членов после окончательного установления советской власти серьезно не пострадал. Напротив, часть бывших членов ОИОГ (В. Крылов, Л. Гершанович, И. Кищенко

и др.) работали в советских учреждениях и хозяйственных организациях. В 1920 году они подняли на страницах местной кооперативной печати вопрос об учреждении нового краеведческого общества [4; 104] и приняли активное участие в создании и деятельности возникшего в 1923 году Общества изучения Карелии (ОИК). Первоначально эта организация провозглашала себя как независимое от ОИОГ объединение, но в основных направлениях его деятельности прослеживалось влияние дореволюционного краеведения.

Обосновывая необходимость существования краеведческой организации, члены ОИК отмечали, что «как в безыскусственной народной поэзии, так и в других памятниках старины и обычаях – богатейшее поле для суждения о прошлой культуре Олонецко-Карельского края. В этом одна из тех причин, которая выдвинула на очередь неотложность восстановления бывшего Олонецкого Общества изучения края. Просуществовав пять лет, оно не выдержало натиска социальной революции. В эти годы коренной ломки быта, лихорадочного социалистического строительства и беспрерывных страданий в борьбе с контрреволюцией было не до “старушки истории”. В данный момент, когда все внимание приковано к культурному, планомерному, продуманному и хозяйственному строительству, необходимо заняться основательным изучением края, его прошлого и настоящего и пробудить к ним интерес. Лишь хорошо изучив прошлое, и в частности его человеческие судьбы, нам легче усвоить настоящее и правильнее построить его промышленное будущее, его хозяйственные перспективы» [1; 5].

Говоря о наследии ОИОГ, В. И. Крылов писал, что «труды этой краеведческой организации, тихо скончавшейся в 1918 году, должны лечь и, несомненно, будут положены в основу работ нового Общества, которое, в сущности, возрождает и продолжает его деятельность. Воспользоваться опытом и результатами трудов ликвидированной организации, привести их в порядок и предохранить от гибели, избежать ошибок – прямой долг краеведов возродившегося Общества» [7; 30]. Но все же ОИК не смогло развернуть такую же систематическую и масштабную деятельность, как ОИОГ, и вскоре было распущено.

Таким образом, ОИОГ внесло значительный вклад в развитие краеведения на территории Карелии. Оно стало первой централизованной краеведческой организацией, объединившей усилия карельских краеведов, что позволило наладить более эффективную работу по изучению края. Несмотря на сравнительно небольшой срок своего существования ОИОГ оставило после себя богатый опыт, всевозможные материалы, ставшие основой для комплектования в дальнейшем в Петрозаводске фондов Краеведческого музея, Национальной библиотеки, а издаваемые Обществом «Известия» до сих пор представляют научный интерес для исследователей. Все это свидетельствует о том, что ОИОГ заложило основы для развития краеведения в советский период.

ИСТОЧНИКИ

1. Гершанович Л. Задачи Общества изучения Карелии // Известия Общества изучения Карелии. 1924. № 1. С. 1–9.
2. Иванов В. Губернский Музей при Олонецком Комиссариате Просвещения // Известия Олонецкого губернского комиссариата просвещения. 1918. № 1–3. С. 52.
3. Известия АОИРС. 1912. № 16.
4. Известия Общества изучения Карелии. 1924. № 1.
5. Известия ОИОГ. 1917. № 1–3.
6. Известия ОИОГ. 1917. № 4–8.
7. Крылов В. Общество изучения Олонецкой губернии (1913–1918): краткий исторический очерк (1913–1918) // Известия Общества изучения Карелии. 1924. № 2. С. 30–36.
8. Мезиер А. «Общества изучения края» в роли библиографов. Местная библиография России // Библиографические известия. СПб., 1913. № 4. С. 263.
9. НА РК. Ф. 28. Оп. 1. Д. 106.
10. НА РК. Ф. 28. Оп. 1. Д. 172.
11. От правления ОИОГ // Олонецкая неделя. Петрозаводск, 1915. № 1. 6 января. С. 15.
12. Устав Общества изучения Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1912.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

13. Вербовская Н. В. Губернская периодическая печать как источник комплектования фондов Карельского государственного краеведческого музея // Краеведение и музей. Петрозаводск, 1992. С. 13–23.
14. Ершов В. П. Краеведение // Карелия: Энциклопедия в 3 т. / Гл. ред. А. Ф. Титов. Т. 2: К–П. Петрозаводск: ПетроПресс, 2009. С. 105–106.
15. Инно Х. О. Учитель и краевед В. И. Крылов (1874–1928) // Краевед: Сб. ст. Петрозаводск, 2007. С. 116–119.
16. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
17. Кораблев Н. А. Общество изучения Олонецкой губернии (1913–1918 гг.) // 50 лет Карельскому научному центру Российской академии наук: Юбилейная науч. конф.: Тез. докл. Петрозаводск, 1996. С. 220–222.
18. Кораблев Н. А. Общество изучения Олонецкой губернии // Карелия: Энциклопедия в 3 т. / Гл. ред. А. Ф. Титов. Т. 2: К–П. Петрозаводск: ПетроПресс, 2009. С. 293.
19. Лойтер С. М. Краеведы Карелии в фольклористике: Н. С. Шайжин // Рябининские чтения-2007: Материалы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 346–349.
20. Орешина М. А. Россия региональная: теоретико-методологические аспекты изучения. М., 2000. 196 с.
21. Орешина М. А. Русский Север начала XX века и научно-краеведческие общества региона. М., 2003. 360 с.
22. Панова Н. Петрозаводск на старых открытках // Краевед Карелии. Петрозаводск, 1990. С. 53–54.
23. Пашков А. М. Горнозаводское краеведение Карелии конца XVIII – начала XX века. Петрозаводск, 2007. 304 с.
24. Пигин А. В. К изучению научного наследия К. А. Докучаева-Баскова // Гуманитарные науки в регионах России: состояние, проблемы, перспективы. Петрозаводск, 2009. С. 175–178.
25. Трошина Т. И. Великая война… Забытая война…: Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918). Архангельск: Кира, 2008. 169 с.

Февраль, № 1 **История** **2012**

УДК 630(470.11)(091)+94(470.11)

СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА СОГРИНА
аспирант кафедры отечественной истории исторического факультета, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (г. Архангельск)
sogrinasw@mail.ru

УДЕЛЬНОЕ ВЕДОМСТВО И СМОЛОКУРЕННЫЙ ПРОМЫСЕЛ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается вопрос о влиянии законодательных, лесоохранительных и организационных мероприятий Удельного ведомства на развитие смолокуренного промысла крестьян Архангельской и Вологодской губерний. Дается общая характеристика положения промысла на удельных землях Европейского Севера России в связи с причинами появления и особенностями развития северного смолокурения.

Ключевые слова: смолокурение, крестьянский промысел, удельные земли, лесоустройство, Важская смолокурная область

Природные, географические, климатические, историко-культурные особенности территории Европейского Севера России (Архангельская, Вологодская, Олонецкая губернии) повлияли на становление и развитие промысловой системы хозяйствования населения, которая стала определяющей в социально-экономическом и историческом положении территории. Смолокуренный промысел получил наибольшее развитие в Шенкурском уезде Архангельской губернии, Вельском и Сольвычегодском уездах Вологодской губернии. В официальных документах второй половины XIX – начала XX века этот район назывался «Важская смолокурная (или смолокуренная) область» и издавна являлся поставщиком экспортной «важской» смолы. В нее входили земли, расположенные в бассейне притока Северной Двины р. Ваги, – Шенкурский уезд, четыре волости Вельского уезда и одна волость Сольвычегодского уезда [4; 4]. По данным «Ведомости удельных земель Вологодской губернии на 1892 г.», смолокурение получило наибольшее развитие в двух волостях Сольвычегодского уезда – Афанасьевской и Верхнетоемской (Верхотоемской) и в трех волостях Вельского уезда – Устьвельской, Верховской, Кулойско-Покровской [4; 42–44].

К. Н. Тарновский называет два района с развитым смолокурением: «Один из них известен под названием Важской смолокуренной области, расположенной в Шенкурском уезде Архангельской и Вельском уезде Вологодской губернии в долине р. Ваги (левый приток Северной Двины); другой – Верхне-Тоемский – сложился в Сольвычегодском уезде в нижнем течении реки Вычегды» [17; 34–35].

В начале XX века в Важской смолокурной области работали 10 022 кустаря-смолокура, в Вельском уезде – 4 274, Шенкурском – 4 576, Сольвычегодском – 1 172 [16; 420]. Исследователь П. П. Котов указывает, что крестьяне Поважья получали 90 % всей северной смолы [14; 55].

Смолокурение заключалось в переработке хвойных (сосновых) пород древесины более древним ямным и печным способом и сводилось к получению смолы, вытекающей из смолья при нагревании его без доступа воздуха. Смолокуренный промысел включал в себя также заготовку сырья, чем занимались обычно сами производители – крестьяне-смолокуры. Он был напрямую связан с использованием лесных богатств. Э. Г. Истомина рассмотрела проблему взаимосвязи человека и государства в отношении леса как основного из государственных ресурсов на примере законодательной лесоохранительной политики. Во многих лесистых губерниях уровень развития лесного хозяйства выступал своеобразным критерием состояния различных сторон общественной жизни, т. е. был фактором, который нередко определял не только степень и качество жизнеобеспечения, но и психологию, шкалу ценностей, специфические интересы отдельных слоев и групп общества» [12; 34].

Северные губернии занимали первое место в России по соотношению общей и лесной площади, в Архангельской и Вологодской губерниях показатель лесных угодий достигал 82 % [11; 22]. Смолокуренный промысел долгое время был связан с удельными и казенными землями этих губерний, а наибольшее распространение он получил среди удельных крестьян. Развитие промысла можно рассматривать в различных аспектах: историко-культурном, социально-экономическом, этнографическом и др.; с точки зрения территориального распространения в рамках официального административно-территориального деления или исторически сложившейся территории. Рассмотрим вопрос влияния мероприятий Удельного ведомства на положение смолокурения, которые могли способствовать дальнейшему развитию промысла и улучшению социально-экономического положения крестьян.

© Согрина С. А., 2012

В Архангельской и Вологодской губерниях проживало 98 % населения удельной деревни Европейского Севера России [15; 3].

Удельное ведомство было образовано 5 апреля 1797 года в связи с изданием «Учреждения об императорской фамилии» [7; 525]. В 1808 году вместо экспедиций были образованы 19 удельных контор и 3 отделения. Архангельская и Вологодская удельные конторы существовали отдельно. В 1858 году Архангельская и Вельская конторы были объединены в Вельскую удельную контору с центром в г. Вельске [13; 116]. В 1892 году вместо Вельской удельной конторы был образован Вельский удельный округ, состоявший из 18 имений. В Архангельской губернии находились следующие имения: Устьважское, в котором действовало 60 смолокуренных печей, Конецгорское (20 печей), Топецкое (54), Сюмское (166), Тарнеледское (237), Шенкурское (155), Паденгское (192), Благовещенское (223); в Вологодской губернии: Верховское (290), Вершинское (3), Сольвычегодское (не было производства), Нижнеподюжское (5), Вельское (571), Тавреньгское (8), Морадовское (25), Верховажское (438), Спасское (25), Двиницкое (8) [5; 209]. Количество печей, действовавших в период 1910–1911 годов, говорит о том, что наибольшее развитие смолокуренный промысел получил в Вельском, Верховажском, Верховском, Тарнеледском, Благовещенском, Паденгском, Сюмском и Шенкурском имениях.

Территория Вельского удельного округа располагалась по обеим сторонам среднего течения Северной Двины и почти по всему течению левого притока – р. Ваги. По данным, опубликованным в начале XX века, общая площадь округа составляла 2 644 000 десятин, протяженность с севера на юг – около 330 верст, с востока на запад – от 80 до 200 верст [9; 1]. Бóльшая часть территории находилась в Шенкурском уезде Архангельской губернии и Вельском уезде Вологодской губернии, незначительная – в Тотемском, Сольвычегодском и Велико-Устюжском уездах Вологодской губернии, в Вельске располагалось управление Удельного округа. Лесная площадь округа составляла 85,99 % от общей, из этого числа 50,38 % приходилось на Архангельскую губернию, 35,61 % – на Вологодскую [9; 2]. В изучаемый период северные леса использовались по двум основным направлениям: на первом месте стоял отпуск пиловочного леса, который получил заметное распространение в конце XIX – начале XX века; на втором – заготовка сырья для смолокурения, то есть «эксплуатация сосняков на смолье-подсочку как исключительно имеющую место только в рассматриваемом районе» [9; 57].

16 февраля 1834 года вышел указ «О передаче из Казенного в Удельное ведомство всех вообще удельных лесов» [8; 130–131]. Передача лесов из одного ведомства в другое заняла длительное время. Удельное ведомство приняло смолокурные леса в свое ведение в середине 1850-х годов в Вологодской губернии, в первой половине 1860-х годов – в Архангельской. В этот период, после Крымской войны, наблюдалось оживление торговли смолой: из удельных дач «отпускалось ежегодно до 100 тыс. бочек смолы и пека, что давало удельным крестьянам заработок от 130 до 150 тыс. рублей, а пошлин в удельный доход до 80 тыс. руб.» [13; 459], эта сумма составляла более четверти всех удельных доходов. Благодаря смолокурению лесовладелец получал значительную прибыль по сравнению с другими северными «несмолокурными» лесами, смолокурные дачи давали по 14–19 коп. дохода с десятины, другие – 11 коп. [4; 15].

Высокий доход от смолокурения, уничтожение смолокурных лесов, необходимость принятия лесоохранительных мер обратили на себя внимание председателя Департамента Уделов (и одновременно министра государственных имуществ) М. Н. Муравьева. Для изучения смолокурного дела была создана особая комиссия из чинов двух ведомств. В 1858 году министр государственных имуществ поручил корпусу лесничих совместно с чинами местного управления уделов представить предложения, касающиеся прекращения «подсачивания деревьев» [1; 1]. Эти меры затрагивали прежде всего Шенкурский уезд Архангельской губернии и Вельский уезд Вологодской губернии, где в качестве способа заготовки сырья для смолокурения использовалась подсочка сосновых деревьев.

В других районах страны сырьем для курения смолы в основном служили пни и корни (пневой осмол). В ходе работы комиссия должна была рассмотреть вопросы о степени расстройства лесов от «подсачивания деревьев»; о количестве бочек выкуриваемой смолы; о зависимости быта населения от качества и количества угодий; о способах заготовки сырья, безвредных для леса [1; 1об.].

По результатам X ревизии 1858 года на территории Важской смолокурной области проживало до 50 000 человек мужского пола, из которых более половины жили в Шенкурском уезде. Площадь, в пределах которой было развито смолокурение, составляла: Шенкурский уезд – 800 тыс. десятин, Холмогорский – 50 тыс., Вельский – 450 тыс., Сольвычегодский – 350 тыс. [1; 1об.–2] (из этих площадей необходимо исключить корабельные рощи, истощенные леса и др.). Члены комиссии отмечали, что «подсачивание лесов» в продолжение многих лет сильно расстроило и истощило их. Смолокурение как «главенствующая часть местной промышленности» в целом не внесло улучшения в благосостояние населения и привело леса к расстройству: «Смолокурение нельзя назвать выгодным, но дорого оно

для крестьянина, так как доставляет верный заработок и делается вблизи от дома» [1; 3об.]. Данные и соображения комиссии были рассмотрены в 1859 году в особом комитете по делу о смолокурении, заключения которого послужили основанием для дальнейших распоряжений в отношении северного смолокурения. Рекомендации касались условий хозяйствования и организации промысла. Перечислим основные из них: ограничение в удельных смолокурных дачах новой выкурки смолы из подсоченных деревьев до окончательного устройства смолокурных дач, запрещение новой подсочки до проведения лесоустройства; введение строгого учета заготовленного смолья; распространение вместо ямного смолокурения печного с холодильными трубами для получения скипидара; взыскание пошлины одного размера в лесных удельных и казенных дачах, смежных между собой; запрет на подсочку, направленную только для сбора серы.

В северные губернии были командированы межевые чины, в задачу которых входило устройство смолокурных дач, начавшееся в 1859 году [13; 460]. К 1866 году все смолокурные дачи площадью более 1,5 млн десятин были устроены [13; 461].

В пореформенное время Удельное ведомство, стремясь избежать дополнительных затрат на содержание лесов, ввело в практику сдачу смолокурных дач крестьянам в условное пользование и охранение на длительный период. Крестьяне неоднозначно относились к этой инициативе Удела, наблюдались повсеместные случаи отказов от договорных обязательств. Несмотря на это, в 1866 году была сдана 761 тыс. десятин, или около половины всех числившихся в то время смолокурных дач, в 1875 году – более 1102 тыс. десятин, или 84 % всей площади смолокурных лесов [13; 400].

Охранение лесов возлагалось на бесплатную стражу из лиц, выбиравшихся из своей среды обществом, принявшим дачу. От удела назначался один наемный лесной смотритель. В смолокурных удельных дачах подсочка сосны производилась на лесосеках, отводимых сразу на 5–10 лет. Каждому сельскому обществу отводился квартал для подсочки площадью 16 кв. верст, в котором домохозяин получал участок по числу душ. При проведении лесоустройства в сельских обществах собирались сведения о количестве крестьян-смолокуров по каждому селению. В целях контроля Удельное ведомство вводило для крестьян определенные платежные обязательства за материал для смолокурения, излишне выкуренную или недокуренную смолу при установленной единице объема получаемой смолы из единицы объема заготовленного сырья, за бочки для смолы, дрова при печном смолокурении и «еловые корки» – при ямном.

Общая территория смолокурных дач Важской области по трем уездам в конце XIX века составляла 1 452 452 десятины, в том числе удельных лесов – 1 295 384 десятины, казенных – 157 068 десятин. «За исключением неудобной площади полян, гарей и насаждений, не вошедших в хозяйство на подсочку, остается по удельному ведомству 717 697 дес., а по казенному только 67 085 дес.» [4; 7–7об.]. Крестьянское население этого района составляло 45 968 душ мужского пола (14 669 дворов), из них в смолокурном промысле участвовали 5 683 двора [4; 4]. В середине XIX века в Шенкурском уезде удельными крестьянами выкуривалась 61 000 бочек смолы, 1 000 – государственными; в Холмогорском – 500 бочек государственными; Вельском – 15 500 бочек удельными, 3 000 государственными; Сольвычегодском – 14 200 бочек удельными крестьянами, 2 500 – государственными [1; 4]. Управляющий государственными имуществами Вологодской губернии в 1892 году приводил следующие данные по смолокурению в Важской области. Общее пространство смолокурных дач – 1 396 970 десятин, из них 1 239 902 десятины удельных, 157 068 десятин казенных (11 %). Смолокуренным промыслом занималось население 4 720 дворов, из них 937 дворов получали сырой материал для смолокурения из казенных дач (20 %) [4; 70].

Готовый товар (смола и продукт переработки – пек) являлся экспортным, поэтому отправлялся главным образом в Архангельск, откуда шел за границу. Небольшая часть (около 10 % от общего веса и 16 % от общей цены) сбывалась на внутренний рынок, «направляясь по Мариинской системе к Петербургу и сухопутно через Вологду в город Ростов Ярославской губернии и Москву» [4; 5–6]. На внутренний рынок шли продукты переработки, получаемые на пековаренных и скипидароочистительных заводах (канифоль, скипидар, сажа, незначительное количество пека).

Относительно высокий доход, получаемый Удельным ведомством от смолокурения на северных землях, традиционность занятий этим промыслом заставляли проводить мероприятия, направленные на поддержание и развитие смолокурения. Усовершенствование технического производства, выдача ссуд, посредничество при продаже товара на внутренний и внешний рынки, исключая скупщика, должны были поднять промысел на более высокий уровень и увеличить его доходность для удела. Предписанием Главного управления уделов от 7 ноября 1895 года был разрешен ежегодный кредит на устройство при смолокурных печах холодильников и на покупку медных листов для населения, сумма кредита составляла 1 500 руб. [3; 126]. Назначение ссуд было различным: на ремонт и устройство печей, холодильные трубы, устрой-

ство медного котла «для варки смолы из-под смольной воды» и т. д. В период с 1897 по 1909 год Вельским удельным округом было выдано кредитов смолокурам на сумму 12 151 руб., медных листов и труб – на сумму 11 104 руб. [5; 206].

Управляющий Вельским удельным округом отмечал положительные стороны субсидирования смолокуров: «В тех районах, где были образованы артели смолокуров, цена скупщиков была по необходимости выше нормальной, т. к. смолокуры в противном случае увозили сдавать всю смолу в удел, получив от него ссуду. В последние два года, несмотря на падение цен на смолу за границей, местные цены держатся высокие – субсидированной – от 3 до 3 руб. 30 коп., у скупщиков – от 2 руб. 80 коп. до 3 руб.» [2; 4]. Но при этом обращалось внимание на нарушение традиционных отношений между скупщиком и крестьянином-смолокуром: «Скупщик, предвидя ликвидацию своих доходов в скором времени, уже не рискует, так как рисковал раньше в деле раздачи ссуд крестьянам-смолокурам. Сокращает раздачи денег и товаров до минимума, ненадежных вовсе бросает на произвол» [2; 23об.].

Другим направлением деятельности Удельного ведомства стало приглашение технических специалистов для обучения крестьян и устройство новых производств. В 1870-х годах недалеко от Вельска был построен удельный лесотехнический завод для развития производства улучшенных и новых продуктов сухой перегонки дерева. Завод производил колесную мазь, но из-за падения цен на товар и неграмотной организации работы в 1880 году он был закрыт с непроданными запасами мази в количестве 1 000 пудов [4; 25об.]. В начале XX века завод возобновил свою деятельность.

Чиновники Удельного ведомства неоднократно отмечали устойчивый и постоянный характер промысла у крестьян, несмотря на низкий доход, тяжелый труд, указывая, что смолокурение «ценится населением» [4; 12об].

Таким образом, Удельное ведомство, принимая во внимание большую доходность от смолокуренного промысла бывших удельных крестьян и традиционность этих занятий на данной территории, содействовало его поддержанию и развитию. Мероприятия удела в этой области сводились к лесоохранительной политике, организации учета потребления сырья и производства готовой продукции, упорядочению взыскания пошлин, техническому совершенствованию смолокурения, организации сбыта готового продукта без посредничества скупщиков. Состояние и условия смолокурения на удельных и казенных землях были различными. Наибольшее распространение оно получило у бывших удельных крестьян, в том числе и благодаря мероприятиям удельного ведомства. С другой стороны, строгая регламентация всех сторон промысла от этапа заготовки сырья до сбыта, тяжесть несения пошлин, неповоротливость бюрократической машины при решении острых финансовых и земельных вопросов приводили к разногласиям крестьян и чиновников Удельного ведомства. Земельные отношения и вопросы лесопользования на территории удельных земель Архангельской и Вологодской губерний были одними из основных проблем в отношениях с крестьянским населением.

ИСТОЧНИКИ

1. Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 50 («Журнал комитета о смолокурении в Архангельской и Вологодской губернии». 1859).
2. ГААО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 430.
3. ГААО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 512.
4. ГААО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1968.
5. ГААО. Ф. 81. Оп. 2. Д. 429.
6. ГААО. Ф. 925. Оп. 2. Д. 429.
7. Полное собрание законов Российской империи I (далее – ПСЗ РИ). Т. XXIV. СПб., 1830. Ст. 17906.
8. ПСЗ РИ II. Т. IX. СПб., 1835. Ст. 6814.
9. Рожков А. С. Из удельных северных лесов (Описание лесов Вельского Удельного округа). СПб., 1904.
10. Российский государственный исторический архив. Ф. 398. Оп. 60. Д. 19154 (Об улучшении кустарного смолокурения).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

11. Записка Архангельского Городского Общественного Управления о проведении к Архангельску Восточно-Уральской-Беломорской железной дороги с ветвью на р. Обь по проекту В. Н. Вольтмана // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 12. С. 1–72.
12. Истомина Э. Г. Лесоохранительная политика России в XVIII – начале XX века // Отечественная история. 1995. № 4. С. 34–51.
13. История уделов за столетие их существования. 1797–1897. Т. 1. СПб., 1902. 723 с.
14. Котов П. П. Смолокуренный промысел в Поважье в первой половине XIX в. // Важский край. Источниковедение, история, культура: исследования и материалы. Вып. 2. Вельск, 2002. С. 53–61.
15. Котов П. П. Удельные крестьяне Севера. 1797–1863 гг. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 1991. 80 с.
16. Кустарная промышленность России. Промыслы по обработке дерева / Сост. Н. А. Филиппов. СПб., 1913.
17. Тарновский К. Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М.: Наука, 1995. 269 с.

Февраль, № 1 **История** **2012**

УДК 94(470.116)«1920/1930»

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА ШУЛЬГИНА
преподаватель кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Института социально-гуманитарных и политических наук, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (г. Архангельск)
shulginamv@gmail.com

СОЛОВЕЦКИЕ ЛАГЕРЯ И ЭКОНОМИКА КОЛЬСКОГО СЕВЕРА В 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х ГОДОВ

В статье рассматривается вопрос об использовании труда заключенных Соловецких лагерей при освоении Кольского полуострова в 1920-х – начале 1930-х годов. Названы основные отрасли промышленности. Проанализированы бытовые условия, характер и содержание выполняемых работ, методы принуждения и стимулирования труда заключенных. Отдельное внимание уделено вкладу в развитие производств «законтрактованных» специалистов, лишенных свободы.

Ключевые слова: Соловецкие лагеря, Кольский полуостров, индустриализация, рыбные промыслы, строительные работы, добывающая промышленность, контрактация специалистов

Одна из страниц истории освоения Соловецкими лагерями Европейского Севера СССР связана с проникновением «архипелага ГУЛАГ» на Кольский полуостров. Тема использования труда спецконтингента на Мурмане нашла отражение в региональной историографии. Следует отметить многочисленные работы А. А. Киселева и В. Я. Шашкова, отличающиеся широтой освещения проблемы [30], [34] и др. Значимая роль в изучении темы репрессий, труда спецпереселенцев и заключенных в Хибинах принадлежит Хибинскому обществу «Мемориал» [32] и др. Вместе с тем вопрос, связанный с участием в промышленности Мурмана Управления Соловецких лагерей, лишь вкратце затронут в публицистических статьях [29], [31], [33] и требует отдельного внимания. Мы предприняли попытку анализа роли Соловецких лагерей в развитии экономики Мурмана.

В изучении темы чрезвычайно полезны рассекреченные документы ведомственных архивов, а также делопроизводственная документация треста «Апатит», лагеря и его отделений, хранящаяся в региональных архивах. Периодические издания, выпускавшиеся в типографии Соловецкого лагеря, позволяют составить более полное представление о выполнявшихся заключенными работах, особенностях применявшихся методов стимулирования труда. В советской прессе умалчивались факты использования труда заключенных в промышленности и строительстве, однако эти источники нередко «проговариваются».

Свидетельство дислокации Управления Соловецких лагерей особого назначения (УСЛОН) находим в топонимике Кольского полуострова: небольшая речка в районе г. Кировска, впадающая в озеро Большой Вудъявр на шестьдесят седьмом градусе северной широты, между тридцать третьим и тридцать четвертым меридианами, по сей день сохранила название «Услонка» [8]. Известно, что «услоновцами» именовали заключенных спецпереселенцы, населявшие впоследствии эту территорию.

Еще современники рассматриваемых событий отмечали, что индустриальное освоение Кольского Севера базируется на труде, который может быть отождествлен с рабским. В. И. Вернадский в 1932 году так отразит впечатления о способах освоения минеральных богатств в своих мемуарах: «Стройка огромная и большая работа на Хибинах. В основе труд крепостной – на горе, на силах, страданиях невинных…» [2].

Использование заключенных в производственных целях впервые получило апробацию на Соловецком архипелаге. Постановлением СНК СССР от 2 ноября 1923 года здесь был учрежден Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения ОГПУ (СЛОН). До 1925 года работы Соловецкого лагеря на материке носили эпизодический характер и не отличались широкомасштабным привлечением лагерного контингента. В этот период главным образом осваиваются местные производства, доставшиеся лагерю в наследство от монастыря [35].

Первое появление лагерного контингента на Мурмане связано с рыболовным промыслом УСЛОН [18]. Попытки организовать работу рыболовецких судов Соловецкого лагеря в селении Териберка, предпринятые в 1923–1924 годах, окончились провалом. Группа соловецких заключенных была отправлена на промыслы совершенно неподготовленной к северным условиям лова, отсутствовало необходимое оснащение. Осенью 1925 года для выяснения возможностей промысловой работы в Териберку был послан заведующий рыбозвероловными промыслами В. П. Доильницын. Экспедиция в составе пяти заключенных прибыла вновь в Териберку 14 мая 1926 года. Однако, поскольку собственная

© Шульгина М. В., 2012

промысловая деятельность лагеря оказалась малоэффективна, командированные экспедиции в большинстве своем занимались скупкой рыбы у местных жителей [18].

Вслед за эпизодическими выездами с архипелага на Большую землю в 1925 году началось более интенсивное распространение «Власти соловецкой» на Европейском Севере. Во-первых, получила развитие собственная хозяйственная деятельность УСЛОН на материке – организуется работа на взятых в аренду лесозаготовительных дистанциях в КАССР. Во-вторых, тогда же появляется мысль о возможности использования заключенных на «контрагентских» работах (по контракту с советскими предприятиями) с целью извлечения прибыли из их деятельности.

Малоосвоенный Кольский полуостров нуждался в рабочей силе и в специалистах. 25 мая 1923 года Советом труда и обороны было утверждено положение о колонизации Карело-Мурманского края. Лесозаготовки, лесосплав и другие работы проводились главным образом за счет временных рабочих, прибывающих на заработки. Вместе с тем с 1925 года заключенные Соловецких лагерей уже использовались на Кольском полуострове во время сезонных работ; их силами велась постройка подъездных путей, мастерских, депо, лесопильных заводов [10]. К 1926 году уже появились проекты более активного вовлечения лагерного контингента в освоение края: «Задача расширения… колонизационного фонда, культура болот и экономическая помощь переселенческим хозяйствам стоят в настоящее время на очереди дня» [10].

Самое большое значение приобретает разработка апатитового месторождения в Хибинах. Промышленным работам предшествовали научные изыскания. В 1920 году к изучению хибинских недр приступила экспедиция под руководством академика А. Е. Ферсмана. Ферсман объективно оценивал потенциал разработки апатитового месторождения. В 1923 году в свой доклад о результатах экспедиций в Хибинские и Ловозерские тундры он вносит оговорку: «…такой материал, при большей чистоте и совместном нахождении фосфорной кислоты и разнообразных силикатов щелочей, явился бы практически очень важным, если бы количественная и хозяйственная сторона его эксплуатации была обеспечена. Однако... трудная доступность ущелий этой части Хибинского массива пока не обнадеживает нас в возможности практического значения этих месторождений…» [26]. Спустя шесть лет «хозяйственная сторона эксплуатации» апатитов будет обеспечена за счет труда заключенных УСЛОН и спецпереселенцев.

Предварительная оценка запасов апатитовой породы в месторождениях Кукисвумчорра, Расвумчорра, Юкспора и Пинуайчорра обнаружила, что эти месторождения Хибинских гор содержат «исключительные запасы фосфорных руд» [28; 3]. Представлялась заманчивой возможность заменить апатитом привозные африканские фосфориты, отправлять добываемое сырье на экспорт. Это сулило ежегодное сохранение нескольких миллионов рублей валюты.

Развитие апатитового месторождения было сопряжено с целым рядом крупных технических задач: прокладка шоссе и железной дороги к месторождениям протяженностью 25 км, строительство на месте добычи жилых поселков, организация перемолочного и обогатительного завода в Хибинах, устройство гидроустановки на реке Белой, осушение болот в районе реки Белой и озера Большой Вудъявр и др. С 1928 года идет активный поиск путей решения этих проблем: «…нужно выявить те скрытые возможности, отсутствие которых не давало развития району…» [3]. Такие «скрытые возможности» были найдены в виде потенциала пенитенциарной системы.

Начало нового витка государственной политики в отношении использования труда заключенных связано с 1929 годом, когда Политбюро санкционировало организацию новых ИТЛ под эгидой ОГПУ «по типу Соловецкого». Это новой системы ИТЛ было продиктовано в первую очередь решением масштабных запросов экономического развития страны: «…опыт Соловков показывает, как много можно сделать в этом направлении (дороги, осушение болот, добыча рыбы заключенными...)» [25].

С возникновением новых задач перед Соловецкими лагерями меняется их название (Соловецкие и Карело-Мурманские исправительно-трудовые лагеря[1]), а также структура. Управление Соловецкими лагерями было переведено с островов в г. Кемь (КАССР). Для выполнения трудоемких промышленных задач на Мурмане было организовано два отделения Соловецких лагерей – Третье и Шестое. Третье отделение с центром на станции Кандалакша, насчитывающее 9 700 заключенных, осуществляло лесозаготовительные работы вдоль Мурманской железной дороги (от станции Энг-Озеро до Мурманска включительно), земляные работы в Мурманске, рыбные промыслы в Кандалакшской губе и на океанском берегу Кольского полуострова. Задачи сооружения железнодорожной ветки к апатитовым разработкам и дорожного строительства, освоения рудника, а также выполнение других ответственных заданий правительства были возложены на Шестое (Апатитское) отделение с центром в разъезде Белый. В апреле 1930 года оно включало 2 340 заключенных [21].

Экспорт апатитов планировалось вести через Мурманский порт, поэтому прежде всего заключенным, командированным с Соловков, необходимо было проложить через болота и откосы гужевую дорогу. В 1929 году на ее строитель-

стве было задействовано около 600 человек. Невзирая на сложный рельеф местности, работы велись «усиленным темпом, преодолевая серьезные затруднения, заключающиеся в недостатке рабочей силы, позднем оттаивании болот в горах, обилии комаров и т. п.» [28; 7]. Дорога была официально открыта 25 сентября 1929 года.

13 ноября 1929 года был создан трест «Апатит» – государственная организация, призванная добывать и перерабатывать горную породу. Постановлением Совета труда и обороны и СНК СССР от 26 декабря 1929 года трест был включен в число 29 сверхударных строительств как «имеющий важное государственное значение» [5; 44]. Управляющим трестом был назначен Василий Иванович Кондриков. Предстояло обеспечить трест людскими ресурсами.

Перспективы привлечения заключенных Соловецких лагерей к апатитовым разработкам обсуждались на партийном собрании Соловецкой ячейки ВКП(б) 9 декабря 1929 года: «…нельзя… не отметить об наших апатитах, которые у нас раскрыли в Хибинском районе, и по наведенным исследованиям эта добыча будет составлять примерно 1 млн т апатита в год, этим вопросом занялся теперь УСЛОН…» [20]. Вслед за этим 1 января 1930 года С. М. Киров провел совещание в поселке Кукисвумчорр по перспективам освоения апатитонефелиновых месторождений. Не случайно вместе с Кировым на совещание прибыл начальник УСЛОН А. П. Ногтев: перспективы строительных работ и разработки рудника всецело ассоциировались с трудом заключенных [6].

Едва была проложена гужевая дорога, как Управление СЛОН заключило договор с Правлением Мурманской железной дороги на прокладку ветки «Апатиты». На этом задании было задействовано до 2 500 заключенных [7; 65]. Тяжелейшие работы велись в экстремальных условиях полярной мерзлоты. Этот факт не скрывают даже прошедшие цензуру периодические издания УСЛОН: «Это был действительно без преувеличения титанический труд. Каменные породы необычной твердости, подобные цементу, и мерзлота грунта заставляли даже летом обкладывать отдельные места кострами и отвоевывать, давая оттаивать грунту. Огромные валуны… массы земляных работ – свыше 250 000 кубометров, насыпи до 7 метров высоты на болотах, около четырех десятков мостов, непредвиденные трудности вроде знаменитой “мокрой выемки”, являющейся следствием сообщения двух озер, ураганы… работа в зимние полярные ночи при фонарях и многое другое…» [1]. При этом заключенные были лишены полноценного отдыха, нормального питания и подходящей одежды. При всех этих нечеловеческих условиях железнодорожная ветка, проложенная за год вручную по долине реки Белой и по берегу озера Вудъявра, была построена к 26 июня 1930 года, на 35 дней раньше выработанного Правительственной комиссией срока. Эти работы принесли УСЛОН доход в 1,5 млн рублей [7; 39]. Начало работы железной дороги открыло возможности для заброски спецпоселенцев, поставки строительных материалов [13].

Развитие промышленно-колонизационного центра активизировало работу Мурманской железной дороги и Мурманского порта. В 1930 году в Гамбург через Мурманск направлена первая партия, 750 т хибинского апатита [17]. Объем грузооборота в Мурманском порту резко возрос также за счет лесоэкспорта. В условиях нехватки рабочих рук в Мурманском пункте СЛОН были организованы артели для выполнения погрузочно-разгрузочных работ. Силами УСЛОН в Мурманском порту велись земленасыпные работы для постройки на этом участке траловой базы Севгосрыбтреста, осуществлялась добыча камня для постройки дамбы, работы на лесных биржах [24]. При тяжелой выполняемой работе бытовые условия пункта оставляли желать лучшего: заключенные не имели возможности мыться в бане, не выдавалось белье, не оказывалась медицинская помощь [15].

Тем временем задания на добычу и вывоз горной породы становились все более серьезными. В 1930/31 году Правительственной комиссией было намечено добыть 500 000 т руды. На разработках было занято около 1500 человек, работавших беспрерывно по 12 часов. Трест испытывал существенный недостаток транспорта и техники, работы производились вручную. Добыча осуществлялась примитивным способом – по построенному деревянному спуску, который в связи с сильной изношенностью не годился к эксплуатации. В результате из намеченных к добыче и вывозке 250 000 т апатита на 1 октября было добыто лишь 22 000 т и вывезено около 5 000 т. Задание было выполнено лишь на 20 % [23].

Отсутствие необходимых условий труда и техники компенсировалось организацией социалистических соревнований среди заключенных и «распределением продуктов питания по трудовому принципу» [11]. В это время издания лагеря пестрят лозунгами типа «Даешь апатиты!», «Нефелин – не филонь[2]!» и др. На практике это означало, что заключенный получал шанс на лучший паек (следовательно, на выживание) только при условии ударного труда и выполнения нормы с завышенными показателями. Социалистические соревнования среди артелей УСЛОН практиковались и при строительстве, погрузочных работах, лесозаготовках.

Главной же составляющей принуждения к труду заключенных, которую привнесли Соловецкие лагеря на Кольский полуостров, являлось физическое насилие. Обследование Соловецких

лагерей Особой комиссией под председательством секретаря Коллегии ОГПУ А. М. Шанина показало, что Третье и Шестое отделения не составляли исключения в общей картине жесточайшего обращения с заключенными: здесь, как и в других командировках и отделениях лагеря, были выявлены факты систематических избиений, в том числе зафиксированы случаи с летальным исходом [27]. Неудивительно, что в отделениях часто совершались попытки к бегству. В ноябре 1929 года 60 заключенных, обезвредив охрану, покинули место лесоразработок возле Мурманской железной дороги. Перейти границу с Финляндией удалось группе из 18 человек, остальные были задержаны погранохраной [19].

Трест «Апатит» нуждался не только в рабочей силе. В начале 1930-х годов квалифицированные специалисты для рудников подбирались также через Соловецкие лагеря. Отдаленность Мурманского округа от центра страны, суровые климатические условия затрудняли подбор вольнонаемных специалистов. Среди причин, отпугивающих административный и инженерно-технический персонал от поездки в Хибины, управляющий трестом В. И. Кондриков называет «острый жилищный кризис, усугубленный рядом других причин бытового характера» [5; 44].

Кроме того, тресту было выгодно комплектовать квалифицированные кадры из заключенных, так как «аренда» лишенных свободы сотрудников обходилась гораздо дешевле. Согласно условиям договоров между трестом «Апатит» и СИКМ ИТЛ, для «законтрактованных» специалистов из заключенных устанавливался ненормированный рабочий день. Оплата труда «рабочей силы» перечислялась на счет УСЛАГ[3]. Лагерь оставлял за собой право снять заключенных с работ в любой момент [5; 8, 21, 37–38]. Соловецкие лагеря оказались способны поставлять тресту заключенных самых разнообразных специальностей (даже таких, которые трудно было найти на свободе) [5; 21, 31, 45]. Многие «законтрактованные» специалисты оказывались незаменимы: об этом красноречиво свидетельствует переписка треста с ОГПУ по вопросу их оставления на производстве. Только распоряжение от вышестоящих инстанций ОГПУ порой становилось решающим в вопросе продления срока работы сотрудника [5; 23, 31, 44].

История сохранила имена некоторых лишенных свободы специалистов. Работа по изучению деятельности каждого из них еще предстоит. Видное место принадлежит минералогу, талантливому ученому и преподавателю Борису Александровичу Линденеру [5; 26], проектировщику и первому горному инженеру апатитового рудника Петру Николаевичу Владимирову [5; 1–6], заведующему 2-м участком рудников штейгеру[4] Семену Исаевичу Левитину [5; 31–32] и др

После очередной реорганизации системы Соловецких лагерей в 1931 году отделение переименовали в Шестой (Хибинский) отдельный пункт СЛАГ ОГПУ. Свидетельства о размещении заключенных Соловецких лагерей в Хибинах сохранились во многих сообщениях высланных [12], [14], [16] и др. Так, А. Лескова вспоминает: «Мы приехали в Хибины в тридцатом году, 14 марта… по одному, по два вагона доставили до места на “кукушке”. Едем-едем и свалимся, потому что рельсы прямо по кочкам в снегу были положены. Дорогу эту строили заключенные. Они жили там же на 13-м километре, где и нас поселили, только с другой стороны» [16].

В 1931 году часть жилого фонда Управления Соловецкими лагерями на 13-м и 25-м километрах была передана Горкомхозу, палаточный городок на 13-м километре был полностью ликвидирован [4]. Вероятно, ликвидация пункта УСЛОН была вызвана усилившейся кампанией против рабского труда в СССР со стороны Запада, когда проводилось устранение всех следов мест заключения на Севере. Освобожденные шалманы и бараки отводились спецпереселенцам. Их силами было продолжено промышленное развитие Кольского полуострова.

Проведенное исследование показывает, что заключенные Соловецких лагерей сыграли значительную роль в начале промышленного освоения Кольского полуострова – прокладке первых дорог, осушении болот, разработке Хибинского апатитового месторождения. На долю контингента УСЛОН пришлись самые тяжелые строительные работы, которые требовали мобилизации трудовых ресурсов. При этом экстремальные условия труда и проживания заключенных не отличались от других материковых и островных отделений Соловецких лагерей. Способы стимулирования и принуждения к труду, применяемые в отношении спецконтингента на Кольском полуострове, генетически связаны с методами, введенными в СЛОН. Статистические показатели свидетельствуют о низкой производительности труда заключенных. Отдельный вклад в развитие промышленности Мурмана внесли специалисты из числа заключенных.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает глубокую признательность доктору исторических наук, профессору Мурманского государственного гуманитарного университета А. А. Киселеву за высказанные рекомендации к работе, а также заместителю председателя Хибинского общества «Мемориал» О. П. Смоленчук и старшему научному сотруднику Мурманского областного краеведческого музея К. Я. Коткину за содействие в поиске дополнительных материалов, обогативших настоящее исследование.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Прежнее название лагерей использовалось в документации наряду с новым.
[2] Филонить – увиливать от работы.
[3] Аббревиатура «УСЛАГ» появилась в 1931 году и употреблялась в документации наряду с прежними наименованиями.
[4] Штейгер – мастер, ведающий рудничными работами.

СОКРАЩЕНИЯ

ГАМО – Государственный архив Мурманской области (г. Мурманск).
ГАМО в г. Кировске – Государственный архив Мурманской области в г. Кировске.
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (г. Москва).
ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ.
ИТЛ – исправительно-трудовые лагеря.
КМК – Карело-Мурманский край, журнал.
НАРК – Национальный архив Республики Карелия (г. Петрозаводск).
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР.
ОДСПИ ГААО – Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области.
СИКМ ИТЛ – Соловецкие и Карело-Мурманские исправительно-трудовые лагеря (с 1930 года).
СЛАГ – Соловецкие лагеря (с 1931 года).
СЛОН – Соловецкие лагеря особого назначения ОГПУ (с 1923 года).
УСЛАГ – Управление Соловецких лагерей (с 1931 года).
УСЛОН – Управление Соловецких лагерей особого назначения ОГПУ (с 1923 года).
ЦА ФСБ – Центральный архив Федеральной службы безопасности (г. Москва).

ИСТОЧНИКИ

1. Б. Э. Нефелин – не филонь // Новые Соловки. 1930. 8 июля. № 30. С. 3.
2. Вернадский В. И. Дневники. 12 февраля 1932 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 17. Л. 6–6 об.
3. Гаевский П. Образование Хибинского промышленного центра // КМК. 1928. № 9. С. 11–13.
4. ГАМО в г. Кировске. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1–34. Л. 832.
5. ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-179. Производственное объединение Аппатит имени С. М. Кирова. Оп. 1. Д. 25.
6. ГАМО. Ф. Р-773. Кондриков В. И.
7. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2919.
8. Географический словарь Кольского полуострова / Под ред. В. П. Вощинина. Л., 1939. Т. 1.
9. Горский. Мурманский пункт // Новые Соловки. 1930. № 27. С. 3.
10. Д. Колонизация Мурманской ж[елезной] д[ороги] // Новые Соловки. 1926. № 45(97). 7 ноября. С. 1.
11. Даешь апатиты // Новые Соловки. 1930. № 30. 8 июля. С. 2.
12. Ершова О. Это было, было! [Воспоминания]. Л. 4 // Архив Хибинского ИПО «Мемориал».
13. Закончена постройка Хибинской ветки // Новые Соловки. 1930. № 28. 28 июня. С. 1.
14. Карпанина (Таюшева) А. Н. Урал – Хибины – Родина моя [Воспоминания]. Л. 2 // Архив Хибинского ИПО «Мемориал» (г. Апатиты, Мурманская обл.).
15. Лагкор. Мурманск // Новые Соловки. 1930. № 8. 16 марта. С. 3.
16. Лескова А. Тогда мы могли построить коммунизм [Воспоминания]. Л. 1 // Архив Хибинского ИПО «Мемориал».
17. Лин П. Аппетиты к апатитам (Письмо из Гамбурга) // КМК. 1930. № 3. С. 21.
18. Н. В. УСЛОН на Мурмане (Беседа с заведующим рыбо-звероловными промыслами на Соловках и Уполномоченным УСЛОН на Мурмане В. П. Доильницыным) // Новые Соловки. 1926. № 45(97). 7 ноября. С. 1.
19. НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 19.216. Л. 9–10.
20. ОДСПИ ГААО. Ф. 5715. Оп. 1. Д. 11. Л. 361.
21. Отчет комиссии А. М. Шанина коллегии ОГПУ об обследовании Соловецких лагерей. ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 116. Л. 1–3. Опубл.: Архив А. Н. Яковлева [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1002596
22. По краю: На апатитовых разработках // КМК. 1930. № 3. С. 33.
23. По краю: На апатитовых разработках // КМК. 1930. № 7–8. С. 55.
24. Поляров. Океан побежден // Новые Соловки. 1930. № 15 (17 апр.). С. 3.
25. Рождение ГУЛАГа: дискуссии в верхних эшелонах власти. Постановления Политбюро ЦК ВКП(б). 1929–1930 гг. / Публ. С. А. Красильникова // Исторический архив. 1997. № 4. С. 145.
26. Хибинский массив (Очерк научных результатов экспедиций в Хибинские и Ловозерские тундры 1920–1921 и 1922 гг.) / Под ред. А. Е. Ферсмана. М.; Пг., 1923. С. 63.
27. ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 116. Л. 102–112. Опубл.: Архив А. Н. Яковлева [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1000703
28. Чиркин Г. Промышленные перспективы хибинских минеральных богатств // КМК. 1929. № 8/9. С. 3–8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

29. Берлин В. Хибинское эхо ГУЛАГа // Культурологический альманах АСТЭС. Вып. 5. Мурманск, 2008. С. 7–77.
30. Киселев А. А. ГУЛАГ на Мурмане: Репрессии 30-х – 50-х годов XX века на Кольском полуострове: очерки. Мурманск: МГПУ, 2008.
31. Матвеев А. Хибины – новенький вагон в социалистическом поезде // Котлован: Спец. вып. Хибинского отделения общества «Мемориал». [б. г.]. С. 5.
32. Мурман, Хибины: До и после… / Под ред. Г. Бодровой; Хибинское общество «Мемориал». Апатиты: Север, 2002.
33. Пленники Хибин (По материалам Кировского историко-краеведческого музея) // Хибинский вестник. 2009. № 42. 22 октября. С. 7.
34. Шашков В. Я. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. Мурманск, 2000.

Февраль, № 1 **Педагогика** **2012**

УДК 37.013.42

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА РЫЧКОВА
доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и специальной педагогики, Мурманский государственный гуманитарный университет
natalia-rychkova@rambler.ru

ПРЕВЕНТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ КОРРЕКЦИОННО-РАЗВИВАЮЩЕЙ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ ГРУПП ВЫСОКОГО РИСКА ПО РАЗВИТИЮ ДЕЗАДАПТИВНЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ

Изучены индивидуально-типологические особенности поведенческих расстройств у детей раннего возраста из неблагополучных семей. Представлены уровни семейной дезадаптации. Определены превентивные и коррекционно-развивающие мероприятия с детьми групп риска. Представлены метод коррекции поведения, реализуемый в три этапа, а также работа при гипердинамии у детей.

Ключевые слова: неблагополучная семья, нарушение поведения, дезадаптивная семейная микросреда, коррекционно-развивающее обучение, коррекция поведения, ранние превентивные мероприятия

Актуальность темы связана с относительной распространенностью поведенческих расстройств, приводящих к дезадаптации личности, и их отрицательной социальной значимостью. Обозначавшийся в последние годы поворот в сторону все большего признания целесообразности и эффективности оказания ранней помощи лицам с нарушениями поведения, приводящими в дальнейшем к социальной дезадаптации, связан, прежде всего, с определенными достижениями в области педагогической, психологической и клинической практики (Н. В. Вострокнутов, В. И. Гарбузов, А. И. Захаров, М. М. Кабанов, В. А. Карвасарский, В. И. Лубовский, А. В. Мудрик, В. С. Мухина, В. М. Шумаков). Подчеркивается необходимость расширения межведомственных контактов для решения проблемы интегративного коррекционно-развивающего обучения и комплексных социально-воспитательных мероприятий (В. Г. Бочарова, Г. Ф. Кумарина, Л. Я. Олиференко, В. А. Ситаров и др.). Что касается разработки коррекционно-развивающих технологий и совершенствования социально-воспитательных мероприятий с превентивной целью, то они не нашли достаточно полного отражения в научной литературе, акцент делается в основном на обосновании их необходимости.

По полученным нами данным комплексных, многоаспектных исследований, лица с психическими отклонениями, совершавшие опасные действия, обнаруживают стойкую социальную дезадаптацию, возникшую вследствие нарушения формирования личности и поведения на ранних этапах социализации в условиях «неблагополучной» семейной микросреды и на исходно неполноценном биологическом фоне [5], [6].

Изучение влияния разных факторов на становление характерологических и личностных отклонений, раскрытие сложных процессов их формирования на ранних этапах онтогенеза лежат в основе разработки комплексных мероприятий коррекционно-развивающего и социально-воспитательного характера по первичной диагностике и предупреждению поведенческих нарушений как в условиях семьи, так и системы непрерывного образования, реализуемого учреждениями разных ведомств. Эти мероприятия на различных стадиях развития личности относятся к превентивной педагогике. Она адресована сравнительно узкому контингенту – так называемым группам риска, имея в виду высокую вероятность развития психических заболеваний и дезадаптивного поведения, где практически всегда обнаруживаются донозологические личностные и рудиментарные поведенческие расстройства. Необходима научная и практическая работа по изучению биологических и социальных факторов, влияющих на ранних этапах онтогенеза на развитие личностных нарушений и поведенческих расстройств, для разработки комплекса превентивных коррекционно-развивающих технологий и социально-воспитательных мероприятий в группах риска с конечной целью предотвращения социальной дезадаптации. Все это мы относим к предмету превентивной педагогики, которая включает в себя воспитательные и коррекционно-развивающие технологии обучения для контингента групп детей высокого риска по развитию поведенческих нарушений, а также социальную работу с их семьями.

Результат различий взаимопроникновения факторов: биологических, социальных, психолого-педагогических, генетических – послужил критерием выделения групп риска по многообразию вариантов формирования личностных и поведенческих расстройств. Выделены следующие группы риска: 1) дети, находящиеся на воспитании в семьях с различным уровнем социальной дезадаптации; 2) дети с высокой на-

© Рычкова Н. А., 2012

следственной отягощенностью психическими заболеваниями; 3) дети с синдромом двигательной расторможенности; 4) дети, находящиеся в условиях депривации.

К неблагоприятным факторам биологического порядка следует отнести: 1) патологическое протекание беременности и родов; 2) неблагоприятные воздействия постнатального периода; 3) повышенная частота соматических заболеваний в первые годы жизни. К генетическим факторам можно отнести высокую наследственную отягощенность психическими и соматическими заболеваниями. Психолого-педагогический фактор – неправильный тип воспитания – проявляется чаще в виде гипоопеки, противоречивости требований к ребенку со стороны родителей, иногда жестокости обращения, амбивалентности чувств, эмоционального отвержения.

Показано, что одним из ведущих негативных условий в формировании девиантных форм поведения является неблагополучная родительская семья, в которой проходит ранняя социализация ребенка. Образ жизни родителей в таких семьях закладывает основу будущего социального и биологического неблагополучия ребенка начиная с первых дней жизни. Сплав разнообразной психоневрологической симптоматики с раннего детства создает условия для формирования характерологических и личностных нарушений.

Выделение и изучение групп риска наталкивается на определенные трудности; связано с необходимостью междисциплинарного подхода. Для понимания сущности этих состояний важно исследование не только многих клинических, но и не меньшего количества психологических, социальных факторов, а также рассмотрение юридических вопросов.

С целью дифференциации коррекционно-развивающей и профилактической работы проводится комплексное педагогическое, психологическое, социальное и клиническое обследование, которое осуществляется педагогом, психиатром, логопедом, педиатром, психологом, физиологом совместно. Клиническое обследование включает тщательный сбор анамнестических сведений; выявляются имеющиеся отклонения в психическом статусе, данные соматического здоровья, а также особенности психомоторного развития, объективные показатели инструментальных исследований. Психолого-педагогическое исследование охватывает следующие моменты: познавательная сфера, деятельность (целенаправленность, способ, установка на результат, продуктивность), состояние произвольных движений (общих и тонких), экспрессивная и импрессивная речь, характер и уровень ведущего вида деятельности, поведение в разных ситуациях, эмоционально-волевая сфера, внимание, особенности мышления, обучаемость и упражняемость, личностные особенности (интересы, привязанности, самооценка, тип реагирования на внешние воздействия). С родителями детей проводятся педагогические беседы, обследование с помощью психологических методик с целью составления личностных характеристик, выявления уровня и механизмов социальной и трудовой дезадаптации.

Нами было обследовано 200 детей, начиная с раннего возраста и далее по годам жизни. Для исследования была специально разработана карта динамического обследования ребенка, которая позволяет дифференцированно решить вопрос о помещении ребенка в тот или иной тип образовательного или медико-воспитательного учреждения в соответствующий возрастной период и дать рекомендации по коррекционно-развивающему обучению, воспитанию, медицинским и психопрофилактическим процедурам, а также о возможности индивидуальной работы. Карта процедурно легкая, содержит полные сведения о семье и ребенке по годам жизни и данные экспериментального исследования. В нее включены разделы, которые охватывают генетическую характеристику, наследственность, данные о развитии ребенка по годам жизни, развитие психомоторных функций, начальное эмоциональное и интеллектуальное развитие, социальную характеристику семьи, характер взаимоотношений между родителями и ребенком, проявления семейной дезадаптации и их влияние на формирование поведения ребенка, отношение ребенка к членам семьи; неврологический и психический статус в динамике, данные педагогической и психологической диагностики, наличие отклонений в моторном и речевом развитии, состояние эмоционально-волевой и личностной сферы, данные объективного обследования с помощью аппаратуры; раздел для подведения итогов коррекционно-развивающей и социально-воспитательной работы с ребенком и семьей. Перед началом исследования собираются полные анамнестические сведения, социальная характеристика семьи. При составлении заключения трактовка состояния отклоняющегося развития и поведения на основе качественного анализа результатов систематизируется только по нозологическому принципу. Даются рекомендации о направлении ребенка в тот или иной тип детского воспитательного учреждения. В дальнейшем после проведенной системы дифференцированных мероприятий коррекционно-развивающего характера диагностическое исследование повторяется. В большинстве случаев у всех обследованных детей групп высокого риска отмечается ранняя церебрально-органическая недостаточность (анте-, пери- и постнатального генеза). Семьи, в которых находятся на воспитании дети, обнаруживают тот или иной уровень социальной, психологической, а также структурной дезорганизации. Часть родительских семей

являются социально деградированными, ведущими откровенно аморальный образ жизни. Внутрисемейный микроклимат в нравственно и социально дезорганизованных семьях отличается высокой конфликтностью в быту и на работе, враждебностью, агрессивностью во взаимоотношениях между членами семьи. Низкий уровень культуры и знаний, социально-трудовой адаптации, быта, частая алкоголизация кого-либо из родителей в сочетании с нарушениями взаимоотношений между родителями имеют отрицательное влияние на характер и определяют специфику приемов воспитания ребенка и ухода за ним. Большинство случаев составляют (вследствие разных причин) неполные и распадающиеся семьи в сочетании с социальной дезадаптацией и деформацией психологической атмосферы. Такое сочетание не только в значительной степени снижает полноценность осуществления воспитательных функций, но и непосредственно искажает формирование эмоциональных реакций ребенка.

Нами выделены уровни семейной дезадаптации: 1) неблагополучная семья – распавшаяся; 2) семья с наличием конфликтных внутрисемейных отношений, препятствующих выполнению воспитательных функций; 3) дезадаптивная семья с антисоциальной направленностью. Выявлены следующие асоциальные и антисоциальные сферы деятельности семьи и лиц ближайшего окружения ребенка: бытовое пьянство, драки, воровство, тунеядство, беспорядочные сексуальные связи, пребывание в заключении и др. Определено влияние семейной дезадаптации на развитие поведенческих девиаций у ребенка. Изучены индивидуально-типологические особенности поведенческих нарушений детей в связи с психологическим механизмом влияния отношений в семейном воспитании на психическое развитие. В случаях, когда родители проявляют безразличие, невнимательность, отсутствует эмоциональная привязанность матери к ребенку, дети не только испытывают эмоциональную и сенсорную депривацию, заброшены, педагогически запущены, но и подвергаются постоянному психическому травмированию, что приводит в силу беззащитности ребенка к развитию аффективной возбудимости. С одной стороны, эти дети назойливо требуют внимания и ласки к себе со стороны взрослых, с другой – отличаются крайней обидчивостью, конфликтностью, легким возникновением дисфорических расстройств со злобностью, агрессивностью и негативными реакциями.

В семьях, характеризующихся наличием обострившихся внутрисемейных отношений, поведение родителей определяется, как правило, различными несогласиями, противоречиями, частыми ссорами и аффективными способами их разрешения. Тип воспитания отличается несдержанностью и грубостью родителей в обращении с ребенком, несогласованностью воспитательных приемов в сочетании с периодами временной «заброшенности». Детей из таких семей наряду с педагогической запущенностью обычно отличает плохое адаптирование, неуверенность в себе, крайнее затруднение вступления в контакт со сверстниками и взрослыми. В отдельных случаях дети проявляют элементы деспотических требований при стремлении достичь своих целей. Под влиянием незначительных отрицательных воздействий многие из них склонны проявлять черты сензитивности и тормозимости. Самозащита выражается как в виде пассивно-оборонительных действий, так и в виде аффективных вспышек. Как бы «эмоционально заражаясь», дети легко перенимают, копируют способы выражения чувств.

Исследование уровня психического развития и поведенческих нарушений проводится по специально разработанной нами схеме с учетом имеющихся методических разработок в этой области. Используются также общепринятые в психологии и педагогике экспериментальные тесты [4], [5]. Полученные результаты свидетельствуют, что все обследованные дети обнаруживают задержку психомоторного и речевого развития, выраженную в разной степени, отклонения в состоянии эмоционально-волевой сферы и поведения.

Уровень познавательной деятельности и способы выполнения действий у всех детей ниже возрастной нормы, некоторые из них не сличают цвета и форму, не осуществляют переноса. Игра в преобладающем большинстве случаев не носит процессуального характера, а представляет собой специфическое и неспецифическое манипулирование предметами. Запас знаний и сведений об окружающем ограничен, соответственно, словарный запас беден, 40 % детей не владеют навыками самообслуживания. Дети обнаруживают обозначенные выше отклонения в поведении. При обследовании функции внимания у детей с гипердинамическим синдромом обнаружены такие его особенности, как медленная переключаемость, недостаточная концентрация, объем и распределение.

Следует особо выделить группу детей с наследственной отягощенностью шизофренией. У таких детей существует высокая предрасположенность к возникновению эндогенного заболевания и опосредованию, через неадекватные условия социализации, к формированию личностных и характерологических аномалий. При обследовании нередко выявляются девиации поведения и задержка в развитии, диссоциация отдельных сторон деятельности и черты аутизации. В дальнейшем в дошкольном возрасте наряду с задержками психомоторного и речевого развития, малым запасом знаний и сведений об

окружающем, низким уровнем умений и навыков имеющиеся трудности поведения становятся ярко выраженными, выступают на первый план, действия детей зачастую коррелируют с поступками родителей. Общеизвестно, что дошкольный возраст характеризует высокая подражательность по сохранившемуся впечатлению (в отличие от непроизвольного копирования в более ранние этапы жизни), предметным действиям, отношениям и неосознаваемым достаточно манерам поведения. В процессе игры находят отражение сначала отдельные действия взрослых лиц, а затем целые ситуации. Поэтому семейное воспитание, микросоциальные условия становятся решающими факторами развития и формирования личностных свойств.

К одной из групп высокого риска по формированию поведенческих расстройств относятся дети с гипердинамическим синдромом. Основными характеристиками этого синдрома в раннем возрасте являются: повышенная двигательная активность, нарушения сна, резкие колебания настроения, быстрая истощаемость, низкая способность к концентрации внимания, проявляющаяся в повышенной отвлекаемости. В дальнейшем эти проявления, возникшие в раннем возрасте, замещаются трудностями поведения.

Дифференциация динамического наблюдения детей групп высокого риска, начиная с младенческого и раннего возраста, позволяет целенаправленно подбирать коррекционно-развивающие технологии в соответствии с нозологической принадлежностью ребенка, уровнем психомоторного и эмоционального развития, а также проводить социальные и воспитательные мероприятия.

Весь комплекс мер по первичной диагностике, коррекции и психопрофилактике поведенческих нарушений, внедрение коррекционно-развивающих технологий и системы социально-воспитательных мероприятий для контингента детей групп риска и их родителей мы относим к превентивному педагогическому процессу, принципами которого являются: 1) предупреждение возникновения поведенческих расстройств; 2) раннее выявление нарушения поведения и предупреждение его дальнейшего развития; 3) учет нозологической принадлежности; 4) комплексность коррекционно-развивающих, лечебно-профилактических и социальных мероприятий; 5) дифференцированный подход к процессу коррекционно-развивающего обучения и воспитательных мероприятий с учетом возрастных и индивидуальных особенностей ребенка, а также обозначенной типологии поведенческих нарушений; 6) равномерное распределение психофизической нагрузки в ходе психокоррекционной и воспитательной работы; 7) взаимопроникновение общепедагогических и коррекционных целей; 8) опора на сохранные и компенсаторные механизмы с целью повышения результативности проводимой системы мер; 9) взаимодействие в системе педагог – ребенок – родители.

В мероприятиях по первичной профилактике поведенческих расстройств трудно переоценить значение системы научно обоснованных и целенаправленных мероприятий по пропаганде общегигиенических и психогигиенических знаний в учреждениях образования. В ней должны найти место и меры, направленные, с одной стороны, на предотвращение экзогенных вредностей, а с другой – на создание благоприятных условий для гармоничного развития ребенка с первых дней жизни. Характер стимулирования потребности в эмоциях ребенка (положительных или отрицательных), уход, соблюдение режима, сенсомоторное развитие в ранние периоды жизни – все это создает основу для дальнейшего психического развития.

Превентивное сопровождение ребенка объединяет ряд комплексных мероприятий, осуществляемых специалистами разного профиля: 1) специально организованные занятия с применением коррекционно-развивающих технологий, направленных на развитие личности и компенсацию имеющихся расстройств в психическом развитии и поведении; 2) медикаментозное лечение; 3) работа с семьей; 4) музыкальная игротерапия; 5) ритмика, ЛФК; 6) воспитательные и социальные мероприятия. Важными аспектами системы комплексной работы являются воспитательный и коррекционный. Коррекционно-развивающие занятия с детьми раннего возраста проводятся по 15–20 минут индивидуально или в подгруппах по 3–4 человека. Коррекция поведения представляется как планомерный и систематический процесс и осуществляется в три этапа: составляется план работы с каждым ребенком, который основывается на психолого-педагогическом и семейном «диагнозе», включает групповую и индивидуальную игровую терапию в зависимости от этапа коррекции. Задача первого этапа – вскрыть конфликты и устранить препятствия, мешающие адекватным формам поведения и установлению контакта. На втором этапе формируются поведенческие стереотипы в соответствии с общепринятыми нормами и возрастом. На третьем этапе, в процессе функциональных тренировок, ставится задача научить корректным поведенческим реакциям в различных ситуациях с отрицательными и положительными стимулами.

Коррекция поведения проводится в процессе основного вида деятельности (игровой) и опирается на индивидуальный уровень развития. Задержки психического развития и ранние поведенческие расстройства препятствуют своевременному развитию ведущей деятельности дошкольного периода – ролевой игры, в которой, как известно, формируется первая элементарная ориентация ребенка в системе социальных от-

ношений. Именно на этой основе у ребенка развивается стремление к общественно значимой и социально поощряемой деятельности, отсутствие которой является доминирующим фактором формирования асоциальной направленности личности. Поэтому параллельно ведется работа по преодолению задержек развития, которая включает: преодоление имеющихся дефектов сенсорики, общих и тонких произвольных движений, речи; формирование процессуальной и далее ролевой игры; ознакомление с окружающим. Как прием косвенного внушения широко используется библиотерапия, когда при чтении и анализе детского художественного текста опосредованно затрагиваются проблемные моменты в поведении ребенка. Эффективно проигрывание конфликтов с использованием музыкальных сказочных инсценировок, причем при распределении ролей учитываются характерологические особенности ребенка.

Указанные мероприятия, включая ритмику, лечебную физкультуру, коррекцию внимания, памяти, мышления, рассматриваются как коррекционно-развивающие и психопрофилактические и служат задачам превентивной педагогики, имея в виду предотвращение развития патологических и непатологических форм нарушений поведения. Коррекционную работу с детьми с двигательной расторможенностью (гипердинамическим синдромом) приходится начинать индивидуально, чтобы ограничить количество отвлекающих моментов. С целью организации, активизации и развития устойчивости внимания используются модифицированные варианты методики «Детский вариант корректурной пробы» (вычеркивание знакомых картинок, нарисованных на одной линии попеременно), «Зрительный диктант» (отыскивание в таблице 16 картинок, расположенных не по порядку), «Выбор по образцу» (отыскивание геометрических фигур одинакового цвета и размера среди других, расположенных на доске). На занятиях ритмикой, лечебной физкультурой с целью затормозить избыточные двигательные импульсы полезно использовать метод включения «неожиданных музыкальных сигналов».

В комплекс мероприятий по коррекционной и социально-воспитательной работе входит также психогигиеническая работа с родителями и лицами ближайшего окружения. В этом плане используются: индивидуальные психотерапевтические беседы с родителями по тактике воспитания; участие родителей и детей в «проигрывании конфликтов»; обучение родителей проблемам коррекционной работы с детьми; обследование бытовых и общих жизненных условий семей.

В организационном плане представляется перспективным расширение сети специализированных учреждений для детей раннего возраста с нетяжелыми органическими поражениями головного мозга, находящихся в совместном ведении органов образования и здравоохранения. Непосредственная организация социально-воспитательной помощи должна базироваться на четком понимании как ближайших, так и отдаленных целей и задач обсуждаемых превентивных мероприятий.

Созданные отечественными исследователями методики, ориентированные не только на ребенка, но и на его семью, требуют значительной адаптации для работы с обсуждаемым контингентом детей и их родителями вследствие указанных выше личностно-характерологических особенностей [1], [2], [3]. Актуальна разработка специализированных диагностических процедур обследования таких родителей с целью организации наиболее адекватного социального и психолого-педагогического сопровождения. Следует учесть, что пребывание ребенка в учреждении может способствовать облегчению административного контроля за выполнением родительских функций в неблагополучных родительских семьях. Возможности успешной социальной и психогигиенической работы с данным контингентом родителей оказываются весьма ограниченными, основной упор следует делать на активизацию помощи детям со стороны персонала образовательных и медико-воспитательных учреждений, социальных служб. Дальнейшая разработка данного аспекта концепции превентивной педагогики, внедрение разрабатываемых коррекционно-развивающих технологий и социально-воспитательных мероприятий в систему непрерывного образования, здравоохранения и социальной защиты является необходимым условием предотвращения развития различных форм нарушений поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочарова В. Г. Педагогика социальной работы. М: SYR-Аргуз, 2008. 208 с.
2. Гарбузов В. И. Нервные дети. Л.: Медицина, 1990. 174 с.
3. Захаров А. И. Как предупредить отклонения в поведении ребенка. М.: Просвещение, 1986. 128 с.
4. Лубовский В. И. Теоретические аспекты разработки методического подхода к диагностике нарушений психического развития // Психология аномальных развитий. Т. II. М., 1986. С. 264–266.
5. Рычкова Н. А. Дезадаптивное поведение у детей: Учебно-практическое пособие. М.: «Гном и Д», 2001. 95 с.
6. Шумаков В. М., Рычкова Н. А. Проблема профилактической реабилитации в психиатрии // VI Всероссийский съезд психиатров: Тез. докл. М.: Министерство здравоохранения России, 1990. С. 98.

Февраль, № 1 **Педагогика** **2012**

УДК 316.77

ЕВГЕНИЯ ВЛАДИМИРОВНА РЫБАК
кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы Института педагогики, психологии и социальной работы, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (г. Архангельск)
evarubak2010@yandex.ru

НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА ЦИХОНЧИК
старший преподаватель кафедры социальной работы Института педагогики, психологии и социальной работы, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (г. Архангельск)
evarubak2010@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАКТИКИ СПЕЦИАЛИСТА ПО РАБОТЕ С МОЛОДЕЖЬЮ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются вопросы содержания и методики организации практики студентов, обучающихся по специальности (направлению) организации работы с молодежью. Показаны особенности этого процесса в переходных условиях реформирования высшего профессионального образования в контексте компетентностного подхода.

Ключевые слова: практика, молодежь, модернизация высшего профессионального образования, компетентностный подход

Вопросы практической подготовки специалиста (в ближайшем будущем – бакалавра) по работе с молодежью в условиях модернизации системы высшего профессионального образования актуализированы сложностью и противоречивостью социально-политических процессов, связанных с молодежной проблематикой, потребностью общества в социально активной и профессионально компетентной молодежи. В процессе реформирования системы высшего образования особенности построения практического обучения студентов видятся в учете требований государственных стандартов второго и третьего поколений, компетентностного подхода, возможностей преемственности и адаптивности программ практического обучения.

Основная цель организации практики при подготовке профессионалов для работы в молодежной сфере – формирование общекультурных и профессиональных компетенций, необходимых для решения комплексных задач социального развития молодежи, а также реализации молодежной политики в сферах труда, науки и образования, политики, коммуникации, досуга, культуры и спорта. Важное значение имеют такие компетенции, как соблюдение норм здорового образа жизни; понимание сущности, значения информации в развитии общества; способность аргументированно формулировать свои мысли в устной и письменной формах, в том числе на иностранном языке. Перед руководителями практики стоит задача выстроить программы с учетом того, что студент должен приобрести профессиональные компетенции в области воспитания и социального развития молодежи, управленческие, информационные, коммуникационные, консалтинговые компетенции [3].

Практика по специальности «Организация работы с молодежью» на факультете социальной работы проходит по единому алгоритму. Помимо традиционных мероприятий (установочная конференция, направления на практику, индивидуальные задания руководителя, отчетная документация и т. п.), в программе каждого курса студентам предложена серия творческих заданий (усложняющихся год от года), направленных на развитие профессиональных компетенций, связанная с предшествующим выполнением ими самостоятельной работы [1].

При планировании «Программы практического обучения студентов…» [2] мы исходили из того, что практиканты находятся на разных уровнях освоения компетенций. Всего в модели практического обучения можно выделить четыре уровня освоения профессиональных умений: ознакомительный; первоначального освоения компетенций; закрепления компетенций в самостоятельной деятельности и собственно компетентностный.

На первом, «ознакомительном», уровне (1–2-й курсы) студенты изучают и анализируют статусное положение специалиста по работе с молодежью, его функциональные обязанности, взаимодействия вне учреждения, требования к профессиональным знаниям, умениям и навыкам эффективной работы в учреждениях разного типа. При выполнении практического задания «Характеристика базы практики» знакомятся с нормативно-правовыми основами деятельности учреждения и функциональными обязанно-

© Рыбак Е. В., Цихончик Н. В., 2012

стями специалистов. На этом же уровне практиканты вникают в проблемы молодых людей, особенности работы с ними. Практическое задание «Портрет» требует от студентов выбрать для анализа группу молодежи и дать обоснование того, почему выбраны данные объекты, какую роль они играют в системе работы с молодежью; описать суть социальной проблемы, прав и обязанностей данной категории; ее специфические особенности.

При выполнении задания «Планирование» происходит ознакомление студентов с видами планирования, формами, структурой и содержанием планов. Предусмотрено знакомство с диагностической и исследовательской деятельностью специалиста в учреждении. В рамках задания «Диагностика» студент делает первые шаги как исследователь (если исследовательская деятельность не осуществлялась в школе) и описывает результаты своего, зачастую первого, эмпирического исследования, проводимого в рамках курсовой или другой учебно-исследовательской работы.

Студенты знакомятся с организацией и проектированием психолого-педагогической деятельности. Задание «Проект» (или «Организация мероприятия») предусматривает участие и описание своей роли в уже осуществляемом проекте организации (с указанием целей и задач, концепции проекта) либо разработку социально значимого мероприятия для молодежи. Осуществляется и знакомство со спецификой профессионально-этического взаимодействия специалиста.

Второй уровень развития компетентности (2–3-й курсы) – уровень первоначального освоения компетенций (закрепления теоретических знаний, приобретения практического опыта и навыков научной и производственной работы) предполагает посильное участие в реализации приоритетных направлений Стратегии государственной молодежной политики. Студент закрепляет навыки анализа деятельности, функциональных обязанностей, планирования и целевых групп государственных федеральных и муниципальных учреждений и организаций по работе с молодежью города, области. Происходит овладение практическими навыками по составлению планов и программ, разработке и внедрению научной организации труда; освоение организационно-методических аспектов деятельности специалистов по работе с молодежью; активное участие в профориентационной работе молодежи. В соответствии с программой планируется выполнение следующих заданий: «Краткая характеристика базы практики»; «Взаимопосещение»; «Целевая группа»; планирование и методика организации мероприятия («Сценарий»). Особое место отводится учебно-исследовательской деятельности в рамках курсовой работы («Исследование»). В рамках этой работы осваивается практическая диагностика как направление деятельности специалиста в учреждении.

На этом уровне происходит первичное овладение технологиями проектирования в деятельности специалиста по работе с молодежью. Задание «Молодежный проект» включает разработку или описание молодежного социального проекта. При выполнении задания возможны варианты: разработка собственного проекта с обоснованием предложенных мероприятий (без реализации); описание своей роли в уже осуществляемом проекте организации (с описанием целей и задач, концепции проекта).

В программе предусмотрено освоение организационного аспекта деятельности специалиста по работе с молодежью: организация непосредственной психологической, педагогической, социально-педагогической или другой деятельности специалистов. Запланировано закрепление знаний методики проведения мероприятия (практическое задание «Презентация мероприятия»). Выполнение задания предполагает разработку и описание социально значимого мероприятия для молодежи, а также описание своей роли в уже осуществляемом мероприятии организации (с описанием целей и задач, программы мероприятия). Студент участвует в организации и проведении мероприятия (социальная акция, флеш-моб, социальная реклама, буклет, статья). Результатом может являться фотоотчет, видеозапись, статья с обязательным анализом деятельности.

Отдельно планируется профориентационная работа, где акцент сделан на профессиональное самоопределение и его место в образовательном процессе. Происходит закрепление основ информирования, профессиоведения. В рамках данного задания предполагается проведение практикантами игр, упражнений, тренингов как эффективных средств активизации профессионального самоопределения учащихся на уроках и внеклассных занятиях. Содержание задания «Профориентация» – это участие в приемной кампании на факультете социальной работы, разработка плана и подготовка материалов профориентационной работы (листовки, плакаты, презентации, видеоролики и др.).

Очень значимой на этом уровне является аналитическая деятельность по всем разделам работы как неотъемлемая часть успешной профессиональной деятельности, профессиональная оценка и самооценка. В процессе выполнения практического задания «Технология» студент должен сделать краткий анализ типов технологий, применяемых в деятельности организатора по работе с молодежью. Результатом выполнения задания является качественный анализ деятельности специалиста учреждения, коллеги-однокурсника, собственной с точки зрения применения тех или иных технологий работы.

Уровень закрепления компетенций в самостоятельной деятельности (3–4-й курсы) для студента – это возможность соединить теоретическую подготовку с формированием способности самостоятельно применять практические навыки; облегчить себе выход на рынок труда, получить предложение дальнейшего трудоустройства, понять желаемое направление профессионального развития и самоопределения. Основная цель производственной практики – закрепление теоретических знаний, приобретение навыков научной и производственной работы.

Организационно-правовая основа деятельности осваивается системно: через обозначение приоритетных направлений деятельности специалиста по работе с молодежью; отличий в специфике учреждения, его структуры, руководства; глубокий анализ нормативно-правовых документов. Например, практическое задание «Экскурс в историю» – это создание и анализ социальных портретов объектов деятельности учреждения в исторической перспективе. Задание направлено на отработку компетенции «понимание закономерностей исторического процесса, способность к объективному восприятию исторической информации, ее анализу и обобщению» и закрепление теоретических знаний, полученных в курсе «История и современное состояние молодежных движений в России». Для выполнения задания необходимо провести интервью со «старожилом» организации или анализ архивных материалов организации с целью обсуждения специфики работы с молодежью с учетом фактора исторического времени. Анализ проводится с помощью качественных методов исследования. Критериями выполнения считаются: наличие текста интервью, фото- или видеоматериалов, анализ специфики работы с молодежью в выбранный исторический период; история становления и развития молодежной организации.

На данном уровне происходит и закрепление технологических основ социальной работы с молодежью. Рассматриваются технологии социальной интеграции молодежи, оказавшейся в трудной жизненной ситуации; технологии муниципальной поддержки молодежных инициатив. Изучается специфика добровольческой деятельности; технологии социокультурной анимации; мобильной социальной работы. Осваиваются технологии мониторинга и разработки культурно-досуговых программ. Практическая деятельность в рамках выбранного направления предполагает наблюдение реализуемых на месте практики технологий работы с молодежью, их качественный анализ в дневниковых записях. На выбор студента предлагаются следующие направления практической реализации социальных технологий.

1. Уличная социальная работа – особенности социальной работы на улице; этапы; контакты; ресоциализация и социальная адаптация подростков и молодых людей.

2. Партнерство в решении задач государственной молодежной политики – социальное партнерство как процесс реального взаимодействия социальных субъектов в решении жизненно важных социальных задач: наличие совместно принятых норм взаимодействия, процедур согласования решений; распределения социальных ролей, функций, прав, полномочий, ответственности и обязательств.

3. Консультационная деятельность в работе – содержание и принципы; процедура и этапы социального консультирования; формы и методы консультационной деятельности; профессиональные требования к консультантам.

4. Проектирование в деятельности специалиста по работе с молодежью.

Выполнение данного задания предполагает проведение интенсивных форм работы, направленных на социальную поддержку молодежи в трудной жизненной ситуации. Работа может быть выполнена группой студентов курса, могут привлекаться студенты организаций высшего и среднего профессионального образования, молодежь организации – базы практики (задание «Технология в действии»).

Критериями качественного выполнения задания являются: наличие фото-, видео-, печатных материалов о проведении акции, анализ теоретической основы реализованной технологии, а также критическое обсуждение ее технического исполнения, выводы.

При освоении профессиональных задач важной областью обучения является социальная диагностика. Для наблюдения и анализа практикантам предлагаются следующие единицы: уровни социальной диагностики; цели социального диагноза; принципы, основные этапы постановки социального диагноза; единство количественных, качественных и факторных параметров в социальном диагнозе, система методов социальной диагностики; проблемы объективности социального диагноза, причинной обусловленности, комплексности и верификации; профессионально-этические стандарты и принципы проведения диагностического обследования. Для закрепления компетенции в постановке социального диагноза практиканты выполняют задание «Паспорт социальной инфраструктуры».

Наиболее значимым в деятельности специалиста по работе с молодежью является управленческий аспект: менеджмент в молодежной политике; функционирование и развитие молодежной политики как целостной системы; менеджмент молодежной сферы и т. д. Для отработки данной компетенции в Программе практики предлагаются задания «Резюме» и «Модели управления».

В рамках профориентационной деятельности предлагается подготовить творческую работу на конкурс «Мой выбор – моя профессия» (газета,

реклама, заметка в СМИ, серия фоторабот, видеоролик). Одно из заданий предполагает анализ и самоанализ деятельности («Моя профессиональная карьера»). В контексте данного вида работ практиканты выполняют задание «Групповой анализ»: за период практики студенты готовят видеоотчет о проведенном мероприятии; на практическом итоговом занятии совместно с руководителями от университета происходит просмотр и методический анализ проведенных мероприятий с точки зрения реализации технологий работы с молодежью. В качестве отчетного задания предоставляется запись анализа видеоотчета с собственными выводами. Итоговая конференция по практике проходит в форме пресс-конференции «Производственная практика как форма социального партнерства: реалии и перспективы».

Уровень собственно компетентностный, как правило, достигается студентом на этапе выполнения квалификационной работы. Повышение уровня профессиональной компетенции, отработка навыков ведения самостоятельной научно-исследовательской деятельности и презентация ее результатов являются основной целью преддипломной практики. Реализация задач квалификационной практики предполагает наличие у практиканта достаточно высокого уровня профессиональной и учебно-исследовательской компетентности. Так, в рамках теоретической (общенаучной) деятельности требуется провести патентный поиск, теоретический анализ литературы по теме выпускной квалификационной работы, овладеть профессиональным языком исследования, операционализировать основные понятия в ракурсе темы работы, овладеть научным языком интерпретации данных. В исследовательской деятельности – разработать программу и план исследования, подобрать (разработать) и апробировать инструмент исследования, провести пилотажное и полевое исследование в рамках темы выпускной квалификационной работы, освоить статистические компьютерные методы обработки данных исследований, оформить результаты научной работы, разработать методические рекомендации по итогам исследования. В профессиональной (практической) деятельности – описать модель организационной структуры организации – базы практики; проанализировать содержание профессиональной деятельности специалиста по работе с молодежью в аспекте функций менеджмента, диагностики и прогнозирования, консалтинга; осуществить анализ и критическую оценку деятельности организации – базы практики и перспектив (научно обоснованных прогнозов) ее развития; заявить о себе как о профессионале.

В процессе прохождения практики студенты выполняют практическое задание «Аттестация специалиста», которое предполагает участие в работе аттестационной комиссии, анализ аттестационных требований к специалисту. Критериями качественного выполнения задания являются: наличие документа о квалификационных характеристиках специалиста, а также анализ процедуры аттестации сотрудника в данном учреждении.

Для демонстрации компетентности в усвоении теоретических основ исследовательской деятельности студентам предложено задание «Патентный поиск». К отчету студенты должны приложить программу эмпирического исследования, а также основные выводы по теме работы («Исследование»), подготовить краткую аналитическую записку о проведенном исследовании («Научный отчет»).

Наш опыт свидетельствует, что адаптированная к стандартам третьего поколения программа практического обучения специалистов, полиуровневая организация практики, эффективное взаимодействие субъектов всех уровней ее организации, предоставляет возможность успешно реализовать компетентностный подход в условиях перехода на многоуровневое образование, а главное – в полной мере сформировать готовность выпускников к профессиональной деятельности. Показателен тот факт, что большинство наших студентов уже в процессе обучения работают по специальности (по совместительству или на волонтерских началах), активно участвуют в проектной и научно-исследовательской деятельности, являются участниками всероссийских и международных молодежных форумов и конференций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рыбак Е. В., Бобылёва Н. И., Цихончик Н. В. Самостоятельная работа студентов в условиях перехода на многоуровневую систему образования // Социальная работа. Ученые записки Российского государственного социального университета. Вестник Учебно-методического объединения вузов России по образованию в области социальной работы: Научный журнал. М.: Изд-во РГСУ, 2007. № 4. С. 80–90.
2. Программа практического обучения студентов по специальности «Организация работы с молодежью»: учебно-методический комплекс / Е. В. Рыбак, Н. В. Цихончик; Отв. ред. проф. Р. И. Данилова; ПГУ им. М. В. Ломоносова. Архангельск: КИРА, 2011. 72 с.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 040700 «Организация работы с молодежью» (квалификация (степень) «бакалавр»). Утвержден Министерством образования и науки РФ 21 декабря 2009 г. № 773 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_09/m773.html

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Февраль, № 1 **Филология** **2012**

УДК 81'373.612.2+347.78.034 81.255.2

АЛЕКСАНДРА ЕВГЕНЬЕВНА БЕЛИКОВА
кандидат филологических наук, младший исследователь, докторант отделения иностранных языков и переводоведения философского факультета, Университет Восточной Финляндии (г. Йоенсуу)
alexandra.belikova@uef.fi

ГРИГОРИЙ БОРИСОВИЧ ГУРИН
кандидат филологических наук, преподаватель отделения иностранных языков и переводоведения философского факультета, Университет Восточной Финляндии (г. Йоенсуу)
grigur@onego.ru

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ: ОТ ИНТУИТИВИСТСКИХ КРИТЕРИЕВ К ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫМ

В статье предпринимается попытка разработать классификацию типов метафорических выражений по степени конвенциональности. Новизна предлагаемой классификации состоит в отказе от интуитивистских критериев, в последовательном привлечении лексикографических и корпусных данных, а также в алгоритмизированной процедуре оценки метафорических выражений, базирующейся на верифицируемых признаках.

Ключевые слова: конвенциональность метафорических выражений, методика оценки степени метафоричности, интуиция и интроспекция в лингвистике

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ

Идея классификации метафор по степени сохранности исходного образа так же стара, как и само учение о метафорах. Степень сохранности сближаемых планов и устойчивости связей между ними в семантической структуре метафоры – вопрос естественный, и поэтому общим местом стало представление о том, что мертвые метафорические выражения (далее – МВ) противопоставляются окказиональным, а пространство между этими полюсами заполнено более или менее конвенционализованными МВ.

Существует несколько традиционных и современных классификаций метафор с этой точки зрения, однако интенсивные исследования пока не вылились в формальную методику оценки МВ. Нам известны лишь отдельные попытки операциональных дефиниций, которые последовательно избегают интуитивистских характеристик, таких как «ощущение образности», «способность вызывать конкретное представление или картину», но четких методик измерения степени конвенциональности, опирающихся на объективные, проверяемые признаки и охватывающих все пространство МВ, похоже, пока не существует. Это тем более удивительно, что имеются работы, выводы в которых строятся на количественном измерении степени «интенсивности», «креативности» метафор в больших массивах текстов [1], [10].

ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ МВ

Для чего нужна строгая классификация и формализованная методика? На этот вопрос можно дать как минимум три ответа.

1. Традиционно предполагается, что неожиданные, окказиональные сближения двух семантических планов – признак недавнего возникновения МВ, а привычность когнитивного сближения, автоматизм восприятия, незаметность – маркеры старения метафоры. Таким образом, измерение интенсивности метафор может стать ключом к анализу динамики в эволюции метафорических систем. Исследователь, располагающий методикой установления степени метафоричности, может оценивать инновации с точки зрения перспектив их закрепления в языке и прогнозировать развитие метафорических моделей и систем, что может стать ценным дополнением к каталогизирующему подходу в описании метафор.

2. Измерение конвенциональности МВ оказывается необходимым в прикладных исследованиях, интерпретирующих метафорику, например, как индикатор активности социально-политических процессов. Работы такого типа предполагают кодирование входящей информации с помощью весовых коэффициентов, что неизбежно вызывает вопрос о правилах приписывания количественных значений анализируемым единицам.

3. Формализованная методика анализа степени конвенциональности МВ, эксплицитно отказывающаяся от интуитивистских решений, оказывается единственно адекватной в случае анализа метафор тех языков, полноценным знанием которых исследователь не обладает, например в исторических, типологических и в переводоведческих исследованиях.

ИНТУИТИВИСТСКИЕ КЛАССИФИКАЦИИ:

© Беликова А. Е., Гурин Г. Б., 2012

МЕТАФОРЫ *ЖИВЫЕ* И *МЕРТВЫЕ*

Интуитивно установленными в этой работе признаются признаки метафор, обнаруживаемые исследователем в ходе интроспективной оценки МВ на основе своей языковой компетенции. Признаки метафор в интуитивистских оценках кажутся исследователю самоочевидными, и он отождествляет свое восприятие метафор с оценкой неопределенного круга носителей языка.

В самых первых работах, где ставится проблема классификации метафор по степени образности, используются почти исключительно интуитивистские характеристики разных типов метафор. Так, Ш. Балли характеризует живые образные метафоры как способные «вызывать в воображении картину, дополняемую индивидуальным воображением» (здесь и далее перевод с французского и английского наш. – *А. Б.*, *Г. Г.*). Эти метафорические образы «осязаемы, конкретны, выразительны и взывают к воображению». «Ослабленные» метафоры отличаются тем, что вызывают не осязаемый образ, а только эмоциональный отклик. В выражении *Le malade baisse de jour en jour* ‘Больной слабеет день ото дня’ (букв. ‘Больной падает день ото дня’) «картинка, явленная моему воображению, размыта» («le tableau présenté à mon imagination est trouble»), но в нем есть «некий эмоциональный остаток, спасающий образ и мешающий ему превратиться в абстракцию». Метафоры абстрактные не вызывают «ни образа, ни переживания образа»[1]. Сам Ш. Балли, похоже, прекрасно осознавал зыбкость критериев различения, которые апеллируют к языковому сознанию носителя, говоря, что «индивидуальное ощущение играет большую роль в оценке этих фигур», «это ощущение отличается в разных случаях и у разных индивидов; оно может быть очень напряженным или едва заметным» [5; 193–195], однако это не побудило его к выработке критериев разграничения типов метафор, которые не ссылались бы на сознание носителя как на самоочевидную проверяемую реальность.

Ш. Балли заложил традицию оценки метафор в интуитивистских терминах. В большинстве метафорологических работ существование разных типов метафор принималось как данность, не нуждающаяся в детальном рассмотрении. Термины из этой сферы (метафора *мертвая*, *языковая*, *этимологическая*, *историческая*, *стандартная*, *конвенциональная*, *узуальная*, *свежая*, *инновационная*, *авторская*, *окказиональная*; *dead*, *frozen*, *entrenched*, *naturalized*, *established*, *novel*, *innovative*, *nonce* и т. д.) использовались как сами собой разумеющиеся и не нуждающиеся в операциональном толковании. Потребовалось немало исследовательских усилий для осознания ограниченности этого подхода и для формулирования некоторых эмпирических критериев разграничения разных типов метафор. Однако и в современных работах интуитивистские определения используются неожиданно широко: например, в обобщающей работе А. Круза [8], вообще-то широко использующей возможности формального разграничения разных классов единиц, разница между «натурализованными» (naturalized) и «укоренившимися» (established) метафорами подается как самоочевидная интроспективная данность: первые «настолько утвердились и так глубоко вошли в язык, что говорящие *не чувствуют* [no longer feel], что они представляют собой фигуры речи»; вторые же «входят в ментальный лексикон в виде отдельных единиц, но тем не менее *чувствуется* [felt to be], что это фигуры речи» [8; 197] (курсив наш. – *А. Б., Г. Г.*).

Имеются случаи, когда исследователь, нуждающийся в измерении степени конвенциональности МВ, использует в качестве инструмента определения степени узуальности / окказиональности не систему каких-то верифицируемых признаков, а компетенцию носителя. Таков подход К. Де Ландтсхеер, реализованный, в частности, в статьях [10], [22]. Исследователь в своем обстоятельном анализе парламентского дискурса опирается на вычисление коэффициента метафоричности, переменная интенсивности в котором ранжируется с помощью весовых коэффициентов, причем присвоение конкретного значения МВ производилось носителями языка на основе их субъективных оценок «странности или необычности метафорического выражения в контексте» и «силы отсылки к буквальному значению», введенных в работе [15; 18].

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ МВ

При обсуждении критериев разграничения типов МВ по степени конвенциональности мы исходили из нескольких эвристических принципов:

1. Принцип **верифицируемости**. Важно, чтобы все процедуры, применяемые для определения места конкретного МВ в классификационной схеме, были прозрачными, проверяемыми и, что самое главное, в незначительной степени опирались на компетенцию носителя языка. Этот принцип позволяет свести к минимуму искажающее воздействие индивидуальной интроспекции.
2. Принцип **теоретической нейтральности**. По нашему мнению, разные теории метафор – от архаичной теории замещения до теории концептуальной метафоры и когнитивного блендинга – отчетливо противостоят друг другу на уровне теоретических утверждений, но гораздо более согласованы на уровне эмпирического анализа. Если взять за основу конкретные приемы оценки метафор, предлагаемые разными теориями, то компромисс в части построения классификаций будет вполне достижимым. Полная теоретическая нейтральность вряд ли может считаться реалистичной целью, но уровень конфликтности

теорий может быть снижен, если последовательно учитывать приемы анализа МВ, предлагаемые разными теориями.

3. Принцип **полноты**. Многие известные классификации степени конвенциональности метафор ограничивают количество выделяемых классов тремя-четырьмя, причем разные классификации фокусируются на разных зонах шкалы конвенциональности (например, на отрезке языковых и узуальных метафор), рассматривая оставшуюся часть уже без деталей. Предлагаемая классификация, учитывая ее компромиссный и обобщающий характер, стремится к выделению максимального числа таксонов. Для воплощения этого принципа процесс оценки МВ сводится к алгоритмизированной процедуре.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ СТЕПЕНИ КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТИ МВ

В метафорологии последнего времени наметилась тенденция к разработке простых и прозрачных процедур описания метафор. Так, появились работы, нацеленные на выработку строгих критериев поиска и идентификации слов и выражений, использованных метафорически в текстах разных речевых регистров и жанров [8], [20]. В ряде исследований [11], [13], наряду с интуитивистскими признаками метафор, обсуждается и целый ряд объективно проверяемых критериев оценки метафор, опора на которые позволяет строить более надежные классификации, независимые от индивидуальной исследовательской интуиции. Стимулом для этих попыток стала возможность использования в лингвистических исследованиях корпусных ресурсов. Корпусной поворот в лингвистике активизировал попытки описать формальные проявления такого семантического феномена, как метафора, чтобы найти инструменты автоматического извлечения метафор из больших массивов текстов (см. в первую очередь [7]). Ниже предлагается список критериев и эвристических приемов идентификации, предлагаемых исследователями для разграничения разных типов МВ. В качестве иллюстраций использованы примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), однотомных толковых словарей русского языка (СОШ, БТС)[2], отдельные примеры креативных метафор извлечены из публицистических статей, опубликованных в Интернете.

1. Наличие или отсутствие словарной фиксации как исходного, так и метафорического выражения в толковом словаре [1]. Словарь в этом случае выступает в качестве формализованного и идеализированного аналога семантической памяти среднего носителя. Этот критерий, во-первых, позволяет разграничивать инновационные, окказиональные, свежие, редкие метафоры, с одной стороны, и метафоры узуальные, уже ставшие фактами словаря, с другой. Во-вторых, отсутствие словарной фиксации исходного значения может быть интерпретировано как индикатор терминальной стадии жизни МВ в языке, его перехода в область этимологических метафор. В качестве разных типов фиксации можно рассматривать: 1) полноценное отражение значения в словарной статье в качестве единицы в нумерованном списке значений, например: СЕТЬ 1. Приспособление, изделие из закрепленных на равных промежутках перекрещивающихся нитей, веревок, проволоки; 2. Система коммуникаций, расположенных на каком-нибудь пространстве (СОШ); 2) словарную фиксацию метафорического значения в статусе употребления (в российской лексикографической традиции употребление дается после двойного слэша); 3) наличие в словарной статье иллюстрации к метафорическому значению при отсутствии эксплицитного толкования: *Враг не дремлет* (СОШ) (= начеку, в состоянии готовности).

2. Возможность / невозможность замены метафорической единицы в контексте на неметафорический синоним. Этот способ проверки метафор – следствие «теории замещения», восходящей к Аристотелю и рассматривающей метафору как вторичный инструмент номинации. Невозможность естественного деметафоризирующего перифразирования является признаком стертой или мертвой метафоры [6]: ср. *носик чайника, компьютерная мышка, ножка стула, глухой (звук), часы идут, идут экзамены vs продать своих друзей → предать своих друзей, дикая выходка → нелепая, странная выходка, острый ум → проницательный ум, острая боль → резкая боль*. Этот признак позволяет проводить границу между номинативными метафорами и фигуративными, являющимися добавочными средствами обозначения. Свойство служить средством «дополнительного наименования» (additional naming) входит в число главных эвристических критериев идентификации фигуративных выражений в работе [12; 18–20]. К сожалению, приходится признать, что практическое применение этого критерия затруднено. Нередко при принципиальной возможности перифразы она оказывается неоднословной (*глухая стена = стена без окон и дверей*) и менее частотной (*идет снег* (469 вхождений в НКРЯ) vs *падает снег* (355 вхождений).

3. Возможность или невозможность реализации метафорического значения в минимальном контексте, вне речевого окружения, содержащего лексические приметы области цели [8; 72], [11; 42–43]. Например, лексема жажда 2 ‘сильное, страстное желание чего-н.’ может реализовать это значение только при лексической и конструктивной поддержке – исключительно в составе генитивных конструкций или конструкций с зависимым инфинитивом типа *жажда славы*, *жажда знаний*, *жажда учиться*, а при употреблении лексемы в минимальном контексте типа

У него жажда в нормальном случае метафорическое значение не актуализируется, и лексема интерпретируется только как ‘он хочет пить’. Лексема *чистка*, напротив, не нуждается в такой контекстуальной поддержке и может реализовать метафорическое значение как в разъясняющем контексте, насыщенном приметами области цели (*идеологическая чистка, чистка рядов партии*), так и вне его. Так, фраза *У нас опять была чистка* может быть интерпретирована и как ‘у нас была уборка’, и как ‘у нас было изгнание неугодных’. Проверка МВ по этому признаку существенно облегчается в случае использования корпуса, что убедительно показано в [11; 42–44]: ср. *Военные <…>* ***проводили чистки*** *в университетах, жгли книги* [Поляковский О. Неподсуден // Вокруг света. 2003]; Никакой чистки [в самарской организации] мы не проводили [Немцов Б. Кремль и есть правительство // Газета. 2003].

Обязательное наличие в контексте лексических примет области цели для реализации метафорического значения говорит о меньшей степени конвенциональности МВ по сравнению с контекстуально независимыми МВ.

4. Метафоры, не зафиксированные словарями, естественно искать в корпусе. Обнаружение в корпусе аналогичных примеров при отсутствии словарной фиксации можно интерпретировать по-разному. Если эти примеры более или менее распределены по времени, то они могут говорить о разовых, единичных попытках использования МВ, предпринимаемых отдельными авторами, и тогда отсутствие словарной фиксации есть знак речевой, а не языковой природы метафоры, следствие ее малой частоты. Речь в этом случае идет о **редкой** метафоре.

Пример 1. Глагол *дремать* в выражениях *вулкан дремлет*, *дремлющий вулкан* имеет значение ‘бездействовать, находиться в состоянии покоя’, которое не фиксируется в однотомных толковых словарях, в отличие от лексикографированного значения глагола *спать*, однако в НКРЯ обнаруживается не менее десятка примеров реализации этого значения в текстах XIX–XXI веков: [*С*]*ама природа <…> пробуждает дымный гнев… давно* ***дремавшего мирно вулкана*** [Сологуб Ф. Королева Ортруда (1909)]; *Нужен мониторинг – постоянное отслеживание тихих сигналов* ***дремлющего вулкана*** [Виталий Г. Вулкан по имени Эльбрус // Труд-7. 2007].

Кроме того, концентрация нелексикографированных примеров метафор в хронологически недавних контекстах свидетельствует об интенсивном вхождении в язык нового метафорического значения, и его словарная фиксация – дело времени (пример 2). В этом случае можно говорить о **свежей** метафоре.

Пример 2. Выражение (*ломать*) *через колено* в метафорическом значении ‘решительно, радикально менять, возможно с разрушительными для объекта последствиями’ не отражено в БТС и СОШ, однако в основном и газетном подкорпусах НКРЯ зафиксировано не менее 16 и 30 вхождений соответственно, причем практически все они относятся к 1990–2000 годам (только один пример датирован 1930 годом): [*Поправки*] *в очередной раз* ***через колено переломают*** *нефтянку* [Хайруллин М. Новый бензиновый беспредел // Московский комсомолец. 2003]; *Если местные власти попытаются решить проблему «****через колено****», нашумевшие бутовские баталии могут показаться цветочками* [Фетисов Д. Реконструкция без конфликтов // Труд-7. 2007]. Интересно, что буквальное значение выражения актуализируется в пять раз реже, чем метафорическое. Налицо активная свежая телесная метафора с востребованным значением.

5. Если анализируемое МВ не зафиксировано ни в словаре, ни в корпусе, можно, помимо признания его окказиональности, проверить его на соответствие концептуальным метафорам, определяющим строй того или иного языка. Такого рода разграничение предложено в работе [14; 31–32]. МВ, при всей его лексической или конструктивной уникальности, может вполне укладываться в систему концептуального кросс-доменного сближения, поддержанного множеством других МВ (примеры 3–4), а может быть концептуально уникальным и манифестировать экспериментальное, индивидуально-авторское совмещение двух областей опыта, не имеющее конвенциональных аналогов (пример 5).

Пример 3. В одной статье Л. Радзиховского используется не зафиксированное в словарях и не отраженное в НКРЯ выражение *рыночные колесики: Без [организаторских талантов] «труд мужика или ученого» не сцепляется* с *рыночными колесиками, сложная система не складывается!* [Российская газета. 2010]. Это МВ реализует вполне стандартную для русского языка концептуальную механистическую метафору ЭКОНОМИКА – ЭТО МЕХАНИЗМ / ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО (ср. *узуальные рыночные механизмы*, *локомотив экономики*, *двигатель экономики*, *тормоз экономического развития*, *экономические рычаги* и т. д.). Здесь можно говорить, пользуясь терминами фреймовой семантики, об индивидуальном заполнении слота в стандартном сближении фреймов, а сам тип МВ можно назвать **инновационным**.

Пример 4. МВ, приведенные ниже, эксплуатируют целую совокупность близких концептуальных метафор СТРАНА / НАРОД – ЭТО ЛОШАДЬ (ДОМАШНИЙ СКОТ), глубоко укорененных в языке и родственных традиционному библейскому образу народа как стада: *Хотелось* [*Горбачеву*] ***ввести Россию в цивилизованное стойло****, да больно брыкастая она* [Яковлев А. Омут памяти. (2001)]. *Династия Романовых <…>*

загнала свой народ в стойло крепостничества [Долуцкий И. Дурная болезнь // Век XX и мир. 1992]; [*П*]*ришествие в клуб ЕС* <…> ***застоявшихся в советском стойле новобранцев*** *из Восточной Европы размыло влияние Франции в Евросоюзе* [Сантехник остался за дверью // РИА Новости. 2005]. Ср. стандартные *обуздать народ, держать народ в узде* и несколько менее стандартный *хомут крепостничества*.

Пример 5. В предложении *Откуда серый туман скуки и падение драйва,* ***разрушение*** *ноосферы,* ***слоя «интеллектуального озона»*** *над страной?* [Л. Радзиховский // Российская газета. 2010] используется индивидуально-авторское МВ *разрушение слоя интеллектуального озона*, не соответствующее никакой готовой концептуальной метафоре (*ОБРАЗОВАННЫЕ СЛОИ ОБЩЕСТВА – ЭТО ОЗОНОВЫЙ СЛОЙ). Эта *креативная* метафора находится на высшей ступени неконвенциональности, реализуя индивидуальную, непрогнозируемую проекцию из области научных представлений об устройстве мира в область социальной реальности.

КЛАССИФИКАЦИЯ ТИПОВ МВ ПО СТЕПЕНИ КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТИ

На основе этих признаков можно построить классификацию типов метафор по степени конвенциональности, отражающую шкалу постепенных переходов от наиболее старых, стертых метафор до метафор креативных.

а) **Этимологическая** метафора. В толковых словарях фиксируется только вторичное значение таких МВ. Например, лексема *иго* в современных русских словарях толкуется только как ‘владычество, господство, связанное с угнетением’ (БТС), ‘угнетающая, порабощающая сила’ (СОШ), однако в истории языка это слово развивает вышеупомянутые современные значения на основе утраченного ‘ярмо, хомут’.

б) **Мертвая** метафора. Словари фиксируют как первичное, так и вторичное, метафорическое значения слова, при этом метафорическое значение выступает в качестве главного средства номинации определенных объектов, свойств, действий, состояний и не может быть оформлено другими (неметафорическими) лексемами: *альпинистские* ***кошки****, часы* ***идут****,* ***высокий*** *голос,* ***низкое*** *давление*. В интуитивистских терминах такие метафоры часто называются **безóбразными**.

в) **Спящая** метафора. Толковые словари так же, как и в предыдущем случае, фиксируют как первичное, так и метафорическое значения слова, однако переносное значение слова не является единственным средством номинации и может быть естественным образом заменено на неметафорическое: *идет снег* → *падает снег*, *продать своих друзей* → *предать своих друзей*. Дифференциальным признаком этого типа является высокая степень независимости метафорического значения от лексического и конструктивного окружения. Метафора может быть успешно реализована в контексте, не насыщенном лексическими элементами области цели. Так, в контексте ***[П]родать друга***, *обмануть, обокрасть, налгать – это обыкновенно между мексиканцами* [Ф. П. Врангель. Дневник путешествия. 1836] выражение *продать друга* интерпретируется как ‘предать’. См. также пример *чистка* выше.

г) **Конвенциональная** метафора. От спящей метафоры этот тип отличается лексико-синтаксическими связями МВ с элементами контекста, однозначно указывающими на область цели. Вне такого контекста реализация метафорического значения затруднена. Так, лексема *поток* может реализовать метафорическое значение ‘движущаяся масса чего-н., кого-н.’ только в контексте зависимых имен, находящихся в лексическом контрасте с исходным значением слова: *людской поток, поток мыслей, поток слов, поток света*.

Ниже описываются разновидности нелексикографированных метафор.

д) **Редкая (речевая)** метафора. В этот класс входят МВ, неоднократно, хотя и нечасто фиксируемые в корпусе. Это неуникальные, распределенные и хронологически, и жанрово МВ. Как правило, они представляют собой прогнозируемое развитие уже имеющихся в языке концептуальных метафор.

Пример 6: Лексема *инфляция* иногда используется в неэкономическом, немонетарном метафорическом значении ‘обесценивание, разрушение ценности или значения чего-н.’, которое лишено лексикографической фиксации. В НКРЯ, однако, обнаруживается немало примеров реализации этого значения, реализующегося обычно в составе генитивной конструкции: инфляция понятия, инфляция слова, *инфляция доверия, инфляция искусства, инфляция ценностей*. Это значение слова *инфляция* вполне укладывается в распространенную концептуальную метафору ЗНАЧЕНИЯ / ЦЕННОСТИ / ПРОДУКТЫ МЕНТАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА (убеждения, мысли, идеи и т. п.) – ЭТО ОБЪЕКТЫ, ИМЕЮЩИЕ ЦЕНУ: ср. *его слову грош цена, он дорого заплатил за свои убеждения, ценная мысль, дешевая риторика, торговать убеждениями*.

е) **Свежая** метафора. МВ этого типа, разделяя с речевыми метафорами такой признак, как неоднократная корпусная фиксация, отличаются от последних тем, что характеризуют последний этап существования языка и постепенно наращивают частотность. Они могут войти в язык и попасть в словарь, однако для этого должно накопиться репрезентативное количество их употреблений (ср. пример *ломать через колено* выше). Свежие МВ могут как соответствовать уже манифестированным в языке концептуальным метафорам, так и устанавливать новое

концептуальное соответствие между доменами, увеличивая спектр кросс-доменных сближений (пример 7).

Пример 7. Примерно на рубеже 1980–90-х годов в публицистических и художественных текстах стали появляться лексические манифестации новой концептуальной органистической метафоры ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО – ЭТО ГРИБНИЦА, которая порождает образ структурированной человеческой группы, обладающей отсутствием централизованной структуры и свойствами способности к самовоспроизведению, естественности, тенденции к самоорганизации, невидимости. *Когда-то у нас в стране была подлинная* ***грибница интеллигентных людей****. Эта* ***грибница*** *плодила <...> настоящих, благородных людей, для которых важнее всего был голос их совести. Эту* ***грибницу*** *и уничтожили в несколько туров* [Дудинцев В. Цвет наших одежд // Литературная газета. 1988]; *В его рассказах автор не отличается от героев, потому что все* ***люди*** *для Довлатова были* ***из одной грибницы*** [Генис А. Довлатов и окрестности. 1998]; *Нельзя до поры тормошить разросшуюся в российской элите* ***ельцинскую «грибницу»*** [Раз – наперсток // Санкт-Петербургские ведомости. 2003]. МВ с лексемой *грибница* в значении ‘общество, социальная структура’ стабильно, хотя и нечасто используются на протяжении 30 лет.

ж) **Инновационная** метафора. Это лексически уникальные, крайне редкие в корпусе, но концептуально предсказуемые метафоры, представляющие собой результат окказионального заполнения целевого слота при общей когнитивной поддержке системы, при наличии манифестированных в узусе фактов сближения доменных областей.

Пример 8. В русском языке одна из стандартных метафорических концептуализаций состояния СНА – это ВМЕСТИЛИЩЕ, ЗАПОЛНЕННОЕ ЖИДКОСТЬЮ: ср. *глубокий сон, поверхностный сон, погрузиться в сон, сон улетучился*. Эта концептуальная метафора имеет лексические лакуны, которые легко заполняются в индивидуальном дискурсе: Я чуть *вынырнул* из сна [Попов В. Будни гарема. 1994]; Тихо *стекает* с тела сон [Толстая Т. Ночь. 1983].

з) **Креативная** метафора. МВ этого типа уникальны и концептуально, и лексически: они возникают в результате не имеющего аналогов сближения доменных областей (фреймов), не поддержанного стоящей за языком концептуальной системой. Естественная среда их бытования – язык художественной литературы (например, метафора *СОН – ЭТО ПТИЦА), хотя креативные МВ могут встретиться также в публицистических и научных текстах (ср. *слой интеллектуального озона*).

Пример 9. В предложении ***Из полусырого бульона ельцинского времени*** *почти уже сварился авторитарно-олигархический супчик* [Прибыловский В. Неприкосновенный запас. 2004. № 38] в оригинальных выражениях манифестируется слабо укорененное в русском политическом дискурсе концептуальное сближение ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ – ЭТО ПРИГОТОВЛЕНИЕ ЕДЫ, единичные реализации которого встречаются в общественно-политической речи (*кремлевские повара, политический рецепт*).

Применение этой классификации можно представить в виде цепочек стандартных аналитических процедур (см. рисунок).

Доминирование в метафорологических исследованиях интуитивистских критериев разграни-

Алгоритм оценки метафорических выражений по степени креативности / конвенциональности

чения степени конвенциональности МВ отчасти связано с изолированностью тех областей знания, в которых метафоры рассматриваются с этой точки зрения, – языкознания, переводоведения, политологии. До недавнего времени было удручающе мало работ, нацеленных на взаимообогащающее комбинирование методик, разработанных в рамках этих наук. В нашей работе делается попытка хотя бы частично восполнить это упущение.

Работа выполнена в рамках совместного переводоведческого проекта факультета иностранных языков и переводоведения Университета Восточной Финляндии и факультета прибалтийско-финской филологии и культуры ПетрГУ «Venäjästä suomeksi ja suomesta venäjäksi. Kääntäminen monikulttuurisessa yhteisössä», который реализуется при финансовой поддержке Академии Финляндии и РГНФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Интуитивизм некоторых метафорологических концепций отнюдь не является наивным, а напротив, отражает сознательную гносеологическую позицию, проявляющуюся в декларативном отрицании самой возможности проведения четких границ между типами метафор, в зыбкости критериев разграничения, в релятивистском подчеркивании текучести, типологической размытости и принципиальной неразличимости не только промежуточных случаев, но иногда даже и полюсов – мертвых и креативных метафор. Примером такой работы, имплицитно предполагающей заведомую тщетность попыток описания шкалы конвенциональности метафор, является статья [19]. Ее автор З. Радман остроумно показывает, что мертвые метафоры, уже зафиксированные в словаре и утратившие некогда присущие им «сбивающую с толку новизну, абсурдность и эмоциональное напряжение», не перестают быть полновесными метафорами, например, для ребенка, осваивающего речь, для иностранца, изучающего язык, для читателя, знакомящегося с древним текстом. Диагноз «мертвая метафора» может быть вынесен только применительно к конкретным условиям употребления метафорического выражения. С выводом З. Радмана: «Диагностическая процедура, нацеленная на установление статуса метафор и оценивающая, насколько они живы, будет <…> зависеть от конкретных обстоятельств и применяемой методики» [19; 156] – трудно спорить, однако научное описание всегда базируется на несколько упрощенном образе объекта изучения, компенсируя вынужденный редукционизм возможностями последовательного описания. Признание сложной природы объекта, естественно, обязывает исследователя сформулировать систему допущений, на которой строится его классификация, однако это не должно вынуждать исследователя отказываться от самих попыток провести границы между классами.

[2] В качестве словарной базы используются однотомные толковые словари, так как предлагаемая методика будет применяться в переводоведческом исследовании метафор в финском и русском политическом дискурсе и должна опираться на сопоставимые по объему и полноте описания словари, имеющиеся в русской и финской лексикографической традиции. Существующие многотомные толковые словари финского и русского языков значительно отличаются по многим параметрам, что затрудняет сопоставительные исследования и обусловливает наш выбор в пользу популярных однотомных словарей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А. Н. Политическая метафорика политического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text12/09.htm
2. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ruscorpora.ru (НКРЯ)
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь современного русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2007. 944 с. (СОШ)
4. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008. 960 с. (БТС)
5. Bally Ch. Traité de stylistique française. Geneve: Georg, 1951 (1909). 264 p.
6. Black M. Models and metaphors: studies in language and philosophy. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1962. 276 p.
7. Stefanowitsch A., Gries S. Th. (eds.). Corpus-based approaches to Metaphor and Metonymy. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. 319 p.
8. Cruse A. D. Meaning in Language. An Introduction to Semantics and Pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 2004. 441 p.
9. Dagut M. B. Can «metaphor» be translated? // Babel: International Journal of Translation. 1976. 22 (1). P. 21–33.
10. De Landtsheer Ch. The political rhetoric of a United Europe // O. Feldman, Ch. De Landtsheer (eds.). Politically speaking: a worldwide examination of language used in the public sphere. N. Y., 1998. P. 129–146.
11. Deignan A. Metaphor and Corpus Linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 2005. 236 c.
12. Dobrovol'skij D., Piirainen E. Figurative Language: Cross-Cultural and Cross-linguistic Perspectives. Amsterdam: Elsevier, 2005. 419 p.
13. Goatly A. The Language of Metaphor. London; N. Y.: Routledge, 1997. 360 p.
14. Kövecses Z. Metaphor. A Practical Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2002. 285 p.
15. Mooij J. J. A. A Study of Metaphor: On the Nature of Metaphorical Expressions with Special Reference to Their Reference. Amsterdam North Holland, 1976. 196 p.
16. Newmark P. A Textbook of Translation. N. Y.: Prentice Hall, 1988. 292 p.
17. Pisarska A. Creativity of Translators: the translation of metaphorical expressions in non-literary texts. Poznań: Univ. im. Adama Mickiewicza, 1989. 139 p.
18. Pragglejaz Group. MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse // Metaphor and Symbol. 2007. 22 (1). P. 1–39.
19. Radman Z. Difficulties with diagnosing the death of a metaphor // Metaphor and Symbol. 1997. 12 (2). P. 149–157.
20. Steen G. J., Dorst A. G., Herrman J. B., Kaal A. A., Krennmayr T., Pasma T. A Method for Linguistic Metaphor Identification. Amsterdam: John Benjamins, 2010. 238 p.
21. Van den Broeck R. The limits of translatability exemplified by metaphor translation // Poetics Today. 1981. 2:4. P. 73–87.
22. Vertessen D., De Landtsheer C. Metaphorical election style? Patterns of symbolic language use in Belgian politics [Electronic resource]. Access mode: http://eis.bris.ac.uk/~potfc/Granada/Papers/Vertessen.pdf

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Февраль, № 1 **Филология** **2012**

УДК 811.161.1(09)

МАРИЯ СЕРГЕЕВНА ДУШКИНА
студентка 5-го курса филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
dushkinam@mail.ru

АНФИСА ВЛАДИМИРОВНА РОЖКОВА
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
rozchkova@mail.ru

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ РЕКОМЕНДАЦИИ, ПОЖЕЛАНИЯ В ДЕЛОВОМ ПАМЯТНИКЕ XVI ВЕКА «НАЗИРАТЕЛЬ»

В статье рассматриваются различные способы выражения пожелания, рекомендации в языке деловой письменности XVI века на материале памятника дидактического характера – «Назиратель».

Ключевые слова: историческая грамматика, деловая письменность, модальность

Значения пожелания, рекомендации тесно связаны с категорией модальности. Интенсивное изучение этой категории приходится на 60– 80-е годы XX века, о чем свидетельствует большое количество работ, среди которых следует особо выделить труды В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой, Г. А. Золотовой, С. С. Ваулиной. В ряде работ представлено исследование категории модальности в диахроническом аспекте. В основном исследователи рассматривали способы выражения значения желательности, необходимости и возможности на материале разножанровых памятников. В отношении деловых памятников исследователями выделено несколько основных способов выражения значения рекомендации и пожелания.

Инфинитивные сочетания. По словам М. А. Соколовой, данные конструкции относятся к «односоставным сказуемостным предложениям, в которых инфинитив входит в состав сказуемого как необходимый элемент» [18; 15]. По наблюдениям исследователя, эти «сказуемые выражены сочетаниями: *достоит, лучится, подобает, надобе(т), пригоже* + инфинитив» [18; 15].

Глагол *подобает* как экспликатор значения рекомендации, по замечанию М. А. Соколовой, встречается «в памятниках, в которых сильна стихия книжного языка» [18; 16]. В другой работе М. А. Соколова отмечает, что «форма *подобает* представлена в текстах более высокого стиля» [17; 268]. О такой дистрибуции писали и другие исследователи: «…глагол *подобати* был принадлежностью преимущественно книжной, а не разговорной речи» [1; 387]. А. Н. Стеценко отмечает, что «глагол *подобает* употребляется в древнерусских памятниках, отражающих книжную речь» [22; 81]. По точному замечанию С. С. Ваулиной, данный глагол имел «морально-этический характер» [2; 109]. Однако, как отмечает исследователь, «наблюдаются случаи употребления *подобати* в функции фиксатора такого типа связи соответствующих явлений реального мира, необходимость осуществления которого основана на обращении к фактам не духовного, а сугубо бытового характера, что служит свидетельством расширения его модальной семантики» [2; 109]. Расширение модальной семантики данного экспликатора значения рекомендации привело к тому, что глагол *подобает* стал использоваться в памятниках деловой письменности.

Глагол *достояти* был «принадлежностью преимущественно книжной, а не разговорной речи» [1; 387]. В. Л. Георгиева отмечает, что «этот безличный глагол употреблялся в деловых памятниках» [3; 15].

Экспликатор значения рекомендации *надобетъ* не был принадлежностью книжной речи, в отличие от рассмотренных выше. М. А. Соколова пишет о том, что форма *надобетъ* «представлена в сугубо деловых памятниках» [17; 268]. Другие исследователи указывают на то, что «форма *надоб*ѣ стала явлением живой речи восточных славян» [4; 266].

Кроме того, в памятниках деловой письменности встречаются *конструкции с независимым инфинитивом*. А. Н. Стеценко определил их как безличные инфинитивные предложения, которые «имеют различные модальные значения: долженствование, необходимость, возможность и невозможность, желательность, неизбежность действия и т. д.» и занимают «особо большое место… в памятниках деловой письменности» [22; 88–89].

Конструкции с императивом. Значение пожелания и волеизъявления может быть передано формами императива. М. Л. Ремнева, изучая грамматические особенности памятника «Домострой», отмечает следующее: «[в «Домострое»] значение… распоряжения, пожелания передается формами повелительного наклонения» [10; 298]. По словам М. А. Соколовой, формы императива, как правило, использовались в «произ-

© Душкина М. С., Рожкова А. В., 2012

ведениях, содержащих в себе элементы книжной речи» [28; 23]. При повелительной форме глагола могло стоять личное местоимение, что, по мнению М. А. Соколовой, являлось «следствием особой подчеркнутости действующего лица» [28; 20]. Употребление личного местоимения при императиве, по словам исследователя, отражало «особенность разговорного языка» [28; 21].

Конструкции с формами сослагательного наклонения сказуемого. По мнению М. А. Соколовой, «данный способ выражения советов, желательности в XVI в. был принадлежностью разговорного языка» [28; 24]. Она приводит пример конструкции с формой конъюнктива из «Домостроя»: «а всегда *бы было* чистенько и не изваляно и не изгрязнено» [28; 24].

Да + презентная форма глагола. Данную конструкцию отмечали такие исследователи, как С. Д. Никифоров [6; 139], Б. А. Успенский [23; 260], М. Л. Ремнева [9; 147].

Памятник «Назиратель» или, точнее, «Книга глаголемая назиратель сіирѣчь ряд домовных дѣтель» является энциклопедией по вопросам сельскохозяйственного труда и быта. Данный памятник уникален тем, что «на русской почве он представляет собой единственный в своем роде памятник и первое по времени появления произведение сельскохозяйственной литературы» [10; 300]. Особенностью «Назирателя» является то, что он восходит через польское посредство к латинскому произведению Петра Кресценция (около 1300 года), известному под названием «Liber ruralium commodorum». Именно с польского издания 1549 года и был сделан русский перевод. Для нашего исследования особый интерес представляет грамматический строй памятника, а именно конструкции, служащие для выражения пожелания и рекомендации.

В «Назирателе» значение пожелания, рекомендации передается: 1) инфинитивными конструкциями, представленными в виде сочетаний: **подобает(ъ) + инфинитив** (208)[1], **надобетъ + инфинитив** (52), **надобно + инфинитив** (27), *мощно + инфинитив* (93), **мочно + инфинитив** (21), **добро + инфинитив** (12), **лучши + инфинитив** (12), **пригоже + инфинитив** (2); а также **конструкциями с независимым инфинитивом** (57); 2) формой императива (58); 3) конструкциями с сослагательным наклонением (26); 4) безличными конструкциями с глаголами **подобаетъ** (41), **надобетъ** (11), наречием **надобно** (3); 5) конструкциями с элементами авторизации (8).

1. ***Инфинитивные конструкции***

В первую очередь мы рассмотрим конструкцию *подобает(ъ) + инфинитив.* По словам С. С. Ваулиной, «семантика глагола *подобати* определяет специфику выражаемого им модального значения долженствования» [2; 57]. *Подобати*, согласно этимологическому словарю А. Г. Преображенского, «происходит от прасл. **doba* ‘время, пора’, восходящего к и.-е. *dhabh-, *dhab – находить, быть подходящим, приноровлять, приноровляться» [8; 186–187]. В словаре И. И. Срезневского *подобати* определяется как «соответствовать, приличествовать» [21; стлб. 1038]. Согласно Словарю русского языка XI–XVII вв., слово *подобаетъ* обозначает «следует, должно» [25; 18]. В Полном церковно-славянском словаре слово *подобаетъ* определяется как «достойно, прилично, долженствуетъ» [7; 441].

Инфинитив в составе данного сочетания управляет существительным и местоимением: *подобает насадити лоз или матицъ виноградныхъ*; *воду соленую с уксусомъ подобаетъ пити*; *подобаетъ ее сыпати* и т. д. После данной конструкции может следовать инфинитив: *подобает перестати делати*, а также придаточное изъяснительное: *подобаетъ разсудити что дело сицевого прививания есть разнаго по* величестве.

Сочетание *подобает(ъ) + инфинитив* встречается не только в тексте, но и в заголовках «Назирателя»: *как дворъ внутри подобаетъ устроити.*

Советы, выраженные при помощи сочетания *подобает + инфинитив*, чаще всего связаны с огородничеством, садоводством и полеводством. Встречаются советы, которые можно назвать медицинскими: *воду соленую с уксусом подобаетъ пити.*

Таким образом, употребление данного сочетания в памятнике деловой письменности свидетельствует о расширении модального значения глагола *подобати*, который начинает выступать с глаголами, фиксирующими действия сугубо бытового характера.

Сочетание *мощно + инфинитив* встречается в «Назирателе» 93 раза. Согласно Словарю русского языка XI–XVII вв., слово *мощно* определяется как «разрешается, позволительно» [14; 286]. *Мощно + инфинитив* служит для выражения рекомендации: *куды бы было мощно воду пустити и оборотити* и т. д. Данный экспликатор выражает не жесткую рекомендацию. По словам В. И. Борковского, сочетание *мощно + инфинитив* имеет модальное значение: «возможность, разрешение действия» [4; 257]. Слово *мощно* при отрицании имеет большую категоричность, поскольку обозначает «нельзя» [14; 286]. Отличительной особенностью данного сочетания является то, что после слова *мощно* может стоять вспомогательный глагол *быти.* Следовательно, эту конструкцию можно представить в виде следующей схемы: *мощно + вспомогательный глагол (быти) + инфинитив.*

В тексте «Назирателя» инфинитив в составе данной конструкции обычно управляет существительным и местоимением: *мощно насадити терну или вязу*; *мощно есть еи пособити.* После данной конструкции может стоять придаточное изъяснительное: *мощно познати что от того тѣло сицевыхъ вещеи составляется*; придаточное обстоятельственное образа действия: *мощно есть делати как кому удобнеи быти видится.* Есть случаи использования данных сочетаний с отрицанием, и они встречаются в тексте «На-

зирателя» 16 раз: ***не**мощно бывает увѣдати* и т. д. Обратим внимание, что в данных примерах наблюдается большая категоричность в отличие от сочетания без отрицания.

Советы, выраженные при помощи сочетания *мощно + инфинитив*, чаще всего связаны с огородничеством, садоводством и полеводством. Встречаются советы общего характера: *мощно есть делати как кому удобнеи быти видится.*

Необходимо также обратить внимание на сочетание *мочно + инфинитив.* Наличие в тексте двух вариантов: *мощно* и *мочно* – свидетельствует о процессе изменения сочетания *gt в слове *mogti. От данного слова образовались следующие «славянские параллели: *моч<u>и</u>* (вост.-слав.) и *мощ<u>и</u>* (юж.-слав.)» [11; 14]. Модальное значение сочетания *мочно + инфинитив* такое же, как и у сочетания *мощно + инфинитив*, – возможность, разрешение действия. Значение слова *мочно* аналогично семантике *мощно* – «разрешается, позволительно» [14; 283]. Модальное слово *мочно* при отрицании, так же, как и *мощно,* обладает большей категоричностью, поскольку в Словаре русского языка XI–XVII вв. определяется как «нельзя» [14; 283].

Мочно + инфинитив встречается в памятнике «Назиратель» 27 раз. Инфинитив в составе данного сочетания обычно управляет существительным и местоимение: *конец корения мочно урват; мочно столочи его.* После данной конструкции может стоять и инфинитив: *мочно начинати... жати.* Есть три случая использования данных сочетаний с отрицанием: *огороду немочно быти на иномъ месте.* Советы, выраженные при помощи сочетания *мочно + инфинитив*, чаще всего связаны с огородничеством и садоводством.

Третье сочетание *надобет(ъ) + инфинитив* встречается в тексте «Назирателя» 52 раза. По словам Я. А. Спринчака, глагол *надобет(ъ)* представляет собой «застывшее сочетание предлога *на* и сущ. *доба* в местном падеже» [19; 91]. Согласно словарю И. И. Срезневского, *надобетъ* определяется как «нужно» [21; стлб. 279]. Сочетание *надобет(ъ) + инфинитив* имеет оттенок рекомендации. Как отмечает С. С. Ваулина, «*надобетъ* – это экспликатор значения необходимости, реализация которого связана с обязательностью выполнения субъектом каких-либо конкретных условий, как правило, бытового характера» [2; 114]. Инфинитив в данном сочетании может управлять существительным и местоимением: *татьбы надобетъ беречися*; *надобетъ его укрепити.* После данного сочетания может стоять придаточное изъяснительное: *надобетъ усматряти чтобы таковая вода была на верху.* Встречается шесть случаев использования сочетания с отрицанием: *не надобетъ беречися никаковаго врѣждения.* В основном, советы, оформленные с помощью этого сочетания, связаны с огородничеством, садоводством, полеводством.

Кроме слова *надобет(ъ)* употребляется также слово *надобно.* Сочетание *надобно + инфинитив* используется в «Назирателе» 21 раз. По словам С. С. Ваулиной, «*надобно* является морфологическим дериватом от *надобѣ*» [2; 114]. Модальное значение слова *надобно* аналогично модальному значению слова *надобетъ*: «…экспликатор значения необходимости, реализация которого связана с обязательностью выполнения субъектом каких-либо конкретных условий, как правило, бытового характера» [2; 114]. Инфинитив в данном сочетании может управлять существительным и местоимением: *ненадобно верхнюю корку сняти*; *надобно окопати его.*

Встречаются три случая использования сочетания *надобно + инфинитив* с отрицанием: *ненадобно ж сада корени навозом обкладати.* В основном, советы, в которых содержится данное сочетание, связаны с огородничеством и садоводством.

Усиление рекомендации происходит при помощи личного местоимения *ты* (Дат. п.). В «Назирателе» встречаются три случая использования местоимения *ты* в Дат. п. в сочетании *подобает + инфинитив*: *подобает ти того беречися.* Подобное усиление рекомендации встречается и в сочетании *мощно + инфинитив*: *мощно ти будет чистую воду имати ко своему надобью.* Благодаря использованию личного местоимения *ты* в Дат. п. способ выражения рекомендации становится своего рода непосредственным обращением к читателю.

Сочетание *добро + инфинитив* используется в тексте «Назирателя» 12 раз. Модальное значение данного сочетания – долженствование, возможность. В словаре И. И. Срезневского и Полном церковно-славянском словаре слово *добро* определяется как «хорошо» [20; 674], [7; 147]. Слово *добро* обозначает «нужно, полезно» [12; 258]. Отличительной чертой данного сочетания является то, что после наречия *добро* может стоять вспомогательный глагол *быти*: *добро есть съѣти по ниве.* Таким образом, сочетание можно представить в виде следующей схемы: *добро + вспомогательный глагол (быти) + инфинитив.*

В тексте «Назирателя» инфинитив в составе анализируемого сочетания может управлять существительным и местоимением: *добро есть ясти чеснокъ или лукъ*; *добро есть мало ее обрѣзати.* Есть один случай использования данного сочетания с отрицанием: ***не**добро ее часто пити.*

Сочетание *пригоже + инфинитив* встречается в памятнике «Назиратель» два раза: *пригоже и то вѣдати*, *пригоже... есть здѣсь вѣдати.* Слово *пригоже*, согласно словарю И. И. Срезневского, образовано от прилагательного *пригожий*, обозначающее «должный» [21; 1393]. Следовательно, слово *пригоже* можно интерпретировать как *должно.*

В одном из примеров после слова *пригоже* стоит вспомогательный глагол *быти*: *пригоже есть здѣсь вѣдати.* Слово *пригоже* сочетается с инфинитивами, обозначающими состояние.

Пригоже + инфинтив является способом выражения нежесткой рекомендации.

В тексте «Назирателя» 12 раз используется сочетание *лучши + инфинитив*. В словаре И. И. Срезневского приводится пример использования слова *лучши* в памятнике языка книжной письменности: «*лоуче оуб есть мимотещи сладости чревьныя* (Панд. Ант. XI в.)» [21; 57]. В Полном церковно-славянском словаре также приводится пример употребления данного слова в памятнике XI века «Пандектахъ Антиоха»: «*лоуче бо тебе дати рекутъ*» [7; 289]. В Словаре русского языка XI–XVII вв. слово *лучши* представлено как «ср. ст. нареч. *добро*(ѣ)» [13; 313]. По мнению О. Л. Кочетковой, данное сочетание «выражает желание, или желательность действия» [5; 88]. Как отмечает исследователь, «за общеоценочным словом *лучше* скрываются соответствующие понятия “удобнее”, “полезнее”, “надежнее”, “разумнее”» [5; 88].

После слова *лучше* следует вспомогательный глагол *быти*: *лучши есть место оное оставити*. Инфинитив управляет существительным и местоимением: *лучши городъ крепкой поставити повыше*; *лучши* с*ѣяти ее*.

Конструкции с независимым инфинитивом, служащие для выражения рекомендации, встречаются в тексте «Назирателя» 57 раз. Инфинитив управляет существительным и местоимением: *принести воды*; *пересушити его*. Кроме того, после инфинитивной конструкции может следовать придаточное цели: *больше всего беречися чтобы там свинои навоз не былъ кладенъ*.

В тексте памятника «Назиратель» отмечена одна конструкция с отрицанием: *не ждати падения*.

2. ***Формы императива***

В «Назирателе» формы императива используются 58 раз. Это формы 2-го лица ед. ч.: *бережи, не вреди, исправь* и т. д. Общее грамматическое значение данных форм императива: совет, приказ, побуждение к действию. Форма императива управляет существительным и местоимением: *возми дехтю; сади его*. В некоторых случаях после императивных форм зафиксировано употребление инфинитива: *даи стояти*, *не допущаи вырастати*. Иногда после императива в тексте «Назирателя» может следовать придаточное изъяснительное: *вѣдаи что тамо есть вредной смрад*. Стоит отметить, что наиболее распространенной формой императива является форма *вѣдаи*, которая встречается шесть раз. Обычно после нее следует придаточное изъяснительное. Общее грамматическое значение императива *вѣдаи* – значение предостережения, совета: *вѣдаи что та вода есть недобрая*. Кроме того, встречаются две формы императива с отрицанием: *не допущаи в верхъ вырастати выше десяти стопъ*, *не вреди*.

3. ***Конструкции с сослагательным наклонением сказуемого***

Конструкции с формой конъюнктива встречаются в тексте «Назирателя» 26 раз: *толко навозом бы исправляли, и былъ бы постановленъ домъ боярский* и т. д. Подобные конструкции служат для выражения рекомендации, что четко отражается при модификации: **надо*, *чтобы былъ постановленъ домъ боярский*[2]. Таким образом, данная конструкция имеет значение пожелания, граничащее с рекомендацией. В девяти конструкциях с сослагательным наклонением сказуемого употребляется выделительная частица *толко*: *толко бы были с почками* и др. Использование частицы *толко* в препозиции к данной конструкции усиливает значение желательности и необходимости действия.

Как правило, форма конъюнктива управляет существительным и местоимением: *бы примешалъ навозу*; *не далъ бы ей цвести*; *о землю бы ся*. Две глагольные формы используются с отрицанием: *садовых земель не орали бы*, *не далъ бы ей цвести*.

4. ***Безличные конструкции***

В тексте памятника «Назиратель» используются безличные конструкции, служащие для выражения рекомендации. В состав данных конструкций входят такие глаголы, как *подобает(ъ)*, *надобет(ъ)* и наречие *надобно*. В первую очередь мы рассмотрим безличные конструкции с глаголом *подобает(ъ)*. 39 раз после безличного предложения следует придаточное изъяснительное: *подобает чтобы имела в себе крепость деиствемую*, *сад подобаетъ чтобы был огороженъ* и т. д. Данная конструкция используется в советах, связанных с огородничеством и садоводством, и служит для выражения достаточно строгой рекомендации. Безличный оборот с *подобает* является аналогом инфинитивной конструкции *подобаетъ + инфинитив*, поскольку в некоторых случаях возможна трансформация: *рвы подобаетъ чтобы были деланные малые или великие ~*подобает делати рвы малые и великие.*

Еще одна конструкция, которую можно представить в виде схемы *подобаетъ + зависимое слово*: *мѣлкимъ прививкамъ ниско срѣзывания добрѣ подобаетъ, не подобаетъ к ѣствѣ точию работающимъ людемъ*. Данная конструкция встречается в советах, связанных с садоводством и частично с медициной. Конструкция *подобаетъ + зависимое слово* служит для выражения достаточно строгой рекомендации.

Следует отметить безличную конструкцию с глаголом *надобетъ*. После безличного предложения следует придаточное цели: *и иного поля столь много надобетъ чтобы исполнило нужу къ обранию и к паханию*; и придаточные изъяснительные: *надобетъ чтобы в земле при корению былъ корень имъ загноенои*. Безличные предложения с глаголом ***надобетъ*** используются в советах, связанных с полеводством, садоводством, и служат для выражения строгой рекомендации.

Восемь раз встречается конструкция *надобетъ + зависимое слово*: *надобетъ же окопания*, *немного надобетъ мокроты и др.* В одном случае после конструкции *надобетъ + зависимое слово* следует придаточное определительное: *надобет тако мѣсто гдѣ хощешь сад постановити*, в другом анализируемая конструкция входит в состав придаточного условия: *надобетъ ли тебѣ будет дѣлавцовъ*, *тамо их скорѣе в городе наидешь.*

Конструкция *надобетъ + зависимое слово* встречается в советах, связанных с полеводством, садоводством, и служит для выражения достаточно строгой рекомендации.

Безличная конструкция с наречием *надобно* используется три раза: *при току надобно чтобы было мѣсто.* Данная безличная конструкция служит для выражения нестрогой рекомендации и встречается в советах, связанных с полеводством.

5. ***Конструкции с элементами «авторизации»***

В тексте памятника «Назиратель» отмечено восемь конструкций, в которых присутствуют элементы «авторизации»: *мудрые повелевают беречися гною свиного, колюмеля мудрец не велитъ замати хлеб в стогахъ и т. д.* Термин *авторизация* образован от глагола *авторизовать*, имеющего происхождение «от франц. autorizer – разрешать, позволять» [16; 13]. В семантике данной лексемы заложена мысль об официальном одобрении, разрешении, поэтому слово *авторизация* было выбрано нами как наиболее приемлемое наименование для данного способа выражения рекомендации. Ссылка на авторитетное лицо придает весомость рекомендации. В одних случаях это могут быть лица, обозначающие совокупность людей, занимающихся профессионально той или иной деятельностью: *земледелателе*, *алхимистове*, *палладии мудрые, мудрые врачеве, разумные домостроителе.* Два раза указываются конкретные авторитетные лица: *колюмеля мудрец, катон философ.* Как правило, данные существительные выступают в роли подлежащих. Предикатом служат глаголы *велеть, приказывать, советовать, научать* в определенной форме: *мудрые врачеве повелевают*, *земледелателе присужие советуют* и т. д. Все глаголы имеют модальное значение необходимости, волеизъявления, долженствования.

В исследуемом памятнике представлен довольно широкий спектр грамматических средств, служащих для выражения рекомендации, пожелания, повеления. Анализ выявленных форм и конструкций свидетельствует об их активном использовании при оформлении советов, касающихся бытовой и сельскохозяйственной деятельности. Доминирующий в числовом отношении тип конструкций – это ифинитивные конструкции, которые составляют 70 % от числа всех способов выражения рекомендации и пожелания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее в круглых скобках приводится количество употреблений исследуемых конструкций и словоформ в памятнике «Назиратель».

[2] Здесь и далее трансформируемые нами конструкции сопровождаются знаком*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963. 512 с.
2. Ваулина С. С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.). Л., 1988. 143 с.
3. Георгиева В. Л. История синтаксических явлений русского языка. М., 1968. 167 с.
4. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / Под ред. В. И. Борковского. М. : Наука, 1978. С. 256–276.
5. Кочеткова О. Л. Периферийная лексика с модальным значением необходимости (на материале русской письменности второй половины XVII – начала XVIII в.) // Семантические единицы русского языка в диахронии и синхронии. Калининград: Изд-во Калининградского ун-та, 2000. С. 80–96.
6. Никифоров С. Д. Глагол: его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952. 344 с.
7. Полный церковно-славянский словарь / Под ред. Г. Дьяченко. М.: Отчий дом, 2001. 1120 с.
8. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1959. 718 с.
9. Ремнева М. Л. О некоторых чертах грамматической нормы книжно-славянского языка позднего периода (XVI–XVII вв.) // Исследования по глаголу в славянских языках: история славянского глагола. М.: Изд-во Московского ун-та, 1991. С. 134–157.
10. Ремнева М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв.: Учебное пособие по курсу «История русского литературного языка». М.: Изд-во Московского ун-та, 2003. С. 295–303.
11. Савельева Л. В. Основы палеорусистики: Учеб. комплекс по курсу истории рус. яз. для пед. ун-тов. Петрозаводск: КГПУ, 2004. 164 с.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Под ред. С. Г. Бархударова. М.: Изд-во «Наука», 1977. Вып. 4. 404 с.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Под ред. Ф. П. Филина. М.: Изд-во «Наука», 1981. Вып. 8. 352 с.
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Под ред. Ф. П. Филина. М.: Изд-во «Наука», 1982. Вып. 9. 358 с.
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Под ред. Г. А. Богатовой. М.: Изд-во «Наука», 1990. Вып. 16. 295 с.
16. Современный толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2002. 960 с.
17. Соколова М. А. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л.: ЛГУ, 1962. 312 с.
18. Соколова М. А. Очерки по языку деловых памятников XVI века. Л.: ЛГУ, 1957. 191 с.
19. Спринчак Я. А. Очерк русского исторического синтаксиса: Простое предложение. Киев, 1960. 256 с.
20. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. М.: Знак, 2003. 776 ст.
21. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. М.: Знак, 2003. 15 с., 1801 ст.
22. Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1972. 360 с.
23. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002. 560 с.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Февраль, № 1 **Филология** **2012**

УДК 81'38

ЕЛЕНА ИВАНОВНА ЛЕЛИС
кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и его истории филологического факультета, Удмуртский государственный университет
elena-lelis@mail.ru

РОЛЬ ФОНИКИ В ЭКСПЛИКАЦИИ ПОДТЕКСТОВЫХ СМЫСЛОВ
(на материале повести А. П. Чехова «Степь»)

Звуки и звукосочетания лежат в основе фонообразов и приобретают свойства стимулов к формированию подтекста. Не обладая собственным языковым значением, они эксплицируют подтекст благодаря способности к обретению потенциального смысла и композиционной расстановке в тексте.

Ключевые слова: звук, звукосочетание, фонообраз, подтекст, художественный текст

Подтекст – это часть семантической структуры текста, реализующая выводные скрытые смыслы, которые актуализируются в сознании воспринимающего текст как целое. Стимулами к формированию подтекста могут быть единицы всех языковых уровней, в том числе и фонетического. Приемами семантизации звуков и их сочетаний являются звукоподражание и звуковой повтор, которые становятся средствами формирования подтекстовой структуры художественного текста, если через звукоизображение и звуковую символику формируют фонообразы – эмоционально-смысловые эстетически опосредованные звуковые комплексы. Семантизация фоники приводит к выполнению ею в подтекстовой структуре художественного текста двух эстетических функций: смыслопорождающей и структуропорождающей.

Смыслопорождающая функция фоники реализуется через включенность звуков и звукосочетаний в эстетически опосредованную семантическую цепочку: *звук – фонообраз – идея*, первым звеном которой могут быть не любые звуки, а только те, которые проявляют способность к семантизации. Они приобретают эстетическую значимость во взаимосвязи с разными языковыми уровнями, но прежде всего с лексико-семантическим, благодаря которому и происходит преобразование звуков и их сочетаний в фонообраз и снимается вопрос о случайном, внеэстетическом характере звуковой стороны художественного текста. Эта связь осуществляется через звукобуквенную аранжировку тематических слов, лейтмотивов, анаграмматически «закодированных» ключевых слов, ассоциативно-акустические образы и т. д. Благодаря этому подтекст, формируемый фоническими средствами, предстает как опосредованно вербализованный. Он создается автором в целях суггестивного воздействия на читателя, через эмотивную подтекстовую плоскость векторно ведет к формированию содержательно-смысловой глубины художественного текста.

Фонообразы эксплицированы в развертывание разных содержательных планов текста, его тематику, лейтмотивы, художественные образы, являются невербальным способом раскрытия разных точек зрения – автора, рассказчика, персонажа. В динамике их развития и текстового взаимодействия раскрывается структуропорождающая функция фоники, которая обусловлена эстетически опосредованной цепочкой: звук – фонообраз – композиция, раскрывается как в лингвистическом, так и в идейно-художественном контексте, формируя локальный и текстовый виды подтекста. При этом звукоподражание и контактный звуковой повтор, как правило, встроены в систему языковых стимулов формирования локального подтекста, а дистантный повтор – в средства создания подтекста текстового уровня.

Сочетание звукоподражания и звукового повтора, фонические текстовые переклички, артикуляционно-звуковой контраст разных сюжетно-композиционных фрагментов текста, противопоставление контекстов с концентрированным использованием фонических средств фрагментам с практически полным их отсутствием превращают фонику в стилистический прием, который не только основан на временных параметрах (длительности звучания), но и апеллирует к пространственно-временной сфере художественного текста. Это путь к возникновению разнообразных и многогранных подтекстовых ассоциаций – эмоционально насыщенных акустических и зрительно-акустических, основанных на ценностном восприятии мира, на фоновых знаниях, читательском опыте и т. д., «опрокинутых» как в текстовое, так и во внетекстовое пространство, рождающих внутритекстовый и интертекстуальный виды подтекста. Читателю они дают возможность осуществить непосредственное, индивидуально-личностное, неповторимо-субъективное восприятие произведения, но основанное на объективности существования текстовых эмоционально-смысловых векторов.

Мастерство владения фоническими языковыми средствами как стимулами к формированию подтекста способствует созданию неповторимой эмоциональной тональности и многосмысленности произведения без непременной вербализации важных для его идеосферы компонентов смысла.

© Лелис Е. И., 2012

«Степь» А. П. Чехова, написанная в 1888 году, которую позже назовут эпиграфом к позднему творчеству писателя, стала для него первым опытом активного использования подтекстовых эстетических возможностей фоники. Впервые выходя на простор широкого повествования, А. П. Чехов создал целый калейдоскоп героев и событий, отразил русскую жизнь в ее будничности и разнообразных проявлениях, обрисовал самые разные характеры людей простых – деловых и неприкаянных, умных и глупых, добрых и обозленных, богатых и бедных, несчастных и счастливых. Он по-новому раскрыл поэзию русской природы, наделив пейзажные зарисовки глубоким психологическим и философским содержанием, превратив их в монологи-размышления, которые позже станут одним из характернейших свойств его стиля. В содержательной плоскости повести параллельно развернуты два плана. Один из них связан с мотивом деловой поездки – продажи шерсти и определения на учебу племянника купца Кузьмичова – Егорушки. Этот мотив сопровождается сюжетными зарисовками, связанными с миром людей, с их социальными ролями, разным достатком и взглядами на жизнь. Это долгий и утомительный путь обоза по выжженной донской степи с проходными событиями на постоялом дворе, в церкви, в лавке. Это поиски неуловимого «хозяина» степи – миллионера Варламова, разговоры о ценах на шерсть и вырученном барыше, подсчеты поголовья овец. Это встречи с многодетным и бедным хозяином постоялого двора Мойсей Мойсеичем, его странным братом Соломоном, сжегшим полученные им по наследству деньги, и т. д.

Второй план – основной для А. П. Чехова – это образно-символический мотив «покинутой древней дороги, по которой “теперь” уже никто не ездит» [3; 183]. Это лирически окрашенный разговор о судьбах «прекрасной и суровой» Родины, «хозяином» которой не может быть никакой Варламов, потому что ее богатства не измеряются в денежном эквиваленте. В ней есть эпическая мощь, душа, неподвластная человеку воля. Именно здесь расширяются пространственно-временные рамки «истории одной поездки» и уходящая за горизонт дорога воспринимается как древний символ связи между прошлым и настоящим, близким и далеким, как символ судьбы, размышления над которой окрашены гаммой противоречивых чувств – радости, тоски, томления, восхищения и надежды и т. д.

Новизна формы, «бессюжетность», преобладание эмоционального «тона» над причинно-следственной логикой повествования, обращение к древним мифологическим и сказочным образам и мотивам, использование разных «точек зрения» – повествователя и героя, пропущенность восприятия мира через детское сознание – все это сделало повесть А. П. Чехова глубоко художественным произведением, а не этнографическим (или даже краеведческим), как об этом писала критика сразу после выхода повести в свет.

Образ степи огранен фоническими и лексическими средствами. Ключевые слова повести: *широкая, таинственная, живая*, раскрывающие и идеозначимостную, и композиционно-стержневую природу образа степи – символа Родины, поддерживаются фонообразами эмотивного и содержательно-смыслового подтекстовых уровней, которые проецируются в мысль о величии и красоте Родины. Степь безбрежна и как будто создана для того, чтобы ходили по ней «громадные, широко шагающие люди, вроде Ильи Муромца и Соловья Разбойника», и скакали высокие колесницы с шестерками «диких, бешеных лошадей», которыми «правят люди, какие могут сниться или вырастать в сказочных мыслях» [6; 48]. Фоносмысловые образы возникают благодаря сложному рисунку звуковых повторов – комбинациям, совмещающим чередование глухих и сонорных, взрывных, щелевых и аффрикат, имитирующих самые разнообразные звуки степных обитателей. Монотонность звуков, издаваемых насекомыми, передана доминирующим ассонансом лабиализованных [у] и [о], которые анафорически воспроизводят идеозначимое слово *музыка*. Своей неповторимой голосовой партией обладают многие обитатели степи: *пофыркивают* лошади; в *писке* бекасов слышатся *тревога и досада*; «*кричат* перепела и коростели»; *поют* соловьи; «*хохочет или заливается истерическим плачем*» сова: «Для кого они *кричат* и кто их слушает на этой равнине, бог их знает, но *в крике* их много *грусти и жалобы*…» [6; 45].

Как весомый разнотембровый эмоционально насыщенный аккорд, эксплицирующий системность подтекстовой смысловой организации текста, звучит фрагмент описания степи, в котором лексически обозначенные чувства рождаются из акустического звучания текста: «Как будто от того, что траве не видно в потемках своей старости, в ней поднимается *веселая, молодая трескотня*, какой не бывает днем; *треск, подсвистыванье, царапанье,* степные *басы, тенора* и *дисканты* – все *мешается в непрерывный, монотонный гул*, под который хорошо вспоминать и *грустить*. *Однообразная трескотня убаюкивает*, *как колыбельная песня*; едешь и чувствуешь, что *засыпаешь*, но вот откуда-то доносится *отрывистый, тревожный крик неуснувшей* птицы, или раздается *неопределенный звук, похожий на чей-то голос*, вроде *удивленного* “*а-а!*”, и дремота опускает веки» [6; 45].

По образному определению Н. Я. Берковского, «Степь» – «огромное, порою оглушительное по своему великолепию празднество пяти чувств. Ворота их открыты настежь, и льются, перегоняя друг друга, зрительные впечатления, описания запахов, звуков, земного зноя, речного холода» [2; 117]. В пространственно-временных координатах степи звучит все: живое (птицы, звери, люди) и неживое (бричка, привязанное к ней ведро, воз, рогожа, покрывающая шерсть, и даже сама тишина). Подчиняясь законам олицетворения, неживое в своей акустической репрезента-

ции приравнивается к живому и обретает статус полноправного компонента художественной реальности.

В поэтической картине степи особое место занимают фонообразы ручья, реки, травы, ветра, грозы, восходящие к мифологемам первостихий – воды, земли, воздуха и огня, к классической мифологии, комплексу библейских символов, фольклорной традиции, памятникам древнерусской литературы. Движение воды в ручье передается ассонансными [у] и [о], пробуждая в читателе зрительно-акустический образ воды, бегущей через трубочку болиголова, и аллитерационным повтором [р], дрожащая сонорность которого смягчается чередованием соседних согласных – то звонких, то глухих: «Ег**о**р**у**шка **у**слышал тих**о**е, **о**чень ласк**о**в**о**е ж**у**рчание и п**о**ч**у**вств**о**вал, чт**о** к ег**о** лицу пр**о**хладным бархат**о**м прик**о**сн**у**лся как**о**й-т**о** др**у**г**о**й в**о**зд**у**х. Из х**о**лма, склеенн**о**г**о** прир**о**д**о**й из гр**о**мадных, **у**р**о**дливых камней, скв**о**зь тр**у**б**о**чк**у** из б**о**лиг**о**л**о**ва, вставленн**ую** каким-то невед**о**мым благ**о**детелем, т**о**нк**о**й стр**у**йк**о**й бежала в**о**да» [6; 20].

Время, кажется, остановилось, все безграничное пространство степи задохнулось в зное, как вдруг раздается тихое пение. Поет женщина, но трудно понять, где и в какой стороне. Описание песни, которая плывет в раскаленном воздухе, создает ощущение мелодичности, полетности звука благодаря сочетанию звукоизобразительной и звукосимволической способности гласных [э] и [а], которые комбинируются с анафорическим повтором согласного [п], рождая опосредованно вербализованные анаграмматические образы *песни* и *плача.* Повтор лабиализованных [у] и [о], поддерживаемый лексически («*песня тихая, тягучая, заунывная*»), привносит в фонообраз эмоционально-оценочный оттенок печали. Мотивы жалобы, обращенной к невидимому духу, клятвы, просьбы о прощении, уверения в безвинности, звучащие в унисон с мотивами солнца, молодости и красоты, имплицитно обращают читателя к мифопоэтическому прошлому, к фольклорному жанру плача и плачу Ярославны: «***Песня*** тих**а**я, т**я**г**у**ч**а**я и з**а**у**н**ывн**а**я, **п**о**х**о**жа**я** на **плач** и **е**дв**а** **у**л**о**вим**а**я сл**у**х**о**м, слыш**а**л**а**сь т**о** **с**п**р**ав**а**, т**о** сл**е**в**а**, т**о** св**е**рх**у**, т**о** из-**п**од з**е**мли, т**о**чн**о** н**а**д ст**е**п**ью** н**о**сил**с**я н**е**видимый д**у**х и **п**е**л**. **Е**г**о**р**у**шк**а** огл**я**дыв**а**л**с**я и н**е** **п**о**н**им**а**л, **о**тк**у**да э**т**а стр**а**нн**а**я **п**е**с**н**я**; **п**о**т**о**м ж**е**, к**о**гд**а** **о**н **п**рисл**у**ш**а**л**с**я, **е**м**у** ст**а**л**о** к**а**з**а**ть**с**я, чт**о** э**т**о **п**е**л**а тр**а**в**а**; в св**о**ей **п**е**с**н**е** **о**н**а**, **п**о**л**у**м**ёртв**а**я, **у**ж**е** **п**о**г**ибш**а**я, б**е**з сл**о**в, н**о** ж**а**л**о**бн**о** и искр**е**нн**о** **у**б**е**жд**а**л**а** к**о**г**о**-т**о**, чт**о** **о**н**а** ни в чём н**е** вин**о**в**а**т**а**, чт**о** с**о**лнц**е** выжгл**о** **е**ё **п**о**н**а**п**р**а**сн**у**; **о**н**а** ув**е**р**я**л**а**, чт**о** **е**й стр**а**стн**о** х**о**ч**е**т**с**я жить, чт**о** **о**н**а** **е**щё м**о**л**о**д**а** и был**а** бы кр**а**сив**о**й, **е**сли бы н**е** зн**о**й и н**е** з**а**с**у**х**а**; вины н**е** был**о**, н**о** **о**н**а** всё-т**а**ки **п**р**о**сила **у** к**о**г**о**-т**о** **п**р**о**щ**е**ни**я** и кл**я**л**а**сь, чт**о** **е**й н**е**выносим**о** б**о**льн**о**, гр**у**стн**о** и ж**а**лк**о** с**е**б**я**… Ег**о**р**у**шк**а** **п**о**с**л**у**ш**а**л н**е**мн**о**г**о**, и **е**м**у** ст**а**л**о** к**а**з**а**ть**с**я, чт**о** **о**т з**а**у**н**ывн**о**й, т**я**г**у**ч**е**й **п**е**с**ни в**о**зд**у**х сд**е**л**а**л**с**я д**у**шн**е**е, ж**а**рч**е** и н**е**п**о**движн**е**е… Чт**о**бы з**а**гл**у**шить **п**е**с**н**ю**, **о**н, н**а**п**е**в**а**я и ст**а**р**а**я**с**ь ст**у**ч**а**ть н**о**г**а**ми, **п**о**б**е**ж**а**л к **о**с**о**к**е**» [6; 24].

Ощущение тягучести песни поддерживается повтором тематического для контекста слова *песня* (пять раз) и однокоренных слов (*пение – пела, пел, пела*), протяженностью синтагм, однотипностью синтаксических конструкций, включающих однородные придаточные и присоединяемых повторяющимися союзами.

Описания воздуха, застывшего от зноя и тишины, символизирующего покорность оцепеневшей в молчании природы, и заунывной песни, плывущей над тишиной знойного полдня, сменяются динамическим образом ветра – предвестника будущей грозы. Многократный, по преимуществу анафорический повтор глухого [п] (редко – парного ему [б]), поддерживаемый медиальным, создает ощущение внезапно налетевших порывов ветра и звука трепещущей на ветру травы, одежды двигающихся по степи людей, рогожи, которой накрыты тюки на возах: «Вдруг в стоячем воздухе что-то **п**орвалось, сильно рванул ветер и с шумом, со свистом закружился **п**о сте**п**и. Тотчас же трава и **п**рошлогодний **б**урьян **п**одняли ро**п**от, на дороге с**п**ирально закружилась **п**ыль, **п**обежала **п**о сте**п**и и, увлекая за собой солому, стрекоз и **п**ерья, черным вертящимся столб**о**м **п**однялась к не**б**у и затуманила солнце. **П**о сте**п**и, вдоль и **п**о**п**ерек, с**п**отыкаясь и **п**рыгая, **п**о**б**ежали **п**ерекати-**п**оле, а одно из них **п**о**п**ало в вихрь, завертелось, как **п**тица, **п**олетело к не**б**у и, о**б**ратившись там в черную точку, исчезло из виду. За ним **п**онеслось другое, **п**отом третье, и Егорушка видел, как два **п**ерекати-**п**оле столкнулись в голу**б**ой вышине и вце**п**ились друг в друга, как на **п**оединке» [6; 28–29].

Динамика фонообраза поддерживается нарастающей частотностью звукового повтора, короткими синтагмами, лексической номинацией звучания (*шум, свист, ропот*), лексическим повтором (*перекати-поле, по степи, закружился – закружилась*), многочисленными рядами однородных членов, обилием глаголов и деепричастий активного, энергичного действия (*порвалось, рванул, закружился, побежала, спотыкаясь и прыгая, завертелось, понеслось, столкнулись, вцепились*). На этом фоне акустика ветра приобретает черты образа, восходящего к архетипической необузданно-своенравной стихии. Семантика движения рождает ассоциативное поле смысловых смещений, преобразований, сказочных превращений, эксплицируемое целым рядом сравнений: перекати-поле напоминает птицу; два перекати-поле вцепились друг в друга, «как на поединке»; стрепет похож «на рыболовную блесну или на прудового мотылька», он, «как насекомое», дрожит в воздухе; коростель, летя за ветром, раздувается до величины курицы. В этом акустически связанном фрагменте текста вся природа приходит в бурное и хаотическое движение, анаграмматически акцентируя внимание на словах *ропот – поединок – переполох*, пунктиром прошивающих контекст.

Фонетически ограненное описание грозы – кульминация темы природы, подготовленная порядком следования пейзажных зарисовок. Они

связаны нарастающим эмоциональным напряжением, которое возникает благодаря подтекстной композиционно-смысловой организации текста. В восьми главах повести таких зарисовок семь (их нет только в главах, целиком посвященных «миру людей»: в третьей, где описана ночь на постоялом дворе, и в последней, действие которой происходит уже в городе). Гроза – это буйство стихийных сил, сочленение трех природных начал: воздуха (ветра), воды и огня, которые освобождают четвертое – землю от гнета зноя и тоски. Стихии торжествуют. Их необузданность и мощь вызывают интуитивный страх, ужас (при описании грозы шесть раз употреблены слова с корнем *страх*) и поэтому представляются зловещими и колдовскими. Ощущение страха и беспомощности перед силами природы рождается многочисленными звукоподражательными повторами дрожащего [р], сопровождающими описание грозы. Сначала гром *ворчит явственно и не глухо*, позже – *сердито*, потом над самой головой Егорушки «с с***тр***ашным, оглушительным ***тр***еском ***р***азломалось небо; он нагнулся и п***р***итаил дыхание, ожидая, когда на его затылок и спину посыпятся обломки» [6; 86]. «***Тр***ах! ***т***ах! ***т***ах!» – понеслось над его головой, упало под воз и ***р***азо***р***валось – «***Ррр***а!» [6; 87]. В сознании мальчика, испугавшегося страшных раскатов грома и ослепительного блеска молнии, интуитивно родился образ ожившей природы – «громадные великаны», тавтологически подчеркивающие степень ужаса Егорушки. Он настолько верит в то, что природа под воздействием стихий оживает, что воспринимает удары грома как ответ на свой крик: «Егорушка быстро обернулся вперед и, дрожа всем телом, закричал: “Пантелей! Дед!” “***Тр***ах! ***т***ах! ***т***ах!” – ответило ему небо» [6; 87]. Болезнь Егорушки после пережитой в степи грозы можно объяснить не только тем, что он промок и простудился, но и сильнейшим психологическим стрессом, чувством незащищенности перед величием и мощью природы. Это чувство стало для него критической точкой всей гаммы эмоционального восприятия степи по ходу движения обоза, а для читателя – подтекстной проекцией в идеосферу повести.

Величественность и стихийная мощь природы оттеняют имплицитную ноту лирического юмора – звукового оформления тех фрагментов текста, в которых речь идет о мире людей и где фоника передает какофонический характер звуков, сопровождающих путешествие по бескрайной степи. Например, в самом начале повести контраст звукоподражательного [р] и «гладкость» фонетического облика лексемы *покатила* создают ощущение несоответствия описываемого события и нарративного рассказа о нем. Этот лексико-фонетический оксюморон становится еще более очевидным при ретроспективном взгляде, после знакомства с картиной бушующей стихии. Масштабы степной грозы и дребезжащих по дороге старой брички и привязанного к ней пустого ведра, безусловно, несопоставимы: «Из N., уездного го***р***ода Z-ой губе***р***нии, ***р***анним июльским ут***р***ом выехала и *с г**р**омом покатила* по почтовому т***р***акту без***р***ессорная, ошарпанная б***р***ичка, одна из тех допотопных б***р***ичек, на кото***р***ых ездят теперь на ***Р***уси только купеческие п***р***иказчики, гу***р***товщики и небогатые священники. Она *та**р**ахтела и взвизгивала* при малейшем движении; ей *уг**р**юмо* вто***р***ило вед***р***о, п***р***ивязанное к ее задку, – и по одним этим звукам да по жалким кожаным т***р***япочкам, болтавшимся на ее облезлом теле, можно было судить о ее ветхости и готовности идти на слом» [6; 13].

Практически полное отсутствие выразительных средств фоники в тех фрагментах текста, которые посвящены описанию бытовых сцен, эстетически значимо. Люди, окружающие Егорушку, живут трудной, эмоционально скудной жизнью. Это лишает их внутреннего зрения и слуха. Люди не видят и красоты степи, не прислушиваются к ее убаюкивающим и устрашающим звукам, но при этом нельзя сказать, что они не способны к восприятию гармонии окружающего мира. Так, возчик Вася поражает остротой зрения и может наблюдать за жизнью степных обитателей издалека, любуясь ими. Дениска вместе с Егорушкой гладит кузнечика по широкой зеленой спине, «думая, что это приятно кузнечику».

Эмотивный подтекст на протяжении всей повести координирует смысловые отношения между двумя сюжетными линиями: миром природы и миром человека. Мир природы в повести одухотворен, изменчив, полон жизненных сил, величия, красоты и гармонии. Степь как символ Родины, не понятой и не воспетой, вырастает из эмоционально-смысловых пересечений двух сюжетных линий. Эти пересечения, основанные на опосредованно вербальных проекциях двунаправленного характера, дают о себе знать в фонике. Проанализируем ассоциативно-смысловые приращения на уровне взаимодействия двух сюжетных линий.

Границы мира природы и мира человека в повести не прочерчены сплошной линией. Они активно взаимодействуют, проникают друг в друга. Это проявляется в образных параллелях: тягучая, заунывная песня женщины-степнячки кажется Егорушке песней травы, обездоленной степи. «И эта степная жалоба, – пишет Г. П. Бердников, – оказывается аллегорическим выражением народного горя и страдания» [1; 100].

Высоко поэтичен образ одинокого тополя, в акустической инструментовке которого через анаграмматический повтор лабиализованных гласных воссоздается фонообраз тематического слова *одиночество*, которое раскрывает свою эстетическую значимость подтекстно, через процесс своей артикуляции-проговаривания в процессе чтения и ассоциативно-эмоциональные перекличкн с фонообразами поющей травы и завывающего ветра: «А в***о***т на х***о***лме п***о***казывается ***о***дин***о***кий т***о***п***о***ль; кт***о*** ег***о*** п***о***садил и зачем ***о***н здесь – б***о***г ег***о*** знает. ***О***т ег***о*** стр***о***йн***о***й фиг***у***ры и зел***ё***н***о***й ***о***дежды тр***у***дн***о*** ***о***т***о***рвать глаза. Счастлив ли

эт***о***т красавец? Лет***о***м зн***о***й, зим***о***й ст***у***жа и метели, ***о***сень***ю*** страшные н***о***чи, к***о***гда видишь т***о***лк***о*** тьм***у*** и не слышишь ничег***о***, кр***о***ме беспу***т***н***о***г***о***, сердит***о*** в***ою***щего ветра, а главн***о***е – вс***ю*** жизнь ***о***дин, ***о***дин…» [6; 17].

«Однако в чеховской повести, – справедливо замечает И. Н. Сухих, – нет символического уподобления человека и природы (в одном из писем Чехов с иронией говорит о “пантеизме”, который обнаружил в повести какой-то критик). Важны в данном случае ряды метафорических соответствий; они принадлежат повествователю и подчеркивают внутреннее, глубинное родство человека и мира» [5; 77]. Изобилие и разнообразие звуков живой степи контрастно проявляют по большей части невыразительную, обрывочную, иногда откровенно примитивную речь людей, особенно тогда, когда это подчеркивается звукоподражательными средствами. Мойсей Мойсеич говорит вполголоса, низким баском, и его речь походит на непрерывное «*гал-гал-гал-гал…*». Его жена отвечает ему тонким индюшечьим голоском «*ту-ту-ту-ту*» [6; 39]. Отец Христофор сердится, что Соломон не прислушивается к его наставлениям: «Я тебе по-стариковски, потихоньку, а ты, как индюк: *бла-бла-бла*! Чудак, право…» [6; 40]. Скучны своей хрестоматийностью назидательные речи о. Христофора, вызывают сострадание всегда заискивающий тон Мойсей Мойсеича и отторжение – слова озлобленного Соломона. Варламов, претендующий на статус владельца степи, немногословен – в коротком эпизоде встречи с ним произносит всего три фразы, и выясняется, что он картавит. Дядька Егорушки – Кузьмичов всегда говорит только о деле, сухо и беспристрастно.

Голоса людей часто оказываются негармоничными, резкими. Емельян *гудит себе под нос*, говорит «*сиплым, придушенным голосом*» или *беззвучно* поет, Дымов и чернобородый все время раздражающе *громко* смеются, Вася заливается «*глупым, басовым смехом*», торговка кричит «*пронзительным тонким* голосом», такой же неприятный голос и у Настасьи Петровны, у которой будет жить Егорушка.

В этом контексте символическую значимость приобретает безнадежный призыв степи: «Певца, певца!», среди человеческих голосов нет такого, который был бы способен воспеть гибнущую даром красоту Родины. За разными характерами и разными судьбами героев возникает единый образ человека, не стремящегося увидеть безграничную ширь и величие Родины, ее свободу и волю, загадочную мощь. Неожиданный вскрик недалекого Кирюхи совсем не похож на гимн «суровой и прекрасной Родине, хотя и воплощает нерастраченность дремлющих богатырских сил, и стихийность, и удаль, и кровное родство с необъятной и вольной степью, и интуитивное чувство слабости духа, мелкости порыва: «“Наша матушка Расия всему свету га-ла-ва!” – запел вдруг *диким голосом* Кирюха, *поперхнулся и умолк*. Степное эхо подхватило его голос, понесло, и, казалось, по степи на тяжелых колесах покатила *сама глупость*» [6; 78].

В сюжетно-композиционном пространстве «Степи» образ Егорушки – девятилетнего мальчика не ограничивается сугубо стилистической ролью «скрепы» между пейзажными зарисовками, как на то указывал сам А. П. Чехов. Его роль лежит в плоскости широких символических обобщений. К такому заключению приводит фоновый контекст: 80-е годы были эпохой «безвременья», «бесплодности». «А безвременье, – как пишет М. П. Громов в биографической книге о А. П. Чехове, – не история, но скорее исторический пробел, заполненный элегическими сожалениями о прошлом и упованиями на будущее» [4; 177]. Для автора важно, чтобы суровая и прекрасная Родина, представшая перед глазами Егорушки и вызвавшая у него сильнейшее эмоциональное потрясение, осталась в его памяти и сердце, помешала захлопнуться футляру, в котором живут другие герои «Степи».

Такому прочтению во многом способствует эстетика фонических средств описания природы. Музыка степи – это гармония разных аккордов: лирического и пугающе-грозного, удивляющего и стихийно-необузданного. Они сосредоточены в полифоническом звучании фонообразов, которые выступают не как строгая фоническая эквивалентность отрезков текста, а как музыкальная тема, развертывающаяся ономатопоэтическая фигура. Компоненты фигуры характеризуются не полной акустической тождественностью, а варьированием: для гласных – в пределах смежных подъема и ряда или степени лабиализованности, для согласных – в твердости/мягкости, звонкости/глухости, в смежности места образования или сразу по нескольким признакам. Исследование фоники подтекста «Степи» дает возможность глубже осмыслить поэтику чеховского «шедевра», как сам писатель называл свою повесть. Фоника выступает в качестве средства изотопической нерасчлененности истории и нарации: художественный текст осуществляет ту музыкальность, о которой сообщает, и прирастает подтекстовыми смыслами, проявляя языковое мастерство автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердников Г. П. А. П. Чехов: Идейные и творческие искания. Изд. 2-е, доп. Л.: Худож. лит., 1970. 592 с.
2. Берковский Н. Я. Литература и театр. Статьи разных лет. М.: Искусство, 1969. 639 с.
3. Громов М. П. Книга о Чехове. М.: Современник, 1989. 384 с.
4. Громов М. П. Чехов. М.: Молодая гвардия, 1993. 394 с.
5. Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1987. 182 с.
6. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 7. М.: Наука, 1977. 733 с.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Февраль, № 1 **Филология** **2012**

УДК 398.2

СОФЬЯ МИХАЙЛОВНА ЛОЙТЕР
доктор филологических наук, профессор кафедры литературы историко-филологического факультета, Карельская государственная педагогическая академия
sofia5@sampo.ru

ЭКСПЕДИЦИЯ БРАТЬЕВ Б. М. И Ю. М. СОКОЛОВЫХ «ПО СЛЕДАМ РЫБНИКОВА И ГИЛЬФЕРДИНГА» И ЕЕ УЧАСТНИЦА Е. В. РЖАНОВСКАЯ

Статья инициирована выходом в свет «Неизданных материалов экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых “По следам Рыбникова и Гильфердинга”», которые вводят в научный оборот целые пласты текстов и фактов, важных для истории фольклористики. Содержащиеся новые свидетельства о деятельности уже известного по вкладу в фольклористику детства собирателя, учителя-краеведа из Заонежья Е. В. Ржановской позволяют говорить о ней как о «полноценном и активном участнике экспедиции».

Ключевые слова: Русский Север, традиция, эпическая поэзия, вариант, сюжет, собирательство, сказитель

«Золотой век», каким явился для русской фольклористики XIX век, обязан этим названием прежде всего сохранившейся в ее классической форме на Русском Севере былинной традиции и первооткрывателям этой традиции П. Н. Рыбникову и А. Ф. Гильфердингу. Это они нарекли Олонецкую губернию «Исландией русского эпоса».

Изучить состояние эпической поэзии через 60 лет после первооткрывателей, сделать записи и наблюдения над ее жизнью, бытованием и эволюцией в тех местах, где записывали в начале 1860-х годов П. Н. Рыбников и в 1871 году А. Ф. Гильфердинг, – такую задачу поставили перед собой фольклористы Борис Матвеевич (1889–1930) и Юрий Матвеевич (1889–1941) Соколовы, братья-близнецы, занимавшиеся одной областью знания, «наши братья Гримм». Последователи своего учителя, выдающегося фольклориста, главы исторической школы Всеволода Миллера, создатели собственной фольклористической школы, воспитавшие целую плеяду известных учеников, братья Соколовы существовали в науке во многих ипостасях: исследователи, собиратели, текстологи, преподаватели, организаторы науки, издатели, популяризаторы. Их многогранная, подчас противоречивая, не лишенная ошибок и неудач деятельность в фольклористике пришлась на переходные послереволюционные годы и получила глубокое и объективное осмысление в монографии В. А. Бахтиной «Фольклористическая школа братьев Соколовых. Достоинства и превратности научного знания» [1].

Собирательская деятельность братьев Соколовых – особая составляющая в их научном наследии и очень значительная страница в истории русской фольклористики. И это прежде всего благодаря возглавленной ими под патронажем Государственной академии художественных наук (ГАХН) и осуществленной летними месяцами 1926–1928 годов экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга», получившей большой резонанс не только в русской, но и мировой науке.

Нет необходимости называть количество и состав участников экспедиции по годам (а это не только фольклористы, но и этнографы, и музыковеды), места записи с указанием даты: все это подробно описано во Вступлении к книгам, о которых пойдет речь ниже.

Главный итог экспедиции братьев Соколовых, во имя которого она и затевалась, – это записанные 370 былин от 135 сказителей. Для сравнения: П. Н. Рыбников записал 222 былины [16], А. Ф. Гильфердинг – 318 текстов от 71 сказителя [6]. Однако эти количественные показатели никоим образом не означают, что былинная традиция в конце третьего десятилетия XX века была на подъеме.

Основные и непосредственные результаты экспедиции, по замыслу братьев Соколовых, должны были составить отдельное и самостоятельное собрание – «Онежские былины». История этого издания в известной степени драматична (она подробно описана, поэтому назову лишь отдельные факты): в 1930 году умер Б. М. Соколов, в период подготовки издания из-за разного рода реорганизаций менялись места хранения материалов и издательства, работа затягивалась, в 1941 году умер Ю. М. Соколов, к подготовке издания был привлечен его ученик и участник двух экспедиций В. И. Чичеров, который структурно изменил первоначальный замысел составителей. Былины вышли в 1948 году (в серии «Летописи», 13-й том) и были расположены так, как в «Онежских былинах» А. Ф. Гильфердинга [6] – по местам записи, а в них – по сказителям [15].

«Онежские былины» братьев Соколовых включают в себя 280 текстов полноценных сюжетов былин. Со времени своего обнародования они прочно вошли в научный оборот и широко используются в эпосоведении. Однако «Онежские былины» вобрали в себя только часть собранного материала экспедиции, которая не оставляла

© Лойтер С. М., 2012

без внимания знание исполнителями текстов других жанров. К счастью, несмотря на все перипетии, материалы всех трех экспедиций сохранились в главных архивах (ЦГАЛИ / РГАЛИ, Государственный литературный музей) и теперь изданы двумя объемными томами «Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых. 1926–1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга» [13]. Эти два фолианта – результат многолетнего труда известного фольклориста В. А. Бахтиной, целеустремленно и пристально изучающей научное наследие и личности братьев Соколовых. Кроме того, В. А. Бахтина осуществила издание отдельной книгой рукописи Б. М. Соколова «Большой стих о Егории храбром» и предпослала ей свою статью «Борис Соколов и его неизвестный труд о русском духовном стихе» [19], подготовила и прокомментировала огромный эпистолярий братьев Соколовых, относящийся к 1919–1924 годам [5], [7].

Трудности текстологического свойства при подготовке двухтомника состояли в том, что каждый текст (и это отражают отдельные комментарии непосредственно после него и комментарии ко всему корпусу текстов) воссоздавался В. А. Бахтиной на основе нескольких полевых тетрадей. Текст – это «сводка», составленная из тетрадей нескольких собирателей, каждый из которых записывал оговоренную заранее свою часть (начало, после цезуры, конец стиха).

Материалы экспедиции представлены в двухтомнике по жанрам, а внутри жанров – тематически. Первый том начинается с приоритетного жанра – былин, собирание и изучение которых было главной задачей участников экспедиции. Это 11 ранее неопубликованных текстов, которые несут на себе явные признаки разрушения и деградации. Тем не менее они важны для изучения эпической традиции либо как повторные записи (например, два варианта разных лет сюжета «Чурила и Катерина» от Г. А. Якушова), либо как факты былого бытования отдельных сюжетов («Ставр Годинович», «Дюк Степанович», «Дунай» и др.). Не меньшее значение, чем опубликованные тексты из «Онежских былин» и первого тома «Неизданных материалов…», имеют комментарии к ним, где содержатся: общее описание сюжета, степень его распространенности на Русском Севере, особенности северных вариантов, сведения об имеющихся публикациях данного сюжета, начиная со сборников Кирши Данилова, Рыбникова, Гильфердинга, Григорьева и др. Несомненную ценность для изучения эпической традиции представляют публикации: Нотировки тверского музыковеда С. М. Любского в первом (и втором) томе; Тексты, не подлежащие восстановлению, Приложения, включающие письма из экспедиции (Б. М., Ю. М. Соколовых и В. И. Чичерова), статья С. П. Бородина-Саргиджана «Былинные края», отзыв П. Г. Богатырева на «Онежские былины» Соколовых; письма сказителей, сведения о них, статьи разных участников экспедиции; отчеты и доклады руководителей о результатах экспедиции, замечания о записанных текстах, переписка участников экспедиции.

Сейчас все эти материалы в совокупности с «Онежскими былинами» – бесценные свидетельства бытования былины на Русском Севере в новых исторических условиях. Бесценные потому, что среди записей встречаются тексты прекрасной сохранности сюжета и былинной поэтики, тексты «классической гильфердинговской эпохи»; что они содержат тексты, записанные впервые, и тем самым дополняют репертуар, известный Рыбникову и Гильфердингу; что предлагаемые повторные записи важны для конкретных заключений о роли личности сказителя, о технике и манере былинного исполнителя, об особых стилях и «школах» сказителей. Это касается прежде всего текстов незаурядных сказителей, среди которых такие «классики былинного исполнительства», как Ф. А. Конашков и Г. А. Якушов. Выявляя механизм передачи былин, Соколовы стремились воссоздать генеалогию исполнительства. Так, на вопросы: У кого учился? От кого перенял? Конашков отвечал: «…старины в нашей семье поют лет триста, пожалуй, со времен Ивана Грозного», а своими непосредственными учителями назвал деда и дядю. Учителем Якушова, кого братья Соколовы сочли «одним из лучших сказителей былин, которых когда-либо знала Россия» (от него записано 37 былин, более 1000 стихов), оказался записанный Гильфердингом дядя по материнской линии П. Т. Антонов. Он в свою очередь услышал былины от своего 100-летнего деда и соседа-сказителя Никифора Прохорова, по прозвищу Утка, которого записывал еще Рыбников, а затем и Гильфердинг. Как выяснилось, интерес собирателей к проблеме преемственности сыграл свою роль в культивировании былин и поддержке их исполнительства.

Тем не менее братья Соколовы констатируют объективную закономерность угасания, а не развития былинной традиции. Это закат былины как искусства в новых условиях. «Жанр былины выигрывает в своем распространении, но проигрывает в воспроизводстве и жизненной силе» [13; Т. 2, 402]. «…Носители былин крестьяне-сказители уже утратили к ней вкус и интерес, былинный репертуар количественно у каждого сказителя мельчает, истинных мастеров пения остается сейчас все меньше и принадлежат они почти все к глубоким старикам; чрезвычайно заметно падает интерес к мужской героическо-богатырской былине; особенный интерес вызывает так называемая былина-новелла романического содержания, былина эта главным образом входит в репертуар женщин, все ближе примыкает к лирико-бытовой песне и постепенно утрачива-

ет свою специфичность как строгого песенного эпического жанра» [13; Т. 2, 485].

Наблюдая эту тенденцию, обнаруживая в бытовании очевидную «перекличку» жанров, братья Соколовы определили духовные стихи предметом целенаправленного интереса и собирания. В сознании исполнителей духовные стихи соседствовали с былинами, с которыми их объединяют однотипные поэтические образы, приемы и принципы организации текста, общая «кладовая» отработанных традицией приемов. В письме брату Ю. М. Соколов писал: «Мне совершенно ясно, что необходимо былинный репертуар записывать с репертуаром стихов: много благодаря этому выяснится и в тематике, и в стилистике» [13; Т. 1, 562]. Духовные стихи – самая репрезентативная публикация первого тома «Неизданных материалов…» (№ 12–132). Хорошо сохранившиеся тексты духовных стихов, которые по идеологическим причинам не могли быть напечатаны в издании 1948 года, особенно важны и потому, что доносят до нас уже утраченную традицию, и потому, что свидетельствуют о бытовании жанра и отдельных его сюжетов. Наиболее популярными на Севере оказались сюжеты: «Егорий Храбрый» (25 вариантов), «Алексей, человек божий» (11 вариантов), «Голубиная книга» (5 вариантов), есть единичные и редкие сюжеты: «Иоасафий царевич», «Сон Богородицы», «Иосиф Прекрасный», «Вознесение» и др. Тексты духовных стихов и обстоятельный комментарий к ним – своеобразное микроисследование в составе «Неизданных материалов…».

Отдельную и большую группу текстов первого тома «Неизданных материалов…» составляют баллады, которые исполнителями причислялись к старинам. Их вариативность – наглядное свидетельство распространенности жанра и отдельных его сюжетов (так, в 32 вариантах записана баллада «Василий и Софья»). Напротив, записи «Исторических и солдатских песен» немногочисленны и сделаны как «спутники» старин, дополняющих эпическую традицию.

Второй том «Неизданных материалов…» составляют жанры, собирание которых не определялось задачами экспедиции, их записывали «попутно», по предложению самих исполнителей. К ним относятся редкие варианты народной драмы «Царь Максимилиан».

Среди записей текстов, относящихся к севернорусскому свадебному обряду, особое внимание обращают на себя приговоры свадебных дружек, которые можно назвать уникальными, потому что была упущена возможность их целенаправленной фиксации. Эти яркие, значительные по объему тексты (более 1000 стихов) принадлежат одному исполнителю, прославленному в округе «вершнику», свадебному дружке Михаилу Кириковичу Рябинину, потомку великих сказителей Рябининых. Тексты М. К. Рябинина – это особый пласт смеховой культуры, особая традиция балагурства, занимающая определенное место среди форм народного ритуального смеха [2; 3–5].

Поскольку записи свадебного обряда и его поэзии не входили в задачи экспедиции ГАХН, их систематизацию и комментирование осуществила составитель издания, ориентируясь на современные исследования. Так, «Бесёдные игры и песни» расположены в той последовательности, в какой реконструировала заонежскую бесёду Р. Б. Калашникова, предложившая считать песню-игру «Перепёлка», многократно записанную в Кижской волости, началом сватовства [8]. Редчайший текст – записанная от 78-летней М. С. Ковиной в Кижах длинная бесёдная песня «Селезень» (120 стихов), до того известная всего двумя вариантами – из собрания А. И. Соболевского и «Песен Печоры» [13; Т. 2, 164, 427]. В 1980-е годы мне довелось неоднократно слушать и записывать в Петрозаводске почти идентичный вариант этой кумулятивной игровой песни от сказительниц матери и дочери К. И. и А. В. Лыжиных.

Немногочисленны тексты из предложенных самими исполнителями жанров – «Похоронная причеть», «Заговоры», «Песни любовные и семейные», «Частушки», «Детский фольклор», «Сказки и несказочная проза».

Необычный для подобных изданий раздел «Творчество крестьян» объединяет разнородные «продукты» индивидуального творчества, которые не обошли своим вниманием собиратели. Среди них преобладающее место занимают самодеятельные стихи и пьеса М. К. Рябинина. Такие формы индивидуального сочинительства относятся к пласту текстов, определенных С. Ю. Неклюдовым термином «наивная словесность», предметное поле которых составляют «авторские устные и малограмотные письменные тексты» [14; 4–14]. В этом ряду наивного дискурса можно рассматривать и письма сказителей, среди которых больше всего писем Ф. А. Конашкова и П. И. Рябинина-Андреева. Они интересны не только содержащимися в них фактами биографического, творческого, языкового свойства, но и тем, что передают самоощущение сказителей, ставших объектом внимания властей, превращавших фольклор в инструмент государственной политики. Так, Ф. А. Конашков, уже познавший вкус известности и славы, просит Б. М. Соколова: «Очень было бы показательно, если бы Вы послали за мной аероплан – для старика бы было очень хорошо и показательно среди темной массы» [13; Т. 2, 322]. Письма известных, обласканных властью сказителей отражают и те негативные процессы, результатом которых явилось сочинение фальсификаций, именуемых «новинами». А. Т. Конашкова (родственница Ф. А. Конашкова), П. И. Рябинин-Андреев сообщают Соколовым о создании былин о Сталине и Ворошилове [13; Т. 2, 329],

восстании в Кижах и стихотворения о пограничниках [13; Т. 2, 335].

Важные факты научного значения в материалах второго тома – «Сведения о сказителях», «Этнографические описания», три Приложения, включающие и статьи руководителей экспедиции, и переписку ее участников, и разного рода заметки, и описи полевых тетрадей экспедиции, словарь местной и старинной лексики, указатели исполнителей, мест записи. Они интересны не только тем, что рассказывают об утраченном, но и тем, что открывают для исследователей перспективы изучения проблем, касающихся механизма передачи и бытования отдельных жанров, существования стабильных структур, преемственности в фольклоре. Так, в пудожских записях много раз упоминается Шальский куст и деревня Семеново, из которой родом два незаурядных сказителя – Конашков и Якушов. Спустя более 40 лет, в 1971–1973 годах, руководимая мною фольклорная студенческая экспедиция работала в деревне Семеново и ближайших к ней деревнях на другом берегу Водлы. Не записав ни одной даже разрушенной былины, мы были щедро вознаграждены записями всех разновидностей причитаний и множества присловий от Татьяны Ивановны Плешковой, унаследовавшей от своего родственника М. К. Рябинина склонность к говорному, раешному стиху. Много текстов, относящихся к свадебному обряду, лирических песен, сказок, паремий записаны нами от хранительниц большого репертуара А. Н. Якушовой, от П. М. Шалиной (в девичестве Якушовой), П. М. Семкиной, М. Д. Дорохиной, вероятных потомков сказителей из «Неизданных материалов…» [11]; [13; Т. 2, 186, 195–196, 204].

С выходом «Неизданных материалов…» мы в полной мере оценили роль, которую сыграла в экспедиции ее неофициальный, но непосредственный участник – учительница из Сенной Губы Елизавета Васильевна Ржановская. Эта неординарная личность уже вошла в науку о фольклоре [12]. Изучая в конце 1980-х годов в архиве Карельского научного центра для готовящегося сборника «Русский детский фольклор Карелии» (Петрозаводск, 1991) самую многочисленную и единственную в своем роде коллекцию, скупо означенную рукой собирателя «Детский фольклор. Собран Е. В. Ржановской. 1927–1934. Заонежский район», я пыталась понять, как попала коллекция в архив, кто такая Е. В. Ржановская. Не задуматься над этим было невозможно: уж очень необычный, без преувеличения уникальный материал оказался в поле моего зрения. Было очевидно, что коллекция создавалась не от случая к случаю, а на протяжении длительного времени, продуманно, с серьезной предварительной подготовкой. Впечатляла сама организация материала: тексты были распределены по разделам, которые с незначительными коррективами давали (уже тогда) их жанровую и этнографическую характеристику. Внутри разделов – пометы собирателя, под каждым текстом значится год и место записи. Это населенные пункты: Комлево, Пургино, Мягкая Сельга, Кресты, Шоглово, Марковщина, Терехово, Космозеро, Селецкое, Середка, Сенная Губа, Воробьи, Кузнецы, Корба, Кузаранда, Типиницы, Пяльма. В последних административно-территориальных справочниках Республики Карелии многих из этих населенных пунктов уже нет, они исчезли как «неперспективные» деревни, в которых закрылись школы. Тем ощутимее сегодня ценность опубликованной коллекции [9], донесшей до нас детский фольклор в его живом и полнокровном бытовании там, где теперь его невозможно записать.

Ответу на вопрос, кто стоял за этой коллекцией, предшествовали многолетние и длительные разыскания, работа в архивах Петрозаводска, Москвы, переписка с архивами и музеями, фольклористами, родственниками, коллегами, учениками Е. В. Ржановской, личные встречи. Накопился огромный разноплановый материал, который включает в себя и найденный мною дневник Е. В. Ржановской, и ее литературные опусы [10].

Елизавета Васильевна – одна из 12 детей священника Сенногубского прихода Василия Стефановича Ржановского, человека образованного и неординарного. Заведующий рукописным отделом Библиотеки Академии наук В. И. Срезневский в своем описании поездки в Олонецкую губернию в июне 1913 года называет В. С. Ржановского среди владельцев рукописей и книг, передавших в дар библиотеке «Сборную рукопись из 13 рукописей XVII–XVIII вв.», где коллекция получила позицию 258 (об этом сообщил мне профессор А. В. Пигин, за что выражаю ему свою благодарность). О том, что В. С. Ржановский ценил и глубоко знал фольклор Заонежья, свидетельствует следующий факт: когда экспедиция Соколовых прибыла в Сенную Губу, первым, кого по рекомендации местного собирателя В. Д. Лысанова посетил Юрий Матвеевич, был В. С. Ржановский, который стал неизменным консультантом и советчиком собирателей. Об этом говорят, в частности, записи из дневника Ю. М. Соколова: «О. Василий – очаровательный 74-летний старик. Помнит Рябининых обоих, Щеголенкова, Романова, самого Гильфердинга, Истомина и Дютша. Называет их классиками. Теперешних исполнителей: Сурикова (с. Конды) и Ивана Герасимовича Рябинина (покойного), пасынка Ивана Трофимовича и его сына из Гарниц хвалит, но все же считает их далекими в мастерстве от “классиков”, хотя и признает, что у Ивана Герасимовича есть немало черт, унаследованных от И. Т. Рябинина. О. Василий называет Щеголенка “поэтом”. < …> Прав о. Василий, противопоставляя теперешним певцам старых прежних “классиков” – Рябинина, Щеголенка, Романова»

[13; Т. 2, 533–534]. «13 днем мы отправились с двумя дочерьми о. Василия – Елизаветой Вас. и Параскевой Вас., а также Василием Васильевичем на остров Радкольский, где много камней. Там стоит большой камень, которому в молодость о. Василия поклонялись, а до сих пор в воскресенье перед Петровым днем приезжают гулять на остров» [13; Т. 2, 541–542]. «20/VII. О. Василий помнит, как в его детстве на Кижском погосте церковная молодежь (семинаристы-бурсаки) разыгрывали “Царя Максимилиана”. Вообще “Царь Максимилиан” был распространен больше в духовной среде, чем крестьянской. <…> 3/VIII. Вечером мы были с прощальным визитом у о. Василия» [13; Т. 2, 555].

Несомненно, знанием, служением делу, образованностью, интересом к миру В. С. Ржановский оказывал огромное влияние на своих детей и, в частности, на Елизавету Васильевну, которая унаследовала от отца интерес к фольклору. Как явствует из ее письма в этнографо-лингвистическую секцию Карельского научно-исследовательского института от 18 августа 1934 года, собиранием фольклора Е. В. Ржановская занималась примерно с 1918 года, то есть задолго до экспедиции ГАХН (письмо хранится в Архиве КарНЦ. Оп. 1. Ф. 1. Колл. 67. Ед. хр. 1). Рассказывая в своем дневнике об одной из первых встреч 1926 года с Е. В. Ржановской, Ю. М. Соколов пишет: «Елизавета Васильевна отдала мне тетрадь с записанными ею причитаниями» от тетки, сестры о. Василия [13; Т. 2, 542]. Затем последовали другие тетради. Во втором томе «Неизданных материалов…» раздел «Свадебный фольклор. Поэзия свадебного обряда», который экспедицией Соколовых практически не записывался, в преобладающем большинстве состоит из записей Е. В. Ржановской: это № 5–10 (причеть на сватовстве), свадебные песни на сватовстве: «Не яхонтик по горенке катался» (№ 12), «Я не знала, я не ведала» (№ 13), «Пивна ягода по сахару плыла» (№ 14), «На кровати тесовой, тесовой» (№ 15), «Как назябло, навеяло лицо» (№ 19), «Много, много у сыра дуба» (№ 20); песни предсвадебной недели: «Как-то сегодня не то пеке красно солнышко» (№ 21), «На проходе-то все у нас веселы» (№ 22), «Полетает мой ли соколик высоко, высоко ли, далеко ли?» (№ 23), «Волюшка вольная была беззаботная, нам, девкам, житье…» (№ 24); песни свадебного дня: «Ты вставай, моя голубушка» (№ 33), «Как не утушка с тепла гнезда слетает» (№ 34), «Мне-ка сметь ли, красной девушки» (№ 35) – песня, до того известная в одном варианте, «Где-то есть моя родитель, мила маменька» (№ 38), «С терема на терем Марьюшка шла» (№ 45), «Во саду была, во садику» (№ 46), «Ай, не соболь ли по улице похаживает» (№ 47), «Во Китай, во крепком городе» (№ 48), «Жарко, жарко во тереме» (№ 53), «Не трубенька трубила рано поутру» (№ 54).

Большую часть раздела «Бесёдные игры и песни», собирание которых также не входило в задачи экспедиции, составляют записи из отдельной тетради Е. В. Ржановской: № 64 – игра «Перепелка», № 65–74 – игра «Вьюн», № 375–376 – игра «Девицы пива наварили», № 77 – игра «Я поеду в Нову-Ладогу гуляти», № 78 – игра «Заинька», № 79 – игра «Воробей», № 80–81 – танец «Шестерка», № 85–100 – разные песни, составляющие отдельную тетрадку.

Знакомство и общение с Ю. М. Соколовым, подарившим при первых встречах Елизавете Васильевне книгу «Поэзия деревни», в которой братья возлагали большие надежды «на деревенскую интеллигенцию, местных краеведов» и особенно на учителей, которые, как считали они, «больше всего могут дать фольклористам», нашли незамедлительный отклик и готовность к соучастию и сотрудничеству. Об этом свидетельствовали уже «Онежские былины: Летописи», где в разделе «Кижи. П. Н. Филиппова» под номерами 119–121 помещены тексты «Старина про Владимира Красно-Солнышко», «Старина про Добрынюшку (Добрыня и Алеша Попович)», «Иван Грозный и сын», а в Примечаниях названы еще четыре эпические песни, записанные Е. В. Ржановской. В первом томе «Неизданных материалов…» эти четыре текста «Казань-город» (№ 134), «Песня про государя» на сюжет «Платов» (№ 144), «Смерть Александра I» (№ 146), записанные Е. В. Ржановской, опубликованы в разделе «Исторические и солдатские песни».

П. Н. Филиппову записывали такие выдающиеся фольклористы, как А. А. Шахматов (былину «Дунай»), А. М. Астахова (две былины и стих о Егории) и А. И. Никифоров (пять сказок). Однако Е. В. Ржановской, хорошо знавшей психологические особенности исполнительницы, по словам А. М. Астаховой, «недоверчивой и суровой старухи» [4; 385–386], удалось сделать и повторные, и целый ряд новых записей, которые не сделали профессиональные собиратели. В первом томе в разделе «Духовные стихи» помещены записанные Ржановской от Филипповой «Стих про Елисафию» (№ 47), «Сти́ха про Лазыря» (№ 73), «Сти́ха про жону милосерну» (№ 106); в разделе «Баллады» – «Сти́ха про вдовицу» (№ 162) и текст на сюжет «Насильственное пострижение» (№ 244), а во втором томе в разделе «Песни любовные и семейные» – «досюльная» песня «На печки сижу, заплатки плачу» (№ 115), в разделе «Сказки и несказочная проза» – «Про Нестерку» на сюжет «Золотое стремячко» (СУС 790*=АА*847=К790) и «Сказка» на сюжет «Купеческая дочь и дворник» (СУС 992*=АА*992). Теперь все записанное от Филипповой позволило В. А. Бахтиной посвятить ее репертуару отдельную работу и сделать важные наблюдения и выводы, касающиеся региональной кижско-пудожской традиции, ее фоль-

клорной стереотипии и индивидуально-творческим модификациям [3].

К 1927 году относится начало собирательской деятельности Ржановской в области детского фольклора. Полагаю, что один из непосредственных импульсов этой работы связан опять же с подаренной Ю. М. Соколовым, о чем он сам упоминает в дневнике [13; Т. 2, 542], книгой «Поэзия деревни», где есть такие слова: «Народный учитель имеет всегда перед глазами богатый этнографический материал в лице учеников своей школы» [20; 28]. О других обстоятельствах, побудивших Ржановскую к собиранию детского фольклора, я уже писала. Опубликованная коллекция [9], широко и многопланово представляющая детскую традицию Заонежья первой трети XX века с еще сохранившейся подлинной живой речью, этнографической основой, особым (с приметами места и времени) детским речетворчеством, – уже признанный вклад Е. В. Ржановской в фольклористику детства.

К этому добавлю найденную мною в процессе разысканий, уже опубликованную и переданную в архив Карельского научного центра рукопись Е. В. Ржановской «Пословицы и поговорки Заонежья» [17].

Все это, как и «Неизданные материалы…», позволяет в полной мере представить масштаб и уровень проделанной Е. В. Ржановской работы и говорить о ней не только как о незаурядном краеведе-собирателе, но и полноправном и непременном участнике экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга».

Значение вышедшего двухтомника может быть до конца осознано в свете тех задач, которые стоят перед фольклористикой в связи с созданием Сводов разных жанров русского фольклора, ее истории, воссоздаваемой на основании новых источниковедческих материалов, неопубликованных, хранящихся в архивах, не доведенных до конца. А это целый этап развития науки и творческая судьба ученых, в нашем случае участников экспедиции и ее руководителей – братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых. Опубликованные материалы – это и исключительный опыт, и исключительный образец собирательской практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтина В. А. Фольклористическая школа братьев Соколовых. Достоинства и превратности научного знания. М., 2000.
2. Бахтина В. А. М. К. Рябинин – свадебный дружка // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения – 2003». Петрозаводск, 2003. С. 3–5.
3. Бахтина В. А. Репертуар кижской сказительницы Пелагеи Филипповой // Рябининские чтения – 2011: Материалы VI науч. конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 217–220.
4. Былины Севера: Прионежье. Пинега. Поморье / Записи, вступ. ст. и коммент. А. М. Астаховой. Т. 2. М.; Л., 1951.
5. «Верю, мы для России пригодились»: переписка Б. М. и Ю. М. Соколовых (1921–1923) // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. С. 9–216 (Институт русской литературы. Пушкинский Дом).
6. Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. Изд. IV. М.; Л., 1951. Т. 1–3.
7. Из далеких двадцатых годов двадцатого века (Исповедальная переписка фольклористов Б. М. и Ю. М. Соколовых) / Подгот. текстов, вступ. ст., коммент. и указатели В. А. Бахтиной. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 816 с.
8. Калашникова Р. Б. Бесёды и бесёдные песни Заонежья второй половины XIX века. Петрозаводск, 1999.
9. Коллекция Е. В. Ржановской // Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология: исследование и тексты. Петрозаводск, 2001. С. 207–280.
10. Лойтер С. М. Носители фольклорных традиций (Пудожский район) // Кижский вестник. Вып. 10. Петрозаводск, 2005. С. 179–207.
11. Лойтер С. М. Е. В. Ржановская // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. Пробный выпуск / Отв. ред. Т. Г. Иванова, А. Л. Топорков. М., 2010. С. 199–200.
12. Лойтер С. М. Учитель из Заонежья (Елизавета Васильевна Ржановская) // Север. 1996. № 7. С. 137–150.
13. Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых. 1926–1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга: В 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста, науч. коммент., справ. аппарат В. А. Бахтиной; Отв. ред. В. М. Гацак; Подгот. к печати нотировок Т. С. Шенталинской; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. М.: Наука, 2007.
Т. 1: Эпическая поэзия. 2007. 629 с.; Т. 2: Народная драма. Свадебная поэзия. Необрядовая лирика. Частушки. Сказки и несказочная проза. Творчество крестьян. М., 2011. 768 с.
14. Неклюдов С. Ю. От составителя // «Наивная литература»: исследования и тексты / Сост. С. Ю. Неклюдов. М., 2001. С. 4–14.
15. Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова; Подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В. И. Чичерова. М., 1948.
16. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3 т. / Изд. подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. Петрозаводск, 1989–1991.
17. Пословицы и поговорки Заонежья (собрание Е. В. Ржановской) / Публ. С. М. Лойтер // Кижский вестник. № 6: Сб. ст. Петрозаводск, 2001. С. 112–135.
18. Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961.
19. Соколов Б. М. Большой стих о Егории Храбром: исследования и материалы. М.: Наследие, 1995.
20. Соколовы Б. и Ю. Поэзия деревни: Руководство для собирания произведений устной словесности. М., 1926.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Февраль, № 1 **Филология** **2012**

УДК 821.161.1

ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
medea@psu.karelia.ru

ПУШКИН КАК СОЗДАТЕЛЬ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье предпринимается попытка конкретизировать известную формулу Герцена о Пушкине как русском ответе на императорский призыв «образоваться» и уточнить представления о нем как о поэте, романтике и классике.

Ключевые слова: русская литература, Пушкин, родоначальник национальной классической литературы

В появлении Пушкина в качестве создателя национально-европейской литературы справедливо видят историческую закономерность – творческий ответ нации на европейские реформы Петра. Известна часто повторяемая герценовская формула: «На призыв Петра Великого образоваться Россия через 100 лет ответила колоссальным явлением Пушкина» [15; 455]. В самом общем смысле она верна, но современное изучение проблемы позволяет дифференцировать и уточнить это понимание.

В создании национальной русской культуры следует разграничить два различных, разнонаправленных и разновременных задания. Первое – в связи с реформами Петра – определяет необходимость формирования в России словесности новоевропейского типа с опорой на классическую греко-римскую систему жанров. Этой классицистической литературе предшествовала в Европе средневековая словесность гетерогенного происхождения, частью продолжающая национальный фольклор, частью воспроизводившая латинскую книжную традицию с добавлением христианских жанров и с христианским переосмыслением и трансформацией античных источников. Средневековая русская словесность, включившая, наряду с устной народной поэзией, также и трансплантацию византийской христианско-классической культуры, была точной ей параллелью. Отсюда проистекала необходимость дополнения средневековой культуры новой классической частью по европейскому образцу. В XVIII веке в России по аналогии с западноевропейскими образцами формируется новая русская литература. Она творчески осваивает классические поэтические жанры (эпопеи, дидактической поэмы, трагедии, комедии, оды, идиллии, послания, элегии, басни, эпиграммы) и одновременно широко переводит памятники древней классической литературы. Среди первых русских поэтов классического направления (Кантемир, Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков) наибольшее значение имеет творчество Ломоносова, не только поэта, оставившего образцовые произведения в разных жанрах, но и великого ученого, философа, выдающегося теоретика языка и литературы. Именно он дал первый и основополагающий ответ на «призыв Петра Великого» к России – «образоваться». И он же положил начало новой русской литературе по классическим образцам, как поэзии, так и прозе. Недаром Белинский называл его «Петром Великим русской литературы» [3; 42–43]. Но в истории русской литературы был период, когда литературное творчество Ломоносова вызывало не только восхищение, но и упреки в тяжеловесности языка его прозы и риторичности стиля его поэзии. В книге 1790 года «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев помещает слово о Ломоносове. Не отнимая его права на благодарную память потомков, автор упрекает поэта в том, «что не разумел правил позорищного стихотворения и томился в эпопее, что не всегда проницателен в суждениях и что в самых одах своих вмещал иногда более слов, нежели мыслей» [17; 549–550]. Цитируя это место из книги Радищева, Пушкин поясняет недостатки прозаического языка Ломоносова. Исторически архаический синтаксис его «полуславенской, полулатинской» фразы с глаголом в конце дает его прозе «ход утомительный и тяжелый»[1] (XI, 249). Отмеченный Радищевым и признанный Пушкиным недостаток «чувствительности» в поэзии Ломоносова, «в которой нет ни чувства, ни воображения» (XI, 249), объясняется тем, что поэт не пережил вместе с Европой благодетельной эстетико-философской революции литературы сентиментализма и романтизма, которая поставила рядом с разумным человеком человека чувствующего и мечтающего и даже превознесла его над первым. Но упреки Пушкина поэзии Ломоносова в «отсутствии всякой народности и оригинальности» показывают, что с веянием романтизма наступила новая эпоха, главным требованием которой стало создание русской *национальной* литературы. Нельзя сказать, что требование национальной

© Мальчукова Т. Г., 2012

темы вошло в литературу только в период романтизма. Еще в эпоху Возрождения европейские литературы высшей своей целью полагают создание национального эпоса. Но требование национальности тогда ни в коей мере не было универсальным, всеобъемлющим. Оно ограничивалось национально-историческим сюжетом и героем и отнюдь не исключало, напротив, предполагало использование формы и поэтики классической эпопеи Гомера и Вергилия. Потому и Ломоносов, с детства хорошо знакомый с формами устного народного эпоса, обратившись к созданию поэмы «Петр Великий», ориентировался на классические образцы Гомера, Вергилия и Вольтера и использовал французский эпический александрийский стих. Внося в поэму обязательный для жанра мифолого-фантастический элемент, Ломоносов изображает на Русском Севере чудесный дворец Нептуна. Надо отметить, однако, что, несмотря на некоторые обязательные условности, поэт вводит в сюжет близкую ему биографически северную тему. Рассказывая о походе Петра на север, он описывает северную реку и северное море, летние белые ночи, незаходящее солнце в истине местных красок. Но архаические, мифологические компоненты сюжета естественно препятствовали созданию национального, исторического и природно-географического колорита.

Таким образом, к пушкинскому времени, благодаря творческим инициативам и свершениям русских талантов, были созданы основы новой русской словесности. Вместе с тем была осознана их недостаточность, необходимость их дополнения и завершения. Как думали многие современники Пушкина (Дельвиг, Жуковский, Баратынский, Вяземский, Бестужев, Рылеев), именно он мог исполнить эту сложную задачу. Как мы увидим дальше, предчувствовал это, желал и внутренне был готов к подвигу свершения и сам поэт.

Дополнения к существующей русской словесности предполагались на пути художественно-эстетического освоения ею последних литературных течений европейской словесности (сентиментализма, предромантизма и романтизма), как и произведений, тем, идей новых авторов (Байрона, Гете, Шатобриана, В. Скотта). Великие современники ставили под сомнение упрощенную рационалистическую картину мира, отвергали наивную идею прогресса человечества, говорили о значении иррационального начала, конкретного факта, как и необъяснимых психологических движений души, и, возвращаясь к религиозному учению христианства, о присутствии добра и зла в природе и человеке, создавая в целом более противоречивое и трагическое, но и более верное представление о жизни. Эту задачу русского переосмысления (перевыражения) современной европейской философской и художественной мысли ставили перед Пушкиным его современники.

Что касается создания национальной русской литературы, то оно в связи с вызовом времени понималось как главная задача формирования новой словесности «русского покроя», которой, как писал Вяземский еще в 1823 году, «мы еще не имеем». И этот главный вызов времени тоже стоял перед Пушкиным. Как бы ни были грандиозны обе задачи и какие бы трудности не возникали при их сложении, Пушкину удалось все преодолеть и все совершить. И если искать споспешествующие успеху причины, надо признать, что и время назрело, и почва была вспахана, и сеятель был готов. И это потому, что он не только чувствовал требование времени, но и сознательно ставил перед собой великие цели.

У молодого Пушкина есть одно поэтическое высказывание, открывающее его волю к великому свершению:

Великим быть желаю,
Люблю России честь,
Я много обещаю –
Исполню ли? Бог весть! [13; Т. 1; 302]

Автограф стихотворения не сохранился, принадлежность его Пушкину оспаривалась, в изданиях сочинений поэта оно печаталось в разделе Dubia. Но в последнем академическом издании текст его признан аутентичным. При богатстве и разнообразии рукописных источников прослеживается единая рукописная традиция, которая, по мнению комментатора и редактора тома В. Э. Вацуро, не оставляет никаких сомнений в принадлежности его поэту (I; 781). Стихотворение предположительно датируется сентябрем 1816 – маем 1817 года, то есть написано 16–17-летним поэтом накануне окончания Лицея и вступления в самостоятельную жизнь. Из другого его стихотворения, называемого «Прощание с Лицеем» или «Товарищам», мы знаем, что обычные пути военной или статской службы были для поэта малопривлекательны, хотя, видимо, сердцем он более склонялся к воинскому поприщу, если желанная для него свобода оказалась бы невозможной:

Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в ассесора;
Друзья! Немного снисхожденья –
Оставьте красный мне колпак,
Пока его за прегрешенья
Не променял я на шишак… (I, 199)

Стихотворение «Товарищам», полушутливое, адресованное друзьям, значительно отличается и содержанием, и тоном от приведенного нами выше отрывка «Про себя». Здесь поэт высказывал свои тайные предчувствия, честолюбивые мечты, желание славы, о чем публично говорить было не принято. И все же некоторые точки соприкосновения между двумя стихотворениями

Пушкина о своем будущем можно найти. Если «красный колпак» напоминает о якобинцах, то, возможно, будущее в стихотворении «Товарищам» видится на стезе политического вольнодумства. Подобный смысл можно предполагать и в отрывке «Про себя». Цитируемый отрывок следовал в рукописи за первым четверостишием, в котором поэт сближал себя со своими друзьями Кавериным и Молоствовым, гусарами и вольнодумцами. В этом же духе политической свободы представляется и будущая слава поэта и «честь» России в стихотворении 1818 года «К Чаадаеву»:

И на обломках самовластья
Напишут наши имена! (II, 68)

Но можно понять желанную для поэта свободу и как творческую свободу. Тогда упоминание о «красном колпаке» в стихотворении «Товарищам» объясняется намеком на литературное общество «Арзамас» и предполагает свободную поэтическую деятельность, хорошо согласуясь с присутствующим здесь же характерным для лицейских лет самоопределением поэта: «Счастливой лени верный сын» (I, 199).

Еще лучше согласуется литературная тема с контекстом стихотворения «Про себя», разумеется, если понимать его серьезно, как проговорку гения, когда перо гения мудрее его самого. Речь идет о будущей поэзии, которая доставит великую славу поэту и великую честь России. Фраза «Я много обещаю» двусмысленна, каламбурна, говорится об уже проявленных способностях, написанных стихотворениях, которые внушают надежды на еще более значительные произведения в будущем. Исполнение этих надежд в будущем автор с верным чувством истины оставляет не только на свои способности и труды, но и на «волю Божью». И чудо свершилось. При всей грандиозности замыслов исполнить их удалось благодаря воле и вдохновенному труду поэта и с помощью судьбы и «случая – мощного, мгновенного орудия Провидения» (XI, 125). В то самое время, когда Вяземский с сожалением признавал, что мы еще не имеем «русского покроя» в литературе, и даже сомневался, что он может быть, Пушкин волею судьбы и случая оказался в ссылке в деревне Псковской губернии Михайловское. Прожив там долгие два года в окружении северной природы и сельского люда, деревенских помещиков и крестьян с трудовыми заботами и праздниками, православной верой и обычаями, суевериями, гаданиями, в атмосфере проникающей быт народной культуры, песен и сказок, поэт смог хорошо узнать этот особенный «русский покрой» в жизни и творчестве народа, понять, полюбить его умом и сердцем и воплотить его в собственных поэтических произведениях. В Михайловском были написаны русская трагедия «Борис Годунов», «Песни о Стеньке Разине» в народном духе, деревенские главы «Евгения Онегина» (III–VI), «Зимний вечер» и др. И когда эти произведения были услышаны и прочитаны, тогда стало понятно, что национальная литература в России есть, что она чудо мысли и гармонии и что создатель ее Пушкин. Мы помним, какое потрясение всех чувств произвело чтение Пушкиным своих новых произведений по приезде из Михайловского в Москву, так что и спустя 40 лет один из слушателей М. П. Погодин смог воссоздать в воспоминании впечатление пережитого чуда [10; 95–108]. Он же один из первых определил место Пушкина в истории русской литературы: его сочинениями «начинается новая эпоха в русской литературе: эпоха национальности» [2; 100].

Сложность исполнения поставленных Пушкиным задач создания русской литературы национальной и вместе с тем современно европейской состояла в том, что здесь требовалось примирение разнонаправленных ориентаций, если в географии, то на восток, вернее на северо-восток или на запад и юг, а если в истории быта, то на русское прошлое и европейское настоящее. Если учесть, однако, многоукладность жизни, а, с другой стороны, единство основных религиозно-культурных принципов ее восприятия, сплав классической и христианской традиций в выражении высших религиозно-философских ценностей, в изображении человеческих характеров и освещении их внутреннего душевно-психологического мира, наконец, в отражении мира внешнего, предметного, тогда такое сочетание внешне гетерогенных элементов оказалось возможным, конечно, только при пушкинском уме, допускающем противоречия, и достаточно широких его творческих принципах, чтобы принять, полюбить и показать разное в жизни, ее поэзию и прозу. Типы сочетания разнородных элементов были различны и определялись конкретным материалом. Вот как сочеталось «родное и вселенское» в работе над русской трагедией «Борис Годунов»: «Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении планов, Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени» (XI, 140).

В романе «Арап Петра Великого» соседствуют парижский и петербургский эпизоды, а в изображении Петербурга – сцены новоевропейского и старинного русского быта. Следуя типу байронических поэм, Пушкин находит аналогии их географическим реалиям и этнографической среде на необозримых просторах России (Кавказ, Крым, южные степи Молдавии) и, изображая современного разочарованного героя, не стремится подражать английскому поэту, который «прихотью удачной / Облек в унылый романтизм / И безнадежный эгоизм» (VI, 56) и повторил себя в своих героях. Между тем, как заметил

в свое время еще Жирмунский [7; 199], Пушкин ослабляет «единодержавие» романтического героя, сочувственно изображая в своих поэмах и отличные от него персонажи. Варьирует он и сам тип, снабжая всякий раз его суть новыми акциденциями; его Кавказский пленник, Гирей, Алеко, Онегин весьма различаются между собой конкретными обстоятельствами, национальностью, биографией, судьбой. Отличаются они и от характера их создателя. В случае особенно близкого ему по европейскому воспитанию и петербургской юности Онегина Пушкин специально полушутливо-полусерьезно это оговаривает:

Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной… (VI, 28–29)

И далее использует такой тонкий, оригинальный прием, как постоянное введение образа автора, похожего на разочарованного героя и вместе с тем резко отличающегося от него, поэта, любящего жизнь и людей. На первый взгляд, в образе героя романа «Евгений Онегин» мало национально-русского начала; сам автор сравнивает его с героем-двойником Байрона – Чайльд-Гарольдом: «Как Child-Harold, угрюмый, томный…» (VI, 21). То же и в помещенном в первой главе описании его петербургской жизни. «Я не знаю, – писал в своей статье Д. В. Веневитинов, – что здесь народного, кроме имен петербургских улиц и рестораций. И во Франции и в Англии пробки хлопают в потолок, охотники ездят в театры и на балы» [14; 270]. Молодой автор спорит с Н. А. Полевым, который в описании юности героя увидел и национальное содержание: «Онегин не скопирован с французского или английского; мы видим свое, слышим свои родные поговорки, смотрим на свои причуды, которых все мы не чужды были некогда» [14; 265]. Нам кажется, что в споре о народности скорее прав Полевой и что его рассуждение предвосхищает гораздо более определенное высказывание о народности Гоголя. Кроме того, разве европейский образ жизни не стал частью русского бытия – хотя бы в столицах? И разве в лирических отступлениях поэта русский читатель не почувствует близкого ему образа мыслей и чувств?

Впоследствии о русском содержании в «Евгении Онегине», оригинальном русском жанре, синтезирующем всю европейскую эпическую традицию от «Илиады» Гомера до современной поэмы или романа с разочарованным героем, писали много и многие. По мнению И. Киреевского, образ Онегина – «последняя дань Пушкина британскому поэту, но все неисчислимые красоты поэмы: Ленский, Татьяна, Ольга, Петербург, деревни, сон, зима, письмо и пр., и пр. – суть неотъемлемая собственность нашего поэта… эти следы самобытного созидания в “Цыганах” и “Онегине”, соединенные с известною сценою из “Бориса Годунова”, составляют, не истощая, третий период развития его поэзии, который можно назвать периодом поэзии русско-пушкинской» [1; 45–46].

Великий Достоевский видел национальное содержание и в главном герое романа: как Татьяна – идеал и вместе с тем характерный образ русской женщины с ее чувством долга и самоотверженностью, так и Онегин – характерный тип русского скитальца, оторванный чужеземным воспитанием и западными идеалами от родной почвы [6; 137–143]. Белинский же вообще находил в романе «энциклопедию русской жизни». И это, несмотря на списки иностранных авторов или их героев, которыми то там, то здесь пестрит текст романа. Что же, разве чтение европейских писателей не вошло в обиход европейского сословия в России, не стало частью русской культуры? Некоторые критики оспаривали мнение Белинского: мол, какая же это энциклопедия, если нет изображения крепостного права, как и многого другого. Конечно, определение Белинского не надо понимать буквально, оно метафорично, но если прибавить к нему уточняющий эпитет «поэтическая», то все встанет на места и получит объясняющую силу. Пушкинская «Divina poēma»[2] оказывается национальным осмыслением синтеза разветвленной эпической традиции, начиная с гомеровских эпопей, в которых было впервые осуществлено не только повествование о героическом событии, но и изображение космической жизни в целом и в подробностях предметного мира, так что они были признаны «энциклопедией древности», образцом для будущих произведений национального эпоса. В поэтическом родословии пушкинского романа видное место занимает жанр идиллии, русское перевыражение которого составляло одну из литературных задач того времени. К ее решению приступали по-разному: в переводах из античных авторов, Феокрита и Вергилия, как и из новоевропейских И. П. Гебеля и А. Шенье, в простом подражании пастушеским сюжетам, как В. Панаев, или в оригинальном введении исторической темы, как в русской идиллии Дельвига «Отставной солдат». В своем романе Пушкин тоже дает решение этой задачи и, как представляется нам, самое масштабное и бесспорное [9; 175–268]. Он изображает русскую деревенскую жизнь во все времена года: можно ли принять ее осенние и зимние картины за подражание греческой идиллии, римской эклоге или французской пасторали, а не увидеть в них открытия – изображения русской природы и деревенской жизни? Подобным образом, переосмысляя, применительно к русской природе и климату, трансформирует Пушкин и традиционные топосы античного эпоса и, в частности, изображения утренней и вечерней зари. Своеобразие истолкования этого топоса в «Евгении Онегине»

состоит, по нашим наблюдениям, в стремлении охватить весь круг источников от первого до последнего. К гомеровскому образу «розоперстой Эос» отсылает пародия стиха Ломоносова в пятой главе:

Но вот багряною рукою
Заря от утренних долин
Выводит с солнцем за собою
Веселый праздник имянин (VI, 108).

К последнему – описанию белой петербургской ночи в идиллии Гнедича «Рыбаки» – отсылает читателя Пушкин в специальном примечании первой главы, вводящем большую – в 28 стихов – поясняющую цитату. Сам поэт кратко варьирует описание Гнедича:

Как часто летнею порою,
Когда прозрачно и светло
Ночное небо над Невою,
И вод веселое стекло
Не отражает лик Дианы… (VI, 24)

К описанию белой ночи Пушкин обратится и в последней его петербургской поэме «Медный всадник», отметив особое, невозможное в южных широтах соседство вечерней и утренней зари:

Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса (V, 136).

В этом же направлении конкретизации классического образа идет описание на фоне осеннего, зимнего пейзажа:

Встает заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк;
Его почуя, конь дорожный
Храпит – и путник осторожный
Несется в гору во весь дух;
На утренней заре пастух
Не гонит уж коров из хлева,
И в час полуденный в кружок
Их не зовет его рожок… (VI, 90)

Татьяна (русская душою
Сама не зная почему)
С ее холодною красою
Любила русскую зиму,
На солнце иней в день морозный
И сани, и зарею поздной
Сиянье розовых снегов… (VI, 98)

В окне сквозь мерзлое стекло
Зари багряный луч играет;
Дверь отворилась. Ольга к ней
Авроры северной алей
И легче ласточки влетает[3] (VI, 106).

Наконец, желание поэта нарушить стереотип и обновить традицию проявляется и в стремлении несколько сдвинуть время и изобразить предрассветные часы или вечерние сумерки:

Она любила на балконе
Предупреждать зари восход,
Когда на бледном небосклоне
Звезд исчезает хоровод,
И тихо край земли светлеет,
И вестник утра, ветер веет,
И всходит постепенно день (VI, 44).

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.
Уж расходились хороводы;
Уж за рекой, дымясь, пылал
Огонь рыбачий… (VI, 145)

Но поздно. Ветер встал холодный.
Темно в долине. Роща спит
Над отуманенной рекою.
Луна сокрылась за горою (VI, 147).

Мотивы утренней зари, связанные с зимним пейзажем, появляются и в лирике, современной «Евгению Онегину». В стихотворении «Зимнее утро» находим географически уточненную модификацию образа утренней зари:

Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись! (III, 183)

Здесь же имеется и обновление цветового эпитета утреннего света:

Вся комната янтарным блеском
Озарена (III, 183).

При характеристике световых явлений в русской поэтической традиции эпитет *янтарный* довольно редок. «Словарь эпитетов русского языка» не упоминает его как определение к таким именам, как свет, луч, утро. Называется он только при слове заря [5; 73] в соседстве с другим определением *шафранный*, указывающим на гомеровское происхождение. У Гомера Эос – Ἠώς называется κροκόπεπλος – одетая в платье шафранного цвета, в золотистую ризу: «Ἠώς μὲν κροκόπεπλος ἐκίδνατο πᾶσαν ἐπ᾽ αἶαν» [19] – «В ризе златистой заря простиралась над всею

землею» [4; 104]. Золотистый цвет неба на заре Пушкиным упоминается еще в лицейском стихотворении:

Редеет ночь – заря багряна
Лучами солнца возжена;
Пред ней златится твердь румяна… (I, 26)

Золотистый утренний свет в комнате деревенского бревенчатого дома с затопленной печкой, где поблескивает огонь, сгущается в общий янтарный блеск интерьера. Определение предметно-точное и вместе с тем обращающее к гомеровским истокам поэтической традиции, отразившимся во всех национальных литературах, и в русской тоже[4]. Так, в державинской оде «Возвращение графа Зубова из Персии» рядом с определением зари «златобагряна» находим и другой сложный эпитет – «сизо-янтарна».

Стихотворение «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю» (1829) обнаруживает в первой своей части установку на прозаическую правду повествования. Отсюда и отказ от традиционных поэтизмов. Вместо красочной картины утренней зари поэт дает деловое указание: «при первом свете дня» (III, 181) и кратко упоминает «бледный снег» (III, 181).

Особую страницу поздней пушкинской лирики составляют поэтические фрагменты, где не раз встречаются и новые интерпретации пейзажных мотивов, и среди них образов утренней и вечерней зари. Возьмем, к примеру, такой незаконченный отрывок из Пушкина:

Ночь светла; в небесном поле
Ходит Веспер золотой.
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой (III, 273).

Композиционно текст делится на две части: пейзажную интродукцию и краткое обозначение героев возможного драматического конфликта. Публикатор этого отрывка М. Н. Лонгинов-Полторацкий заметил: «Кажется, это начало стихотворения под заглавием “Марино Фальеро”» [18; 11]. Но, даже если не иметь в виду конкретный трагический сюжет, драматическая коллизия ясна, смысл ее освещен светом вечерней звезды – планеты Венеры (планета от греч. πλανάω – блуждать): у Пушкина «ходит Веспер золотой». Для читательского восприятия подобные поэтические фрагменты стали понятны и привлекательны в свете открытой в пушкинское время эстетики романтизма. Романтическая поэтика отказалась от непреложного в классицистической эстетике требования законченности литературных произведений. Поэты-романтики обнаружили художественный эффект оборванного рассказа (Пушкин Вяземскому: «Не надобно все высказывать – это есть тайна занимательности» (XIII, 58)). И угадали, как Пушкин, содержательность, многозначность открытых концов – разнообразных перспектив будущего для героев и широких горизонтов для читательских ожиданий. Наконец, эта же эпоха обнаруживает и ценность поэтического фрагмента, его самодостаточность и суггестивность, по принципу художественной метонимии или синекдохи, воссоздающих по части целое. У Пушкина находим выразительный пример такой суггестии в воображении – поэзии любви в разговоре Дон Гуана с Лепорелло о Доне Анне:

Ее совсем не видно
Под этим вдовьим черным покрывалом,
Чуть узенькую пятку я заметил.
– Довольно с вас.
У вас воображенье
В минуту дорисует остальное;
Оно у вас проворней живописца,
Вам все равно, с чего бы ни начать,
С бровей ли, с ног ли (VII, 143).

В эпоху открытия широких горизонтов всемирной литературы примеры законченности фрагментов с частным изображением, внушающим общие представления о вселенной, могли бы дать малые формы японской поэзии. Но даже если не предполагать такую редкую тогда эрудицию, надо иметь в виду, что достаточное количество прецедентов для романтического фрагмента создавала и собственно европейская традиция как в классической своей части – в сохранившихся цитатах из греческой лирики или в жанре антологической (анфологической) эпиграммы, так и в отдельных стихах Библии и Евангелия. В сакральных текстах находил источники для своих поэтических фрагментов – образцов истины – один из первых романтических поэтов В. Блейк, убежденный в том, что в частном и малом видней великое целое:

Вселенная в песчинке видней,
Небо в цветке лесном.
Бесконечность на ладони твоей,
Вечность в миге одном [11; 607].

Эти замечательные стихи часто цитируются исследователями, справедливо усматривающими в них кратчайшую «формулу романтизма» [8; 582]. С еще большим правом, пожалуй, можно рассматривать их как канонизацию характерной для романтической эстетики формы фрагмента.

Приведем еще один из поздних пушкинских фрагментов с изображением вечерней зари:

Надо мной в лазури ясной
Светит звездочка одна,
Справа – запад темно-красный,
Слева – бледная луна (III, 265).

Стихотворение замечательно своей интонацией привычно-доверительного общения с при-

родой. Написанное размером, характерным для воспроизведения народной песни или анакреонтической лирики, оно передает невозмутимо-веселую радость жизни в Божьем доме. Величие природы, темный вечер, ночь не пугают. Небесная звезда названа ласково – *звездочка* (народное, уменьшительно-ласкательное выражение). Луна, обычно великолепная, серебряная или золотая, здесь бледная (пока едва проступающая на светлом фоне). Дистанция между небом и землей не обозначена, едва ли не скрыта. Напротив, небесное и земное начала сближены, подчеркнуты духовно-душевные связи, общение, восприятие, контакт мира природы и человеческой личности. Отметим новизну в описании вечерней зари. Поэт изображает мгновение перехода от вечера к ночи: еще не догорела вечерняя заря: «справа запад темно-красный», а уже появилась «звездочка одна», и проступил на еще светлом лазурном фоне «бледный» круг луны. Красочная картина меняющегося вечернего неба «говорит» с лирическим героем и читателем стихотворения о вечной жизни и вечно меняющейся, всякий раз новой красоте вселенной.

В современной борьбе классицизма и романтизма Пушкин, по собственному его признанию, занимал позицию «скептика», то есть он видел и понимал недостатки обоих противоборствующих направлений. Его решение проблемы состояло в сознании необходимости соединить их достоинства. Усвоение и трансформация классических идей, литературных концепций, сюжетов и образов охватывала весь внешний, природный космос, как и внутренний мир чувств, доходя и до таких частных мотивов, как изображение утренней и вечерней зари, что мы и старались показать в нашей работе.

Что касается задач историко-литературного исследования пушкинского творчества, то, на наш взгляд, их верно определил один из выдающихся русских мыслителей В. В. Розанов как скрупулезное изучение поэтики Пушкина, внимательное прочтение каждой его страницы или поэтического фрагмента и осмысление их в контексте культуры: «…наступает настоящее время для “Пушкина в подробностях”. Крошечные его пьесы часто суть миры прелестного и глубокого… мы можем отдохнуть и насладиться эстетически, идейно и философски просто над определенною страницею Пушкина. Здесь для остроумия критика, для историка, для мыслителя… огромные темы для размышления и наблюдения» [1; 369]. Для историка литературы здесь же – при смене тем и контекстов, неизменно начинающихся от античной словесности, – открываются различные пути для понимания авторского индивидуального и национально-исторического компонента пушкинской поэзии и ее вечно-классической природы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цитируется по: [12], римской цифрой указывается том, арабской – страница.

[2] Так называл ее один из самых образованных гуманитариев нашего времени немецкий филолог-классик русского происхождения Михаил фон Альбрехт, знающий русский язык поклонник пушкинской поэзии.

[3] Приведем здесь интересные рукописные варианты: В ее замерзлое стекло Румяный луч зари играет Дверь отворилась – Ольга к ней [Авроры] северной свежей И легче ласточки влетает… Заря в замерзлое стекло… Блестит в замерзлое стекло… Лучом в замерзлое стекло… Играет солнце Играет тихими лучами Зари румяной… Играет луч зари румяный… быстрей Восточных облачков алей… И вбегает… И как мятель влетает… Нетерпеливая Быстрей мятелицы… (VI, 393).

[4] По данным «Словаря языка Пушкина» (IV, 1038), определение *янтарный* употребляется поэтом 7 раз. Один раз – как относительное прилагательное: «янтарны четки». 5 раз – метафорически о цвете меда и вина: «янтарный мед», «кубок янтарный», «вина янтарны»… Обновляя классический топос, Пушкин пишет и о «янтарном блеске» утреннего света в стихотворении «Зимнее утро». Но этот первопрецедентный текст создает традицию и опору для будущей ярко-красочной и эмоциональной картины зари у А. Фета: «В дымных тучках пурпур розы, Отблеск янтаря, И лобзания, и слезы, И заря, заря!...» (цит. по: [15; 203]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александр Пушкин: pro et contra. Т. I–II. Русская Христианская гуманитарная академия, 2000.
2. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1890. Т. IV.
3. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. М., 1953.
4. Гомер. Илиада / Пер. Н. И. Гнедича. Л.: Наука, 1990. 576 с.
5. Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского языка. СПб.: Норинт, 2002. 224 с.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. XXVI. СПб.: Наука, 1984.
7. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л.: Наука, 1978. 423 с.
8. Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М.: Изд-во МГУ, 1980. 639 с.
9. Мальчукова Т. Г. Идиллический пейзаж: истоки, вариации, проблемы эволюции // Античные и христианские традиции в изображении человека и природы в творчестве А. С. Пушкина. Петрозаводск, 2007. С. 175–268.
10. Погодин М. П. Из воспоминаний о Пушкине (1826–1837) // Русский Архив. 1865. № 1. С. 95–108.
11. Поэзия английского романтизма. М.: ГИХЛ, 1975.
12. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 19 т. М.: Воскресенье, 1994–1997.
13. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб.: Наука, 1999.
14. Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. СПб., 1996. 527 с.
15. Пушкин в русской философской критике. М.: Книга, 1990. 528 с.
16. Русская поэзия XIX века: В 2 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1974.
17. Русская проза XVIII века. М.: Худож. лит., 1971. 720 с.
18. Современник. 1856. № VII, июль. Отд. V.
19. Homeri Opera / Rec. D. B. Monro et T. W. Allen. Oxonii, 1920.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Февраль, № 1 **Филология** **2012**

УДК 882.09:929

ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ ДЕНИСОВ
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Центра международных отношений, Российский государственный гидрометеорологический университет (г. Санкт-Петербург)
samariten1@mail.ru

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЗАПОРОЖЦЕВ В РАННЕЙ ПРОЗЕ Н. В. ГОГОЛЯ

Статья посвящена особенностям изображения запорожских козаков[1] в русской литературе и публицистике до Гоголя, причине, по которой это происходило, их противоречивой характеристике в ранней гоголевской прозе.

Ключевые слова: раннее творчество Гоголя, запорожские козаки, история Малороссии

В украинском фольклоре запорожец – только положительный герой, легко берущий верх над врагами, демоническими силами и самой смертью. Обычно вертепное «представление оканчивалось дракою Запорожца со Смертию, побиением и бегством последней, уничижением черта пред Запорожцем...» [13; XVI–XVII]. Но как объяснить некую «двойственность» обрисовки запорожцев в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» (1831–1832) Н. В. Гоголя? В повести «Пропавшая грамота» выясняется, что удалец-запорожец, не уступающий ни в чем козаку, посланцу гетмана, когда-то продал душу черту, – потому и козак вынужден иметь дело с нечистой силой. В повести «Ночь перед Рождеством» бывший запорожец Пузатый Пацюк (Крыса) ленив и прожорлив, словно животное, и, «как настоящий запорожец, ничего не работал, спал три четверти дня, ел за шестерых косарей и выпивал за одним разом почти по целому ведру», кроме того, он был «знахарь» и, считалось, «немного сродни черту» [6; 222–223]; в Петербурге запорожцы и просты, наивны как дети, и грубы, надменны, невежественно-жестоки. Такая двойственность, на наш взгляд, объясняется особенностями характеристики украинского козачества в отечественной литературе и историографии того времени.

С последней четверти XVIII века запорожские козаки, как правило, изображались «изменниками» и «разбойниками» – в отличие от всего козачества. На это были причины. В 1708 году после измены гетмана Мазепы часть запорожцев влилась в его войско и сражалась с армией Петра I, а затем ушла в днепровские низовья под руку Крымского хана. Поэтому Старая Сечь в 1709 году была разрушена регулярными войсками, запорожцы объявлены врагами России, а если кого-то из них ловили, его ждала виселица. Так было до 1733 года, когда запорожцы отказались помочь полякам воевать против России, поэтому в 1734 году, после официального помилования, им разрешили вернуться к охране российских границ. Под Никополем они основали Новую Сечь и превратили ее в центр антифеодального движения. А когда она была разорена после разгрома пугачевщины в 1775 году, часть запорожцев ушла в Турцию и основала Сечь Задунайскую, то есть вновь, с точки зрения русского государства, переметнулась к врагу. Считать запорожцев изменниками перестали, когда войско «задунайцев» во главе с кошевым Осипом Гладким к началу русско-турецкой войны в 1828 году перешло на сторону русских, повернув оружие против турок. Такую перемену отношений к запорожцам и Сечи на рубеже 30-х годов отразили стихи Н. Маркевича, а также подбор народных песен и дум в сборниках И. Срезневского и М. Максимовича [12], [13], [18] наряду с традиционной демонизацией запорожцев, которой отчасти отдал дань в «Вечерах» и Н. В. Гоголь.

ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ КОЗАКОВ, ИХ ЕДИНСТВЕ С ЗАПОРОЖЦАМИ

В «Краткой летописи Малой России с 1506 по 1776 год…» (1777) говорилось, что «поляки, владеющие Киевом и Малою Россиею», хотели «в работе и подданстве людей малороссийских украинских содержать, которые, не приобыкши жить в невольничьей службе, избрали себе место пустое около Днепра, ниже порогов Днепровых, на жилье, где в диких полях, упражняясь в звериных и рыбных ловлях, при том Бусурман, на море разбивающи, укрощали, называясь Козаками от древних Козаров, рода славено-российского, при Кагане еще служивших в походах на Грецию» [10; 4–5]. То есть, по «Летописи…», козаками стали украинцы, ушедшие от польской «неволи» за пороги Днепра, «в дикие поля» (степи), они же «разбивали бусурманов» на море. Упомянуты их исторические связи с хазарами и Хазарским каганатом, в начале X века занимавшим часть Северного Кавказа, Крыма, Приазовья и Приднепровья. Здесь малороссийские козаки ничем

© Денисов В. Д., 2012

не различаются между собой: у них общее «древлее имя» и происхождение, одни и те же занятия. И далее многие отечественные историки также представляли козаков основой всего народа, не отделяя запорожцев, в отличие от западноевропейских авторов. Так, историк и дипломат Ж.-Б. Шерер в обзорно-компилятивной «Летописи Малой России» (1788) восхищался тем, как запорожцы долгое время спасали и себя, и Европу от «наступления полумесяца», и прославлял спартанское воспитание «граждан республики» (Сечи), их постоянную готовность к бою, как у римлян, и то, что они всегда отважно защищали свой край и не зарились на чужие земли [19; 4].

В «Записках о Малороссии, ее жителях и произведениях» (1798) Я. Маркович сообщал: «…происхождение Козаков есть нерешимая в истории задача. Некоторые производят их от Козар и Коссогов, обитавших в древние времена при Днепре, или от какого-то вождя, Козаком именуемого… а по другому название сие произошло от того, что несколько поляков и малороссиян поселились на Днепровской косе, где они занимались ловлею диких коз... Может быть, всех вероятнее следующее мнение, что в начале XVI века некто из малороссиян по прозванию *Дашкевич*, видя частые от Крымских татар набеги, уговорил многих единоземцев своих для отогнания неприятеля сего от своих пределов. Сие имело счастливый успех; и победители назвались тогда Козаками…» [14; 38]. Позднее авторы давали одну из вышеприведенных версий. Так, И. Г. Кулжинский в книге «Малороссийская деревня» (1827) упоминал то «время, когда козаки, основав из себя народ независимый и гордый, долго оставались предметом соблазна для честолюбия и спокойствия своих соседей. О происхождении сих могучих сынов брани и раздора можно то же сказать, что говорится о происхождении римлян. Шайка молодых людей, недовольных собою и, может быть, собственным сердцем, удалилась от взоров людей в обширные степи и, основавши там свое общество, страшными воинскими криками дала знать людям о своем существовании» [11; 104].

Иную версию выдвинул Н. М. Карамзин. В V томе «Истории государства Российского» (1813) происхождение козаков возводилось к племенам «Торков и Берендеев», обитавших с дохристианских времен «на берегах Днепра, ниже Киева» (где потом жили козаки). Те «назывались *Черкасами*: Козаки также». Это и другие доказательства позволяли автору сделать вывод, что «Торки и Берендеи, называясь *Черкасами*, назывались и Козаками; что некоторые из них, не хотев покориться ни Моголам, ни Литве, жили как вольные люди на островах Днепра, огражденных скалами, непроходимым тростником и болотами; приманили к себе многих Россиян, бежавших от угнетения; смешались с ними, и под именем *Козаков* составили один народ, который сделался совершенно Русским, тем легче, что предки их, с десятого века обитав в области Киевской, уже сами были почти Русскими. Более и более размножаясь числом, питая дух независимости и братства, Козаки образовали воинскую Христианскую Республику в южных странах Днепра, начали строить селения, крепости в сих опустошенных татарами местах; взялись быть защитниками Литовских владений со стороны Крымцев, Турков, снискали… покровительство» Польши; а запорожцы всегда «были частию Малороссийских козаков» [9; 215–216]. Итак, по Карамзину, козаки произошли от неких полуазиатских разбойничьих племен, обитавших в Древней Руси близ Киева, принявших православие, почти русских, потом совсем с ними «смешавшихся». Затем они образовали христианскую республику в «опустошенных татарами местах», защищали Литву и Польшу, за что польские короли создали их войско, даровали привилегии. А запорожцы были теми же козаками, но холостыми, более жестокими, не знавшими иных занятий, «кроме войны и грабежа». Это обнажает идеологическую задачу автора: показать козаков не совсем русскими, не вовсе разбойниками, в их массе «растворив» запорожцев. И тогда «азиатское варварство» козаков можно объяснить просто «разбойничьей» кровью!

РАСПОЛОЖЕНИЕ СЕЧИ

Военный инженер Гийом де Боплан даже не подозревал, что Сеча существовала на острове Хортице, ибо тот «очень высок, почти со всех сторон окружен утесами, следовательно, без удобных пристаней… не подвержен наводнениям и покрыт дубовым лесом», но переводчик счел нужным исправить эту «ошибку» и дополнил: «Там древние Руссы, переплыв благополучно пороги и отразив неприятелей, приносили жертвы; там в начале XVI века запорожцы имели Сечь, оставили ее, в 1620 году возобновили и вскоре вновь покинули» [3; 24–25, 150–151]. По Карамзину, Сечь – это «земляная крепость ниже Днепровских порогов», которая «служила сперва сборным местом, а после сделалась жилищем холостых Козаков, не имевших никакого промысла, кроме войны и грабежа» [9; 216]. Д. Н. Бантыш-Каменский в «Истории Малой России» (1830) изобразил ее как «главное укрепленное место», беспорядочно застроенное «деревянными избами и мазанками. Земляная насыпь, с расставленными на оной в некоторых местах пушками, окружала жилище их, разделенное на 38 куреней» [1; 61]. В историческом романе «Димитрий Самозванец» (1830) Ф. В. Булгарин, добавив к тем же сведениям польские источники, указывал местоположение Сечи ниже «13 порогов» Днепра – там, где «речка Бузулук… образует два острова. Обширное пространство выше меньшего острова обнесено было вокруг

шанцами, батареями и палисадами, которые прикрывались деревьями и кустарниками. Внутри укрепления построены были мазанки, небольшие домики из тростника, обмазанные внутри и снаружи глиною, с камышовыми крышами; от 20 до 50 таких хижин, вокруг большого дома, вмещали в себе особую дружину и назывались куренем, под начальством Куренного атамана. Эти курени, числом до 30, расположены были отдельно, но без всякого порядка. Посереди Сечи возвышалась церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построенная крестом <...> Вокруг церкви была площадь, а напротив большой длинный дом, в виде сарая. Это было жилище Кошевого атамана и хранилище войсковых сокровищ. Перед куренями находились открытые кухни, несколько камней, между которыми пылал огонь» [4; 227].

Общие сведения о Сечи были также приведены М. Максимовичем в сборнике украинских народных песен (1834): «Сечью называлось укрепление… где находился главный запорожский табор или *кош,* по имени коего и начальник Сечи назывался *Кошевым атаманом* или просто *Кошевым.* Первая (*старая* или *великая*) Сечь была на днепровском острове Хортице или Хортище… Сечь делилась на части, называемые **куренями**, управляемые *Куренными атаманами.* Эти *курени*… состояли из землянок, мазанок и шалашей» [12; 4].

В 1-й редакции повести Гоголя «Тарас Бульба» (1835) семейная «троица» – отец и два сына Бульбы – едет по украинской степи в «школу» христианского братства Сечи. Всего в отряде **13** человек, и евангельские аллюзии, придающие героям некое сходство с апостолами – провозвестниками и ревнителями Веры (среди них изменник, Иуда), позволяют усомниться в прочности семейного союза. Расстояние между степью и островом, «где была тогда Сеча, так часто переменявшая свое жилище», указывает на свободное, «морское» пространство: его козаки *долго* преодолевают, спешившись (II; 298)[2]. Такое непонятное уподобление «степного» и «речного» «морскому» здесь можно принять за гиперболу. Но смысл его иной: далее Сечь оказывается в «устье Днепра» (где была турецкая крепость Очаков), куда приплыли тем же летом после морского набега козаки и где «сидел... на берегу» Тарас, а «перед ним… расстилалось Черное море» (II; 334). Ср.: в повести В. Нарежного «Запорожец» (1824) козацкая столица была «недалеко от берегов Днепра, где вливаются воды его в Черное море», и потому запорожцы назывались «черноморцами» [16; 138].

На наш взгляд, дело не столько в действительном расположении Сечи или в его изменении, сколько в том, что Старая Сечь, разрушенная в 1709 году, и Новая Сечь 1734–1775 годов таким образом сближаются с черноморским козацким войском, которое князь Г. А. Потемкин образовал из бывших запорожцев в 1787 году, то есть гоголевское изображение Сечи включает *предел* ее развития. И если Нарежный приравнял «Черноморскую Сечь» к Задунайской, где жили бежавшие в Турцию запорожцы, и представил их разбойниками-«черноморцами», то в гоголевской повести Запорожская Сечь на Хортице едина с «Черноморской» в устье Днепра, морские походы на Царьград делают запорожцев наследниками Древней Руси и самой Византии [7; 130], и таким образом козацкая держава-вольница должна противостоять «отуреченной» Сечи в устье Дуная.

КАК ЖИЛИ ЗАПОРОЖЦЫ В СЕЧИ

Их общие собрания В. Измайлов показал в руссоистском плане: «Советы… под именем Рады были самые торжественные и примечательные. Все Запорожцы собирались на открытом поле, чтобы судить единогласно о внутренних и внешних делах своих, придумывать лучшие средства и трудиться общим умом над решением важных вопросов о благосостоянии общества…» [8; 16]. Славянско-вечевую основу Сечи подчеркивал и М. Максимович: «Все старшины выбирались на *Раде*… (мирской сходке, вече). *Громадою* называлась общая сходка на Раду; у куреней были свои частные Рады» [12; 4].

Описание Сечи, похожее на гоголевское, есть в поэме «Богдан Хмельницкий» (1833). Ее анонимный автор, безусловно, знавший официальные труды о Малороссии наряду с «Историей Русов», живописал Сечу в том же «природно-республиканском» духе, противопоставляя польскому рабству на Украине *братскую* жизнь на просторе, природную *стихию* вольности и удальства запорожцев:

Там каждый житель молодец:
Переселенец иль беглец.
Там козаки не знали рабства
Еще дотоль; и Кошевой
Был только в битвах их главой,
В дни мира – жил по праву братства.
<...>
И битвы шли своей чредой.
Как при *Дашковиче*, и ныне,
Козак был страшною грозой
Странам соседним и чужбине:
Стамбул, Очаков, Варна, Крым
Пред Запорожцами дрожали,
Когда они мушкетный дым
С свинцом им в гости посылали [2; 6–63].

В поэме описано, как на Раде избирали нового Кошевого – при непременном участии старого Кошевого с палицей, судьи с печатью и писаря с чернильницей. Избранного Кошевого козаки несли на руках. После того как он

...принял палицу... Землею
Осыпана глава его,
В святое знаменье того,
Что стал он всей страны главою;
А может быть, чтоб не забыл,
Что он, как все, добыча тленья,
И чтоб других за преступленья
Как самого себя судил [2; 77].

Кошевой сразу призвал козаков выступить под предводительством Хмельницкого на борьбу с поляками, после чего передал ему власть Атамана. Запорожцы составили основу войска Хмельницкого, и лишь затем на его сторону перешло все малороссийское козачество. Таким образом, Сечь, ее устройство и обычаи как бы порождают победную народно-освободительную войну 1648–1654 годов (хмельнитчину).

В отличие от поэмы официозная «История Малой России» попрекала запорожцев, что они «не заботились, подобно малороссийским козакам, исхитить из рук иноверного народа землю Русскую, потому что земля сия сделалась чуждою для сердец, ожесточенных грабежами и убийствами. И могли ли пришлецы, составлявшие их братство, люди различных с ними языков и исповеданий, упоенные распутством и безначалием и скрывавшие под притворною набожностию гнусное отвращение к православию, – иметь какую любовь к стране, в которой процветало благочестие с отдаленных времен? Холостая, праздная и беспечная жизнь, пьянство и необузданная вольность были отличительные черты характера сего буйного и грубого народа. Скотоводство, звериная и рыбная ловля, воровство, разбой и измена составляли их главные упражнения», хотя они «со всеми пороками своими отличались примерною храбростию <…> запорожец, сохраняя первобытную суровость и бесчувственность своих предков, не дорожил в битвах жизнию, к которой не имел никакой привязанности. Странно, что сей дикий и свирепый народ, в ущелинах и порогах живший, любил… невинные увеселения. Запорожец играл на бандуре, припевая песни», подобные «жестокому его нраву» [1; 62–63].

Все отмеченные выше разнородные «стихийные» начала Сечи литература того времени обычно истолковывала в романтическом плане чудовищных противоречий. Так, в повести В. Т. Нарежного «Запорожец» (1824) козацкая столица – это «одно место в юго-восточном краю Европы, где может найти верное убежище всякий, такового ищущий. Это место называется *Запорожская Сечь* и лежит недалеко от берегов Днепра, где вливаются воды его в Черное море. Первоначально поселились там разного звания малороссияне, не находившие в отчизне своей ни крова, ни пищи. Чтобы предохранить себя от ссор, непорядков и раздоров, могущих небольшую республику сию ниспровергнуть, храбрые люди сии положили непоколебимым законом – не иметь при себе не только жен, но даже чтобы ни одна женщина не переходила ворот их города. Но как и самые небольшие общества имеют нужду в ремеслах, рукодельях и искусствах разного рода, а посвятившие себя единственно военному делу люди неудобно и неохотно могут заниматься чем-нибудь другим, кроме оружия, то запорожские козаки дозволяют и козакам жениться и заниматься куплею и продажею нужных вещей, но с тем, чтобы таковые промышленники жили вне города Сечи в предместиях и на хуторах вместе с женами и детьми. Там дозволяется жить и торговать христианам всех исповеданий, магометанам разных поколений, жидам и язычникам. В приеме в козаки старшина совсем не заботится, кто из желающих сделаться запорожцами – какой веры, какой земли, звания, поведения; равным образом не выспрашивает, что принуждает кого, оставя отчизну, искать у них убежища <…> Но при вступлении в сие особенного рода общество, подобно как при посвящении в монашество, надобно оставить все прежние титла и знаки отличия; там все равны: сегодня кошевой атаман или судья, а завтра простой козак; при принятии нового собрата ему дают прозвание, какое вздумается, бреют голову, оставляя один оселедец[3], и сей профан в короткое время становится просвещенным в таинствах запорожских» [16; 138–140]. Судьба этой республики предрешена, ибо, по мнению ее атамана, досконально знающего установления и обычаи Запорожья, если уж «знатнейшие царства и республики пали в свое время, то как не последовать сего с Сечью запорожскою» [16; 178]. В почти одновременно изданной «малороссийской повести» Нарежного «Бурсак» Сечь названа «чудовищной столицей свободы, равенства и бесчиния всякого рода» (подобно революционному Парижу!), чьи обитатели имеют «высокое право похабничать, забиячить и даже разбойничать...» [15; 152]. По словам героя, попавшего сюда волею судьбы, вся эта «убийственная и даже бесчестная жизнь» ведет к «погибели» – и что «из Сечи останется? Кучи золы и громады черепов козацких», и обычные запорожцы, устав от преступлений, тоже считают такую жизнь «поганой… несравненно хуже цыганской» [15; 164–165].

Отчасти ту же интонацию позднее перенял Ф. Булгарин, сводя в романе о Самозванце разноречивые исторические свидетельства и пытаясь объективно показать жизнь запорожцев. Однако он не смог игнорировать общеизвестные героические черты этих бесстрашных воинов. Так получился и эклектический (что обычно для Булгарина), и недостоверный, уклончивый рассказ, полный противоречий. «Удивительное явление эта Сечь Запорожская!.. Трудно пове-

рить, чтоб какое-нибудь общество могло так долго существовать без письменных законов, без всяких основных правил гражданского порядка <…> запорожцы не хотели не только строить городов, но даже жениться, чтоб удобнее перенестись в другое место в случае опасности. Войско свое пополняют они не только пришлецами из Украины, с Дона и России, но всеми беглецами из Польши, Венгрии и земли Волошской (Молдавии. – *В. Д.*). Кроме того, они в набегах своих берут с собою детей мужеского пола и воспитывают их в войске. Таким образом поддерживается эта воинская республика, управляемая волею избираемого ими Кошевого атамана и старыми обычаями. В последствие времени многие ученые иноземцы, подвергнувшиеся в своем отечестве несчастьям или совершившие какое преступление, стали искать убежища в Сечи, но они не могли иметь никакого влияния на дикое устройство войска и зверские обычаи запорожцев. Напротив, кто желает остаться в Сечи, тот должен во всем сообразоваться с сими дикарями и покрывать знания свои оболочкой невежества. Это характер запорожцев: они должны казаться грубыми, несведущими, хотя между ними есть весьма много людей мудрых и ученых из поляков и немцев (по Булгарину, даже бывшие иезуиты. – *В. Д.*). Их кошевые атаманы, часто безграмотные, знают лучше дела и выгоды войска, нежели письменные войты и сенаторы» [4; 214, 217]. Недаром будущий Самозванец нашел приют на берегах Днепра: запорожцы принимают «всякого, кому Бог дал силу и смелость. Будь он поляк, татарин, волох, венгр или немец, лишь бы крестился в Русскую веру, 10 лет не женился да переправился в ладье через пороги <…> не терпят ни баб, ни латинов, ни панычей, ни каких неженок. …Должно быть закаленным, как булат, на всякую беду и опасность <…> кто не бывал запорожским казаком, тот не бывал воином. …Жизнь, что старый кафтан. Сбросил с плеч – легче!» [4; 202–205]. Соответствует этому и описание лагеря, куда прибывает герой: «В Сечи раздавался глухой шум от смешанных голосов тысяч 30 суровых воинов. Некоторые из них занимались приготовлением пищи или чисткою своего оружия, другие пили и ели в веселых кругах, иные, напившись допьяна, расхаживали с песнями. Во многих местах слышны были звуки бандуры и волынки. Беспечность, дикое веселие и излишество в употреблении пищи и крепких напитков заметны были во всех концах всего воинского поселения. Везде видны были кучи мяса и рыбы, бочки с вином и пивом и люди пресыщенные, которых все занятие состояло, казалось, в истреблении съестных припасов»; удивительно «только, что вино не рождало драк и ссор в этих диких толпах, а возбуждало одно веселие. Братство и дружество строго было соблюдаемо между запорожцами, и если б один осмелился обидеть другого, то нашел бы немедленно… противников, которые наказали бы его за нарушение равенства и доброго согласия» [4; 245, 256]. «…Казаки жертвуют жизнью, идут смело и охотно на все опасности, претерпевают недостатки, чтобы приобресть средства пожить несколько времени в совершенном изобилии или, лучше сказать, чтоб иметь в излишестве все, что услаждает грубую чувственность. Пока всего довольно, то казаки в Сечи проводят время в пиршествах, пьянстве и ходят в слободы наслаждаться любовными утехами. Когда же наступает недостаток в съестных припасах и крепких напитках, то они или начинают жить скромно, или снова отправляются на грабежи. …Настоящая волчья жизнь <…> в Сечи добром называется то, от чего добрые люди в другом месте крестятся, а злом почитается то, в чем другие ищут спасения. Пить, бить, резать, грабить, не щадя своей жизни, называется… высочайшею добродетелью, а умеренность, сострадание, уважение чужой собственности и попечение о сохранении своей жизни… величайшими пороками. Вот запорожская нравственность» [4; 247–248].

Однако чуть позже в историческом романе «Мазепа» (1833–1834), верный официальной политике, Ф. В. Булгарин изменит тон, хотя и осудит «дикость Запорожья и Заднеприя (Левобережья. – *В. Д.*), где все достоинство человека поставлялось в удальстве и наездничестве» [5; IV]. В обзоре истории Украины он торжественно объявит, что «бедствия, угнетавшие страну, не истребили в храбрых ее жителях духа народности, основанного на Православной Вере <…> Со времени первого нашествия татар на Южную Россию толпы отважных ее защитников, будучи не в силах спасти отечество и влекомые любовью к независимости и чувством народной самобытности, удалились в пустыни и на диких берегах Днепра… основали беспримерную дотоле в мире, подвижную военную республику, получившую впоследствии название *Сечи Запорожской*. В течение нескольких столетий Сечь держалась и укреплялась новыми пришельцами из порабощенной родины и удальцами из соседних и дальних стран, сохраняя древние воинские обычаи предков. <…> Вольное Запорожье не признавало ничьей власти и ничьих прав в порабощенном отечестве и жестоко отмщало потомкам орд Батыевых и соотчичам польских вельмож за прошлые и настоящие бедствия Южной России, питая в жителях ее надежду к освобождению и поддерживая в народе воинственный дух. Надежда сия исполнилась, ибо основана была на справедливости» [5; 2–4].

В то же время менее чуткие авторы второго ряда продолжали ревностно обличать запорожцев. Так, студент Московского университета

П. И. Голота, приспосабливая идею поэтической истории народа к пониманию полуобразованного «среднего слоя» общества, написал три «исторических» малороссийских романа: «Иван Мазепа» (М., 1832), «Наливайко, или Времена бедствий Малороссии» (М., 1833) и «Хмельницкие» (М., 1834), где обрисовал запорожцев как свирепых, бесчеловечных разбойников-варваров, отверженных миром и потому, в свою очередь, всем мстящих (это мало чем отличалось от того, как зарубежные авторы и переводчики изображали «козацко-татарские шайки» в псевдоисторических произведениях). Подобная обрисовка соответствовала традициям разбойничьего романа, о чем свидетельствует явная зависимость некоторых ситуаций в романах П. Голоты от сюжетных ходов в повести О. М. Сомова «Гайдамак» [17], где были описаны малороссийские разбойники XVIII века.

По-видимому, резкое неприятие Гоголем таких романов стало одной из причин художественного переосмысления писателем истории Малороссии, а затем и создания повести «Тарас Бульба» – о подвигах и славе козачества.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее в слове *козак* и производных от него, обозначавших, с точки зрения Гоголя, особую национально-историческую общность, сохранено написание черновых редакций, которое в печатных редакциях обычно исправляла цензура.

[2] В дальнейшем цитирую по изданию [6], указывая том римской, страницу арабской цифрой.

[3] На макуше головы небольшой клочок волос во всю их длину, который завивается за ухо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России: В 3 ч. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1830. Ч. 2. 327 с.
2. Богдан Хмельницкий. Поэма в 6 песнях. СПб., 1833. 122 с.
3. Боплан Г. Л. Описание Украйны: Пер. с фр. СПб., 1832. 179 с.
4. Булгарин Ф. Димитрий Самозванец, исторический роман: В 4 ч. СПб., 1830. Ч. II. 301 с.
5. Булгарин Ф. Мазепа. СПб., 1833. Ч. 1. 247 с.
6. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. М.; Л., 1937–1952. Т. I. С. 222–223.
7. Денисов В. Мир автора и миры его героев (о раннем творчестве Н. В. Гоголя): Монография. СПб.: Изд-во РГГМУ, 2006. 275 с.
8. <Измайлов В.> Путешествие в полуденную Россию. В письмах, изданных В. Измайловым: В 4 ч. М., 1802. Ч. 4. 204 с.
9. Карамзин Н. М. История Государства Российского: В 12 т. Т. V. М.: Наука, 1993. 555 с.
10. Краткая летопись Малыя России с 1506 по 1776 год, с изъявлением настоящего образа тамошнего правления и с приобщением списка преждебывших Гетманов, Генеральных Старшин, Полковников и Иерархов; також Землеописания с показанием городов, рек, монастырей, церквей, числа людей, известий о почтах и других нужных сведений. Издана В. Г. Рубаном. СПб., 1777. 475 с.
11. Кулжинский И. Малороссийская деревня. М., 1827. 136 с.
12. <Максимович М. А.> Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. 180 с.
13. Маркевич Н. Украинские мелодии. М., 1831. 155 с.
14. Маркович Я. Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях. СПб., 1798. Ч. 1. 102 с.
15. Нарежный В. Бурсак. Малороссийская повесть: В 4 ч. Ч. 3. М., 1824. 207 с.
16. Нарежный В. Запорожец // Новые повести Василия Нарежного. СПб., 1824. Ч. 3. 188 с.
17. <Сомов О. М.> Порфирий Байский. Гайдамак. Малороссийская быль // Невский альманах на 1827 год. СПб., 1826. С. 242–286.
18. Срезневский И. И. Запорожская старина. Харьков, 1833. Ч. I. Кн. 1–2. 272 с.
19. <Шерер Ж.-Б.> Annales de la Petite-Russie, ou L'Historire des Casaques Saparogues et les Casaques de l'Ukraine. Paris, 1788. 411s.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Февраль, № 1 **Филология** **2012**

УДК 4.106

ЕЛИЗАВЕТА ВАЛЕРЬЕВНА ЛОГИНОВА
аспирант кафедры финского языка и литературы факультета прибалтийско-финской филологии и культуры, Петрозаводский государственный университет
sormukset@mail.ru

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ УМНОГО ЧЕЛОВЕКА В ДИАЛЕКТАХ ФИНСКОГО ЯЗЫКА

В статье восстанавливается логика развития значений у лексем, позитивно характеризующих интеллектуальную деятельность человека.

Ключевые слова: вторичная образная номинация, полисемия, метафора, мотивационный признак

Исследователи отмечают, что в языковом фонде неравномерно распределены лексемы, указывающие на наличие ума или его отсутствие у объекта оценки, и при этом последние значительно преобладают над первыми. Поведение и поступки умного человека воспринимаются в качестве нормы, и поэтому либо заслуживают нечастого одобрительного комментария, либо остаются без внимания вообще, в то время как действия и реакции глупого человека (получающие оценку ярко негативной антинормы) в человеческом сознании нуждаются в осуждении и/или коррекции.

В работе рассматриваются структура и функционирование лексико-семантического поля (ЛСП) «Интеллект человека». На основании входящих в него единиц, указывающих на интеллектуальные способности, можно сказать, что из примерно 300 лексических и фразеологических единиц основная часть отмечает именно недостаток умственных способностей и составляет зону «глупость». Таким образом, в зону «ум» ЛСП «Интеллект» входит очень небольшой процент, внимание которому уделяется в данной статье. Материалом для исследования служат лексические, фразеологические единицы финского языка, собранные в архиве финских диалектов и в словаре финских говоров. В картотеке архива, хранящемся в Научно-исследовательском центре языков Финляндии (Хельсинки), насчитывается свыше 8 млн диалектных вариантов от 400 000 слов, а также коллекция из 1,4 млн паремий [11]. В работе лексический материал карельского языка привлекается в качестве родственного, поскольку происхождение рассматриваемых нами слов относится к периоду праязыка-основы, когда еще не было четкой дифференциации прибалтийско-финских языков.

В процессе исследования ментальная диалектная лексика сопоставляется с данными литературного языка. В работе, посвященной лексике, характеризующей интеллект, Т. В. Бахвалова сравнивает русский литературный язык с орловскими говорами и пишет, что «единство тематических групп лексики народных говоров и литературного языка связано с общей закономерностью, свойственной языку и его говорам, а именно: общностью грамматического строя и близостью лексического состава» [1; 3]. По словам известного отечественного языковеда Ф. П. Сороколетова, исследователя русской диалектной лексикографии, «диалекты в основных своих чертах совпадают с литературным (общенародным) языком: известно, что дифференциального в лексике отдельного диалекта меньше, чем общего, объединяющего говоры и литературный язык» (цит. по: [1; 3]).

Работа выполнена в русле этнолингвистических исследований, которые направлены на выявление закономерностей кодирования этнокультурной информации средствами языка. Человек воспринимает окружающий мир, будучи укорененным в своей культурной традиции, создает свою систему ценностей. Вследствие взаимодействия этноса и языка формируется так называемая картина мира, отражающая особенности национального представления о внеязыковой действительности. Этнолингвистика через анализ языка изучает эту картину, осуществляя тем самым выход на народную культуру.

Ниже предлагается рассмотреть, из каких конкретных словесных и психологических характеристик складывается образ умного человека в языковой картине финнов.

Для системного описания лексики, позитивно характеризующей интеллектуальную деятельность, в первую очередь обратимся к лексеме ***järki***, имеющей в современном финском языке значение ‘ум, разум, рассудок’. Современное значение, в свою очередь, восходит к первоначальному, отражающемуся теперь в наречии ***järjestään*** ‘по порядку, подряд’; глагол ***järjestää*** ‘приводить в порядок, упорядочить, организовать’ первоначально означал также ‘ставить в ряд’. Отголоски этой конкретной изначальной семантики сохранились в родственных языках, ср.: эст. järg ‘очередь, порядок’, карел. järki ‘порядок’ [10]. Поскольку ряд и сейчас еще является одной из нагляднейших форм проявления порядка, не случайно, что именно это слово послужило символическим трамплином для образования самого понятия «порядок, организованность», отмечает Л. Хакулинен [4; 82].

© Логинова Е. В., 2012

Niin täält mennä järjestäs vaa, yks toises päräs (Kustavi). «Теперь идем по очереди, один за другим»[1].

Mull oli niim pal senttä semmone hyvä järki vail mää noi laps oli (Perniö). «У меня был уже очень хороший ум, хоть я и был еще совсем ребенком».

Для носителя финского языка понятие *разум* ассоциируется с идеей организованности и порядка. Каковы мотивы, спровоцировавшие такую ассоциацию? В качестве версии можно предполагать, что *мысли* представляются выстроенными *в очередь* или *ряд*, как элементы прикладного творчества. При этом в наивной картине мира понятия *мысль*, *знание* и *ум* настолько близки, что могло происходить смысловое пересечение, вследствие чего слова, первично обозначавшие *ряд*, стали указывать не только на мысль, но и в целом на *ум*, *разум*. Убедиться в близости понятий *рядность* и *интеллект* в финской наивной картине мира помогает еще один пример. Считается, что существительное ***toimi*** ‘занятие, дело, работа, должность’ приобрело эти современные значения под влиянием глагола ***toimittaa*** ‘работать, функционировать’ [4; 83]. В старом литературном языке оно встречается в значении ‘ум, разум, рассудок’. Первоначально же в диалектах ***toimi*** функционировало как термин из области ткачества и указывало на ряд нитей основы в ткани, ***toimikas*** определяется как основное переплетение нитей, при котором на поверхности ткани образуются косые рубчики. Чтобы такой узор появился, необходимы две пары нитей, то есть 4 нитченки [5; 45]. Л. Хакулинен приводит пример образного употребления термина из «Калевалы», где говорится, что если к гладкой снежной поверхности прижать подол юбки, то на снегу останется след от материала – *hangella hamosen* ***toimi***, то есть узор ткани юбки.

Этимологический словарь фиксирует указанные значения и в родственных языках: кар. ***toimi***, ***toimikas*** ‘4-нитченковая ткань’, ***toimi*** ‘занятие; ясность; понимание’, ***toimie*** ‘понимать, соображать’, вепс. ***toimetada*** ‘понимать’, ***toimitada kangas*** ‘начать ткать полотно’ [10].

Со временем слово ***toimi*** с базовым значением ‘основная нить, установленная и налаженная (отрегулированная) основа для полотна’ в метафорических конструкциях стало употребляться в качестве образа, иллюстрации порядка: ***toimi*** ‘система, порядок, ясность, четкость’. В этой связи М. Рапола считает, что развитие семантики слова ***toimi*** было таким же, как у слова ***järki***, первичное значение которого определяется как ‘*ряд, порядок*’. При этом, судя по семантике слова в родственных прибалтийско-финских языках, абстрактные значения ‘ясность, порядок’ / ‘(способность) мастерство’ / ‘находчивость, сообразительность, ум, разум, рассудок’ развиваются уже в праязыковой период [5; 50].

В восточных говорах Финляндии и в Олонецкой Карелии известен целый ряд устойчивых выражений со словом ***toimi*** для обозначения умственной деятельности, развившихся из конкретных стилистически нейтральных фраз, которые используются в ткачестве. Например,

Ei toimet juokse ‘не знать’ буквально означает ситуацию, когда ‘узор не идет’.

Словосочетание ***täysi toimi*** ‘полноценный узор’ выступает для обозначения полного ума, разума.

Распространены и отрицательные конструкции, в которых имеется в виду отсутствие ума:

Ei ole tointa: *Sillä ei out toenta tehhäs sitä* (Maaninka). «У него нет ума, чтобы сделать это».

В некоторых выражениях употреблено множественное число слова ***toimi***, связанное с примарным значением слова:

Kankaassa pitää olla toime. «На ткани должен быть узор».

Joka paikašša pitää toimet olla (Кестеньга). «В каждом деле должен быть толк».

Ошибка, сбой в работе или какое-то другое неправильное действие ткача приводит к тому, что полотно *menee pois toimelta* ‘узор сбивается’. В Калайоки говорят о человеке, который стал плохо соображать: *se om menny jo pois toimelta*. В Киихтелюсваара в ситуации, когда кто-то говорит или делает лишнее, замечают: *pois toimelta männöö* ‘неразумно поступает’ (букв. ‘у него узор сбился’).

Из ситуации с произошедшей в тканье ошибкой возникло выражение *olla toisella toimella*, букв. ‘быть в другом рисунке’, которое также стало использоваться для обозначения умственной деятельности:

Se ol ihan toesella toemella. «Он совсем *не в себе*».

Основываясь на приведенных выше случаях, можно сказать, что в финском языке образная семантика слов, позитивно оценивающих разум и мыслительный процесс, развилась из конкретных значений, используя в качестве основания мотив *ряд*, *порядок*. На ассоциативном уровне у носителей финских диалектов мысли видятся выстроенными в систему, отчего хороший ум представляется правильным и точным узором. Логично, что образ умного человека в таком случае подразумевает такие качества, как организованность и собранность. В финском языке среди значений полисемантических лексем, указывающих на типичного дурака, часто присутствуют компоненты *несобранность, хаотичность мыслей и слов*. В качестве подтверждения ср. использование семы ‘смешение’ (фин. seka-) в ***ajatukset sekaantuivat*** ‘мысли перепутались’, ***olla sekaisin*** ‘помешаться разумом’, ***sekapää***, ***sekapäinen*** ‘помешанный головой’, ***sekava ajatuksenjuoksu*** ‘запутанный ход мыслей’ [7]. Кроме того, на основе идеи смешения образованы и некоторые другие обозначения интеллектуально неполно-

ценного человека. Укажем в качестве примера фонетические варианты ***hassa***, ***hasso***, ***hassu***, которые используются в качестве характеристики потешного, странноватого человека, при этом данное значение развилось из первоначального, связанного с обозначением смешения, хаотичности, неупорядоченности [6], ср. ***hassottava tukka*** ‘взъерошенные, торчащие в разные стороны волосы’ [7]. Идея неупорядоченности на конкретном уровне могла быть использована носителями языка для характеристики образа мышления. Действия, не поддающиеся пониманию окружающих, какой-то общепринятой логике, являются следствием разбросанных, неупорядоченных, *перемешанных* мыслей.

Таким образом, мотив *порядок – отсутствие порядка* проявляется симметрично, как в позитивной, так и в негативной оценке интеллектуальных способностей человека.

Обратимся к развитию глагола ***huomata*** ‘замечать, обращать внимание’. Этимологический словарь, а также словарь финских диалектов включают значения ‘понимать, сообразить, осознавать, догадываться, разуметь’. Согласно Л. Хакулинену, данный глагол является производным от существительного ***huoma***, первоначально означавшего ‘тень, сумерки’. Основываясь на подобных случаях в финских диалектах, а также родственных языках, автор приходит к выводу, что ***huomata*** (и его вариант hohmata) обладало примарным значением ‘виднеться, вырисовываться, тускло светить’, из которых в дальнейшем развились современные значения ‘замечать, обращать внимание, видеть’ [4]. Следует отметить аналогичное развитие глагола ***huomata*** и в карельском языке, где он означает ‘понимать, соображать’, при этом существительное ***huoma*** также указывает на ‘тень, сумрак’:

Em mää oo huamannur rukkiisa lainkaan tänä vuanna niitä torajyviä (Vampula). «Я совсем не замечал во ржи в этом году спорыньи».

Eks sinä huomannum mitä se tarkotti? (Ikaalinen). «Ты не понял, что он имел в виду?»

Подобным образом шло развитие значений и у известного финским диалектам глагола ***hohtaa*** ‘замечать, обращать внимание’, восходящего к более раннему ‘тускло светить, блестеть’, сохранившемуся и в литературном языке. Известны также именные производные ***hohto*** ‘внимательность, понятливость, разум’, прилагательные ***hohtavainen*** ‘находчивый, догадливый, наблюдательный’ и ***hohtamaton*** ‘непонятливый, глупый’ (при помощи суффикса -ton/-tön образованы отрицательные формы):

Hohto jo pois kun se on niiv vanha (Hollola). «Он такой старый, ума уже нет».

Ei se vanhus mitieh hohla enie (Lammi). «Этот старик ничего уже не соображает».

Продолжают ряд глаголы ***hoksata***, ***hokata***, ***hokatia***, которые, сохраняя значение ‘заметить’, указывают на хорошие интеллектуальные способности человека:

Ekkös nyj jo hoksaa mistä puhe on? (Hämeenkyrö). «Что ли не понимаешь, о чем речь?»

Arvelin itekseni, jotta miten se nuin vastasi, van myöhemmin sen hokatin (Nurmes). «Пытался понять, почему он так ответил, но только позже сообразил».

Такова же семантическая характеристика глагола ***hönötä*** ‘замечать/понимать’:

Ekkös sä ny hönöö, mitä Heikki tarkottaa? (Lammi). «Ты не понимаешь, что Хейкки имеет в виду?»

Умный человек способен заметить и понять что-либо в отличие от других, поскольку обладает прозорливостью или предвидением. В пользу этой версии говорит употребление слова ***haju***, известное, в первую очередь, в значении ‘запах’. По диалектным данным, а также в родственных языках оно встречается как указание на ум, понимание, предвидение. Слово ***haju*** используется также в выражениях со значением «иметь представление, понятие о чем-л.».

Hevoset ko tunnethin karhun haijjun niin pelästyvät (Raisi). «Лошади испугались, когда учуяли запах медведя».

Onko siinä hajuu kun lähtöö tämmösellä ilimalla kulukemaan (Ilomantsi). «Есть у тебя хоть сколько-то ума, пойти в такую погоду гулять».

Saada hajua jstak. ‘Пронюхать (т. е. узнать) о чем-л.’

В карельском языке основа ***haju*** ‘запах; ум, память, понимание’ нашла воплощение в прилагательном ***hajukas***, ***hajulline*** ‘умный’, с отрицательным суффиксом -toin ***hajutoin*** ‘безумный’, а также в глаголе ***hajustuo***, ***hajuvuo*** ‘образумиться’.

Сосуществование значений ‘запах’ и ‘ум’ стало возможным благодаря промежуточному значению ‘чутье, предвидение’, следовательно, понимание происходящего, умение *предугадывать* события, чем среди прочего и отличается умный человек. В завершение можно добавить, что многие слова, использующиеся в качестве метафор в адрес дураков, содержат сему «невнимательность»:

Se tohelo poika ei se nää mittää, eikä se luule mittää, eikä se huomaa mittää (Perkjärvi). «Этот дурной парень не видит, не думает, не замечает ничего».

Проанализируем некоторые лексемы, значения из сферы умственной деятельности которых развились благодаря актуализации мотива поиска и осязания.

Глагол ***haamata***, согласно этимологическому словарю, означает ‘искать ощупью, стремиться, достичь, дотронуться, взять руками или зубами, тянуться за чем-л.’ [10]. Другие глаголы этого же ряда ***haamailla***, ***haamaista***, ***haamuilla*** дополняют значения: ‘нащупывать, шарить, пытаться пой-

мать / приобретать, заполучать, добывать / думать, размышлять, намереваться' [8]:

Hevone hoamas hampaillaa kiini minua taki lahvista (Karstula). «Лошадь пыталась ухватить зубами полу моего пальто».

Mitä sinä huamailet? – Töppösiän etin (Pielavesi). «Что ты ищешь? – Валенки ищу».

Tyttö on niin laiska ettei haamailekkaan ottaal luutaa kätehensäv vaikka lattia or roskia täynnä. Minä en ois kans haamaillu naimisiin, jos olosin tiennyt vaikeudet (Himanka). «До того ленивая девка, что и не подумает метлу в руки взять, хоть на полу полно мусора. Не стал бы на ней жениться, если бы знал».

Видимо, в одно гнездо с названными глаголами входят ***hamata*** (Lönnrot) и ***haamita*** (встречается в ингерманландской эпической поэзии) 'заметить', которые SSA связывает этимологически с вепс. ***hama***, ***ham*** 'память; ум', ***hamatoi*** 'глупый', фин. ***haamatti*** 'разум, умение, внимательность, наблюдательность' [10]: *Oli sillä sen verran hoamattia että osas tulla kotia* (Jämsä). «У него было столько сообразительности, чтобы найти путь домой».

Ту же модель развития семантики воплощают глаголы ***käsittää*** и ***käsitellä***, в основе которых лежит слово ***käsi*** 'рука'. В современном литературном и разговорном финском языке ***käsittää*** употребляется в значении 'понимать, соображать, разуметь'. Однако эти указания на интеллектуальную деятельность произошли из первоначальной семантики 'поймать, достичь, преследовать, взять в руки', сохранившейся в финских народных говорах. Глагол ***käsitellä*** 'рассматривать, обсуждать проблему, вопрос' в финских диалектах также значит 'держать в руках, пожать руку'. Он известен и родственным языкам, где его значения варьируются в зависимости от различных ситуаций, связанных с рукой и прикосновением: от 'дотронуться рукой, держать в руках, убить ножом, прикоснуться, взять на руки' до 'придумать, понимать' [10].

В этимологическом словаре высказывается предположение относительно развития семантики глаголов ***käsittää*** и ***käsitellä***, согласно которому значение 'взять в руки, поймать' естественным образом перешло в стадию 'рассматривать что-л. находящееся в руках, изучать', что и привело впоследствии к употреблению этих глаголов в значении 'замечать, обнаружить, распознать, сообразить, понять'.

Рассмотренная модель позволяет говорить о том, что в финской языковой картине мира человек осваивает мир через осязание, прикосновение.

Одним из наиболее интересных выглядит развитие семантики глагола ***ymmärtää*** 'понимать, соображать', широко употребляемого как в литературном, так и в разговорном финском языке. История языка свидетельствует о вторичности данной семантики. Будучи производным от основы, сформировавшей наречие ympäri 'вокруг' (с учетом чередования mp/mm, со слабой основой ymmä-), данный глагол в ряде прибалтийско-финских языков и диалектов указывает и сейчас на такие действия, как 'обвивать, окружить что-л., двигаться вокруг, объезжать, достигать, поймать, прислуживать кому-л.' Последнее из представленных значений не выбивается из общей логики, поскольку иллюстрирует образное вращение вокруг обслуживаемой персоны. Вероятно, именно из значения конкретного действия «обвить, окружить, схватить» вырастает через стадию «осязать, распознавать то, что окружено, поймано» семантика «понять». Благодаря этому переходу глагол ***ymmärtää*** стал функционировать в значении 'понимать, соображать', которое наиболее привычно для носителя современного финского языка.

Следующими в предложенном ряду лексем так называемой интеллектуальной сферы будут рассмотрены три глагола, возникших по одной модели: ***tutkia***, ***keksiä***, ***harkita***. Глагол ***tutkia*** 'исследовать, изучать' первоначально означал 'искать, ощупывать шестом с заостренным концом (главным образом предметы, находящиеся в воде)' [4; 81, 9]. В финском, а также в родственных языках существительными ***tutka***, ***tutkain*** обозначается 'наконечник, острие, конец (концы основы у ткани)'.

Глагол ***keksiä*** 'изобрести, открыть, придумать, выяснять' развился из существительного ***keksi*** 'багор, простая ручная борона, окучник, крюк, которым затаскивают рыбу в лодку' и первоначально означал 'доставать, зацепить багром'. Логично, что глагол ***keksiä*** известен диалектам финского языка в конкретных значениях, связанных с указанной основой, например 'работать мотыгой':

Jokane keksis perunvavostas oma osas (Perniö). «Каждый окучит свое поле».

Вероятно, следующий этап в развитии полисемии заключался в том, что мотив *поиска* и *осязания* спровоцировал употребление слова в значении 'замечать, находить':

Se (tarkka metsästäjä) keksii soaliin, olokaav vaikka minkälaesessa kohti (Iisalmi). «Он (внимательный охотник) заметит добычу, где бы ни пряталась».

В дальнейшем своем развитии глагол начал употребляться в значении 'придумать', то есть 'достичь умом или чувствами':

Liekkö toellisuuvessa olluv (t. tapahtunut) van viisaat ovat keksineet (Puolanka). «Произошло ли это в действительности или умники придумали».

Minä viisaan keinon keksin (Vihti). «Я придумал умный способ».

Ряд может быть продолжен глаголом ***harkita***, а также вариантом ***harkkia*** 'обдумывать, взвешивать, обсуждать' с конкретным первоначальным значением 'искать багром или шестом что-либо

на дне моря’, в основе данного гнезда – существительное ***harkki*** ‘кошка, борона, вилы, крючок, зацеп’: *Ei sitä (talvinuottaa, josta on vetoköysi katkennut) vois saar millä muul ku harkil ylös* (Rymättylä). «Его (невод-подледник, в котором порвался основной шнур) ничем, кроме зацепа, не достать наверх».

Процедура поиска, сопровождавшегося непосредственным физическим контактом, переосмысляется и переносится на уровень мыслительной деятельности.

Kirsti sanoi, että hä harkittee vähä aika asiaa (Vihti). «Кирсти сказала, что она обдумает этот вопрос некоторое время».

Se poeka ei hättäile, se harkihtoo ensin (Maaninka). «Этот парень не суетится, он подумает сначала».

Таким образом, умственная деятельность (*вспомнить, сообразить, придумать, изобрести, изучить, понять, знать* и т. п.) представляется в финской языковой традиции действием, напоминающим поиск ощупью, освоение неизведанной территории, исследование, а точнее, прощупывание ее каким-либо заостренным орудием. Процесс понимания ассоциируется у носителя языка с непосредственным контактом, осязанием, рассматриванием, а затем усвоением.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Примеры собраны из словаря финских диалектов (SMS), в скобках указывается говор.

[2] В специальной литературе значение ‘понимать, осознавать’ у глагола käsittää рассматривается как возможная германская семантическая калька, однако не исключается, что подобное развитие семантики могло происходить и на своей почве [10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахвалова Т. В. Характеристика интеллектуальных способностей человека лексическими и фразеологическими средствами языка. Орел: Орловский гос. пед. ин-т, 1993. 130 с.
2. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. М.: Индрик, 2007. 600 с.
3. Леонтьева Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2008. 280 с.
4. Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка: Пер. с финск. М.: Изд-во иностранной лит., 1955. 292 с.
5. Kotimaisten kielten keskus [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kotus.fi/index.phtml?s=2
6. Nirvi R. E. Sanoja ja käyttäytymistä. Helsinki, 1964. 194 s.
7. Nykysuomen sanakirja. Osat 1–3. Helsinki, 1983.
8. Ruoppila V. Vajaaälyisen kuvaannollisia nimityksiä // Virittäjä. 1955. S. 222–238.
9. Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osat 1–6. Helsinki, 1978.
10. Suomen murteiden sanakirja. Osat 1–8. Helsinki, 1985.
11. Suomen sanojen alkuperä. Osat 1–3. Helsinki, 1992.

Февраль, № 1 **Филология** **2012**

УДК 882.09

ГЮЛЬНАРА АШРАФОВНА МЕХРАЛИЕВА
соискатель кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет
mekhralieva@mail.ru

БАСНЯ В СКАЗОЧНОМ МИРЕ ЛЮДМИЛЫ ПЕТРУШЕВСКОЙ

В статье рассматриваются черты басни и притчи в сказках Людмилы Петрушевской. Показано, что двусмысленность и пародийность концовок сказок писательницы, напоминающих басенную мораль, объясняются внутренней противоречивостью сентенций, звучащих в басне.

Ключевые слова: Л. Петрушевская, литературная сказка, басня, притча

Присутствие постмодернизма в детской литературе – большая тема, которая еще ждет своего исследователя. Но уже сейчас очевидно, что детская литература не может существовать изолированно, не испытывая воздействия текущего литературного процесса, что спорадически отмечается в исследованиях последних лет [14; 33].

Игра как художественный принцип, характеризующий постмодернизм, в том числе игра с цитатами, аллюзиями и целыми жанрами, проявляется в сказочном творчестве современной писательницы Людмилы Петрушевской. Исследователи не раз обращали внимание на «литературность» ее сказок [8; 260–261], [13; 111–122], [11]. Действительно, многие из них отсылают к известным (сказочным и не только) сюжетам, образам и мотивам. Среди источников ее сказок – и такой специфический и редкий сегодня жанр, как басня.

Басня – жанр, хорошо знакомый каждому, обладающий устойчивыми характеристиками. В то же время, несмотря на давнюю историю басни, которая корнями уходит в античность, круг ее авторов достаточно узок (Эзоп, Федр, Бабрий, Лафонтен, И. Крылов, Козьма Прутков, Д. Бедный, С. Михалков и др.). «Что в наше время называется баснею? – писал В. А. Жуковский. – Стихотворный рассказ происшествия, в котором действующими лицами бывают или животные, или твари неодушевленные. Цель сего рассказа – впечатление в уме какой-нибудь нравственной истины, заимствуемой из общежития и, следовательно, более или менее полезной» [6; 375]. Добавим к этому, что басня может быть и прозаической, ее героями иногда выступают люди. «Нравственная истина», то есть мораль, выводимая в басне, завершает, реже открывает произведение.

Некоторые сказки Петрушевской завершаются краткой сентенцией, похожей на басенную мораль: «Говорят – слезами горю не поможешь. А бывает наоборот. Смотря кто плачет и кто потом смеется» [9; 28] («От тебя одни слезы»); «Некоторые вещи лучше не замечать, не все в этом мире совершенно…» [9; 284] («Волшебные очки»), «Вот наша жизнь нужна – вот мы и живем» [9; 287] («Котенок Господа Бога»). Сказка «Волшебная ручка» из цикла «Приключения с волшебниками» и вовсе заканчивается словами, прямо указывающими на этот басенный прием и даже на сам жанр: «А мораль сей басни такова – бесплатное обходится иногда дороже, особенно ворам!» [9; 130].

Больше всего таких концовок – в сборнике «Дикие животные сказки»: «От своей сестре не уйдешь, к сестры же и возвращаешься, к Лиды: родня» [10; 58] («День рождения»), «…а тут, дома, где родился, там и пригодился» [10; 61] («Дядя Степа эмигрант»), «Женщины пристальнее мужчин» [10; 68] («Женщины пристальнее мужчин»), «Так что психология психологией, а все решает питание» [10; 72] («Психология»), «Ведь правильно говорят, что у мужа и жены должны быть одинаковые взгляды на жизнь – в этом основа крепкой семьи» [10; 76] («Слава Зайцев»), «…счастье – это когда дети сыты, обуты, одеты, здоровы и их нет дома» [10; 143] («Карл Маркс») и т. д.

В сказках Л. Петрушевской мораль может не декларироваться прямо, а логически вытекать из сказочного сюжета. Например, Л. Сафронова усматривает «аллегорический, чисто басенный пласт сказки» «Будильник» «с лежащей на поверхности басенной моралью (“против природы не пойдешь”)» [12]. То же можно сказать и о многих других сказках Петрушевской, имманентно включающих в себя нравоучение. Кроме того, в цикле «Нечеловеческие приключения» есть сказка «Жучок-водомерка», содержащая явные отсылки к хрестоматийной басне И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей». Трудолюбивый жучок-водомерка, обеспечивающий свою многочисленную семью – мать, братьев и сестер, напоминает крыловского Муравья, а Стрекоза – Стрекозу из той же басни. Но в сказке Петрушевской эти герои не аллегории добродетелей и пороков, а характеры. Стрекоза не просто беззаботная и легкомысленная, она может быть хитроумной и коварной: вселиться в домик к жучку, шантажировать его («Я сейчас брошусь отсюда в воду и утону. Ты что, хочешь, чтобы я утонула, ну?» [9; 31]). Водомерка – не просто труженик, но и семьянин («Это была тихая и почтенная семья, и все водомерки называли маму на “вы”» [9; 31]), при

© Мехралиева Г. А., 2012

этом он настолько робок, что не может выгнать незваную гостью.

Сказка «Жучок-водомерка» как бы продолжает басенный сюжет, отталкиваясь от ситуации, противоположной той, что басня провозглашает нормальной: труженик остается бездомным и подвергается опасности, а бездельник пользуется всеми жизненными благами. Это произведение задает вопрос (что будет, если Стрекоза, олицетворяющая лень, получит желанное, но незаслуженное?) и недвусмысленно отвечает на него. Стрекозе новая жизнь представляется так: «Вечерами бы к нам приходила прекрасная компания музыкантов. <…> Тихая музыка над вечерней водой среди звезд тумана и аромата цветущего луга» [9; 30], но ей приходится уйти из занятого домика, потому что и там надо работать: «Пауки поселялись в любом пустом углу молниеносно и заплетали все так, что младшие дети увязали в паутине по грудь. Водомерка воевал с пауками. Это была опасная и трудная война» [9; 32]. В этой войне Стрекозе приходится уступить и уйти; уходя, она говорит: «Лучше ночевать на воздухе, чем с пауками» [9; 34].

Басню Крылова «Стрекоза и Муравей» отличает двойственность и сомнительность выводимой морали. Действительно, можно ли сочувствовать жестокому, хотя и справедливому заключению Муравья: «Так поди же, попляши!»? Л. С. Выготский отмечает, что это остро чувствуют дети, которые жалеют Стрекозу [3; 120–121]. У Петрушевской благодаря разработке характеров героев наказание Стрекозы соразмерно ее преступлению.

«Дикие животные сказки» близки к басне и тем, что их герои – животные, как это чаще всего бывает в басне. В этом, по мысли М. Л. Гаспарова, проявляется «обобщенность басенного повествования»: «…пример, в котором действуют лишенные человеческой индивидуальности животные, естественно оказывается применим ко всему роду человеческому» [4; 8]. То, что сказки посвящены людям, Л. Петрушевская подчеркивает с помощью внетекстового средства – иллюстраций, выполненных ею специально для этих сказок. Так, ежик Витек изображается молодым мужчиной в полосатой майке и с прической «ежик», козел Толик – мужчиной в шляпе и с козлиной бородкой. (Иногда, впрочем, в этих портретах проглядывают зооморфные черты: например, у клеща тети Оксаны на рисунке шесть рук.)

Герои «Диких животных сказок» обладают не только всевозможными слабостями и пороками людей, но и их интересами, ценностями и желаниями. Может показаться, что, как и персонажей басен, их отличает одна гипертрофированная черта, которая полностью исчерпывает их характер. Червь Феофан, не замечая происходящего вокруг, предается философствованию, а карп дядя Сережа, который имел «одну в жизни цель, одно заветное желание» [10; 93], мечтает съесть Феофана («Нирвана»). Но другие сказки, в которых действуют эти герои, открывают их с новых сторон. Оба они хотят прославиться и принимают участие в рыболовных соревнованиях («Жажда славы»). Карп дядя Сережа играет в теннис («Уимблдон»), «а после того как главная цель и мечта его жизни, червь Феофан, не пошел на отношения, все интересы бедного карпа ограничились гастрономом на углу и поисками новых знаков отличия» [10; 96], которые он носил на себе. «Дикие животные сказки» изобилуют такими примерами, что сближает их с фольклорными сказками о животных, поскольку «герои собственно животных сказок наделены двойственными признаками – человеческими и животными» [7; 82].

Слияние животного и человеческого, биологического и социального можно наблюдать и у героев «Диких животных сказок». Прежде всего это проявляется в том, что все герои цикла, от пня с опятами Смирнова до младшего лейтенанта милиционера Володи, обладают именами (как и во многих случаях герои животных сказок, в отличие от героев басен). Кроме того, им свойственны исключительно человеческие устремления и поступки – организация любительского театра («Сила театра», «Сила искусства»), съемки в кино («Роль»), пение в хоре («Репетиция хора», «Маккартни», «Кукувечка»), участие в спортивных соревнованиях («Жажда славы», «Уимблдон») и т. п. Но даже самые далекие от животного мира действия, примеров которых можно привести множество, неизменно соседствуют с проявлениями животной сущности: «Как-то раз баран Валентин не вытерпел и все-таки надел колготки (“Ливайс”, новые, сам распечатал), но не до конца, концы болтались. <…> Утром на надетой части колготок, а именно между рогами, обозначились стрелки и пунктиры, а в одном месте в образовавшуюся лакуну выпала наружу шерсть» («Вялые уши») [10; 131].

Баран, желающий быть модным, – лишь один из смешных примеров соединения несоединимого. Этот прием лежит в основе построения всех образов и ситуаций «Диких животных сказок» и также проистекает из канонов животной сказки, в которой «бытовая насыщенность… помноженная на откровенное несоответствие поступков персонажей тому, как ведут себя реальные животные, является источником комического и одновременно позволяет сказке уйти от аллегорической дидактики» [7; 85].

От басен сказки цикла «Дикие животные сказки» отличает и то, что нравоучение, завершающее произведение, приобретает у Петрушевской пародийное, ироничное звучание. Авторскую иронию, возникающую уже на уровне заглавия, отмечает Ю. Н. Серго: «Перестановка слов (“животные сказки” вместо “сказки о животных”) и добавление слова “дикие” демонстрируют, с одной стороны, разрыв связи с культурной традицией, с другой стороны – тяготение к ее воспроизведению, но не в высоком смысле, а по типу массового сознания» [13; 111]. Ирония, направленная на знаки высокой культуры, пронизывает собой

весь этот сказочный цикл, выражаясь в том числе в пародировании и даже деструкции басенной морали.

Например, в сказке «Сила искусства» повествуется о спектакле театра зверей «Чайка». Мораль, выведенная в ее конце («Сила искусства такова, что не все ее выносят» [10; 206]), является следствием описания не спектакля (которому и посвящено произведение), а банкета, в результате которого испуганный улитка Герасим пополз к пруду, а лягушку Самсона на спине увезла в болото жена Женечка. В сказке «Таракан-фис», заканчивающейся моралью «юношеские порывы не всегда совпадают с реальностью» [10; 159], порывы героя заключаются в том, чтобы освободиться из-под семейного гнета и уйти жить к образованной девушке, а несовпадение порывов с реальностью вызвано всего лишь тем, что «подметать все равно никто не подметал» [10; 159].

С другой стороны, необходимо отметить, что пародийность «басенных концовок» в сказках Л. Петрушевской вырастает из той внутренней противоречивости, которую заметил Л. С. Выготский в поэтической басне Крылова и Лафонтена: «…мораль превращается у этих авторов в один из поэтических приемов… Она играет большей частью роль или шуточного введения, или интермедии, или концовки, или чаще так называемой литературной маски. <…> Баснописец никогда не говорит от своего имени, а всегда от имени назидательного и морализующего, поучающего старика, и часто баснописец совершенно откровенно обнажает этот прием и как бы играет им» [3; 109].

Жанру басни близка притча. Последняя «отличается тяготением к глубинной “премудрости” религиозного или моралистического порядка», она «в своих модификациях есть универсальное явление мирового фольклорного и литературного творчества» [1]. Событиям, происходящим в притче, придается всеобщий смысл, а ее содержание более важное и глубокое, чем содержание басни [5; 197]. По словам Э. М. Береговской, «в основе притчи лежат вечные нравственные истины, тезисы, которые представляют фундамент человеческой морали…» [2; 40]. Формальным отличием этих двух близких жанров является то, что «у басни мораль составляет неотъемлемую финальную или инициальную часть текста, в притче же истолкование факультативно…» [2; 41]. Литературные произведения могут включать притчи в свой состав (достаточно вспомнить, например, притчу о луковке в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского), черты этого жанра можно наблюдать в произведениях многих авторов – Г. Мелвилла, У. Фолкнера, К. Воннегута, Э. Хемингуэя, А. Камю, Г. Гарсия Маркеса, Ч. Айтматова, В. Быкова, В. Маканина, Ф. Искандера. В этом случае правомерно говорить о притчевости или притчеобразности произведений указанных авторов.

Влиянием жанра притчи отмечены и некоторые сказки Людмилы Петрушевской: «Сказка о часах», «Отец», «Девушка-Нос», «За стеной». Рассмотрим в качестве примера сказку «Отец». Главный герой этой сказки не имеет имени: «Жил на свете отец, который никак не мог найти своих детей» [9; 159]. Впрочем, детей отец не терял, а только чувствовал, что они где-то должны быть. Благодаря совету волшебницы он находит ребенка в лесной избушке, где встречает женщину, которая тоже нашла своего ребенка. По дороге отец и мать обо всем забыли. «Они помнили только, что была какая-то очень трудная ночь, долгая дорога, тяжелые времена одиночества, но теперь у них родился ребенок, и они нашли то, что искали» [9; 165]. Здесь все – от места действия до отсутствия имен героев – предельно обобщено и символично, как того требует притча, кроме того, сказка содержит не простую житейскую мудрость, как басня, а приобретает общечеловеческий смысл.

В сказках Людмилы Петрушевской элементы басни и притчи органично входят в сказочный жанр в виде нравоучительных финалов-выводов. В цикле «Дикие животные сказки» подобные концовки трансформируются, утрачивая нравоучительность, являющуюся неотъемлемым свойством басни, и пародируют стремление не столько басни, сколько литературной сказки быть «учебником жизни».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. Притча // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М.: Сов. энциклопедия, 1971. Т. 6. Стлб. 20.
2. Береговская Э. М. Поэтика современной притчи // Филологические науки. 2007. № 1. С. 40–49.
3. Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Педагогика, 1987. 345 с.
4. Гаспаров М. Л. Античная литературная басня. М.: Наука, 1971. 280 с.
5. Давыдова Т., Пронин В. Басня и притча // Литературная учеба. 2003. № 3. С. 195–197.
6. Жуковский В. А. О басне и баснях Крылова // Жуковский В. А. Соч.: В 13 т. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1980.
7. Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. М.: Наука, 1987. 272 с.
8. Маркова Т. Н. Формотворческие тенденции в прозе конца XX века: Дис. … д-ра филол. наук. Челябинск, 2005.
9. Петрушевская Л. С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. Харьков: Фолио; М.: ТКО АСТ, 1996. 256 с.
10. Петрушевская Л. С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. Харьков: Фолио; М.: ТКО АСТ, 1996. 352 с.
11. Прохорова Т. Г., Сорокина Т. В. Гофмановские реминисценции в «кукольном романе» Л. Петрушевской «Маленькая волшебница» // Поэтическое перешагивание границ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002. С. 139–146.
12. Сафронова Л. Проблема автора и героя и жанр литературной сказки (на материале сказки Л. Петрушевской «Жил-был будильник») [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://newwave.at.ua/publ/1-1-0-47
13. Серго Ю. Н. Поэтика прозы Л. Петрушевской. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2009. 158 с.
14. McNulty M. H. Postmodernism in children’s books // Postscript. 2004. Vol. XXI. P. 81–96.

Февраль, № 1 **Философия** **2012**

УДК 111

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ВОЛКОВ
кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Петрозаводский государственный университет
alexvolkoff@bk.ru

НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

В статье отражена одна из тенденций современной философии науки – ориентация на экспликацию «человеческого» измерения научного познания. С опорой, с одной стороны, на материал истории науки, с другой – на эволюционно-эпистемологические, антропологические исследования делается попытка показать взаимосвязь между фундаментальными научными категориями (тождественность и причинность), принципами научного знания и особенностями эволюционной истории человека.

Ключевые слова: эволюция, эпистемология, человек, научное познание, тождественность, причинность, психика

Специфика научного познания, его происхождение и развитие – это тема, которая уже на протяжении многих десятилетий волнует представителей самых различных дисциплин (среди них философия, история, социология, психология) и, по-видимому, останется одной из самых актуальных для исследований темой. Данное обстоятельство выглядит вполне оправданным и объяснимым. Дело в том, что среди многообразия тех форм культуры и типов мировоззрения, которые выработало человечество за время своего существования в процессе освоения окружающего мира, именно наука на сегодняшний день является главным источником наших знаний о мире, именно она занимает центральное положение в современном информационном обществе. Даже не перечисляя те конкретные блага и достижения, появлению которых современная цивилизация обязана науке, можно заранее сказать, что их список будет обширным и впечатляющим. Вместе с тем с философской точки зрения интерес представляют не сами по себе эти материально-технические достижения, а скорее тот идеал рациональности, который выступает стержнем развития научного познания. Именно он является предметом многих современных философских размышлений.

По мнению ряда отечественных философов, применительно к современному этапу развития научного познания можно говорить о формировании нового – неклассического (В. С. Швырев, А. В. Кезин) и даже постнеклассического (В. С. Степин) идеала научной рациональности, характерной чертой которого является фиксация субъектных средств и установок познавательной деятельности. С учетом специфики современного идеала рациональности оформляются и тенденции философского анализа научного познания. В частности, в современной философии сложился запрос на осмысление научного познания в отношении к фундирующему его источнику – человеческому бытию. Традиционно данное осмысление осуществлялось по линии анализа социокультурной обусловленности научного знания. Человек, однако, принадлежит не только миру социума и культуры, но и миру природы, а между тем эволюционно-биологическая форма обусловленности познания часто оставалась в тени философского интереса. Такое разъятие социокультурного и биологического начал познавательной деятельности приводит к односторонней репрезентации картины познания. В этой связи настоятельной потребностью оказывается восстановление антропологической целостности и полноты феномена знания. Опираясь, с одной стороны, на материал истории науки, с другой – на эволюционно-эпистемологические, антропологические исследования, мы постараемся показать взаимосвязь между фундаментальными научными категориями (тождественность и причинность), принципами научного знания и особенностями эволюционной истории человека.

В свое время К. Лоренц, австрийский зоолог, один из основателей этологии (науки о поведении животных), назвал великим и фундаментальным открытием мысль Канта о том, что человеческое мышление и восприятие обладают определенными функциональными структурами до всякого опыта. Считая кантовскую идею априори принципиально важной для исследования мироориентации живых существ, Лоренц привел ряд любопытных биологических сравнений. Он обратил внимание, что форма плавника рыбы или копыта лошади заданы уже до всякого взаимодействия отдельного, конкретного малька с водой или лошади с грунтом, то есть априори. Подобного рода ситуация имеет место и с человеком: те формы и категории, в которых человек мыслит и воспринимает реальность, тоже заданы априори, то есть до всякого контакта отдельного частного индивидуума с окружающей реальностью, ибо они предопределены самой конституцией человека как биологического вида. В этой связи Лоренц говорит о существовании так называемого «филогенетического

© Волков А. В., 2012

априори», смысл которого состоит в том, что всякое живое существо, в том числе человек, формирует свое отношение к окружающей среде на основе генетически унаследованной, предопределенной программы [4].

Отталкиваясь от идеи Лоренца, видимо, не будет большим преувеличением сказать, что в ходе эволюционной истории человека было два события, оказавших существенное воздействие на выработку фундаментальных категорий, составивших впоследствии предпосылки научно-познавательного отношения к миру. Речь идет о филогенетически приобретенной человеком способности к передвижению и способности к психическому запоминанию информации об окружающем мире. Эти два фундаментальных инструмента жизнедеятельности тесно связаны с категорией тождества и причинности.

Факт, что человек способен описывать окружающий мир в терминах множества обладающих идентичностью тел, – скорее всего следствие приобретенной много сотен миллионов лет назад способности двигаться. Собственно идентичность некоего пространственного объекта вполне может рассматриваться как инвариант движения [6]. Это можно показать на примере разницы между тем, что называется «пространством» и «временем». Считается, что время «течет» необратимым образом и никто не в силах восстановить какую-либо часть прошлого. Человек не способен двигаться назад и вперед между двумя точками на шкале времени, но он превосходно делает это в пространстве. Когда мы утверждаем, что некто переместился из точки А в точку Б, а затем вернулся обратно, то подразумеваем, что точка А, откуда совершался старт, и точка А в качестве пункта возврата идентичны. Данное суждение возможно лишь поскольку то, что мы называем «идентичным», действительно не испытывает никаких влияний со стороны передвижения. Это и означает: идентичность есть инвариант движения.

То обстоятельство, что в процессе биологической эволюции локомоция стала одним из важнейших операторов человеческой жизнедеятельности, а категория тождественности – инвариантом этого оператора, нашло непосредственное отражение в классической механике. Данная теория, как известно, оперирует движением точечных объектов («материальными точками») в трехмерном пространстве. Каждый из таких объектов себетождествен и тождествен любому другому объекту. В свою очередь, на базе понятия идентичности как инварианта движения оформляется понятие однородности пространства и как следствие – закон сохранения импульса.

Вышесказанное относится и к категории причинности. Разумеется, опыт не в состоянии предоставить основания для причинности, понимаемой как всеобщая и необходимая связь явлений, объектов и т. д. Однако он вполне может служить источником идеи об устойчивых, повторяющихся взаимосвязях явлений. То, что человек способен описывать окружающий мир как совокупность регулярно воспроизводящихся взаимосвязей, есть, по-видимому, результат определенного филогенетического развития и, в частности, следствие приобретения человеком такого когнитивного оператора, как память. Лучше всего данное обстоятельство раскрывается на примере временной асимметрии – одного из признаков причинного отношения. Временная асимметрия означает, что причина всегда предшествует действию во времени, но не наоборот. Между тем сам вывод, что некое А предшествует некоему Б, возможен лишь в том случае, если субъект способен помнить о событии А, когда имеет место событие Б. Кроме того, для описания мира в терминах причинности требуется еще и способность воспринимать одни временные промежутки как длинные, а другие как короткие. То есть должен быть некий присущий памяти механизм, задающий метрическое восприятие времени. Безусловно, становление в ходе эволюционной истории человека такого когнитивного оператора, как память (и связанной с ней категории причинности), нашло свое отражение в науке. В частности, в классической механике на базе понятия каузальности как инварианта по отношению ко времени возникает представление об однородности времени и как следствие – закон сохранения энергии.

Разумеется, говоря об эволюционно-биологической обусловленности научного знания, нельзя не обратить внимание на то, что в ходе эволюционного процесса у человека сформировались формы и категории для восприятия прежде всего тех аспектов реальности, считаться с которыми было императивом выживания человеческого рода. Между тем вполне можно и должно допустить, что у реальности имеются и множество других аспектов, знание которых не имеет непосредственного жизненно важного значения и для познания которых имеющиеся у человека формы и категории могут оказаться недостаточными. Так, в частности, произошло в физике и химии, когда они стали проникать на субатомный уровень. Вот один из характерных примеров.

Как известно, начиная с Г. Галилея понятие числа, величины, а также использование математики прочно входят в «тело» современной науки. По поводу данного обстоятельства Н. Бор писал: «Галилеева программа, согласно которой описание физических явлений должно опираться на величины, имеющие количественную меру, дала прочную основу для упорядочения данных во все более и более широкой области» [1]. Между тем в начале XX века произошел один

любопытный случай. Немецкий физик В. Гейзенберг, один из основателей квантовой механики, обнаружил, что при попытке представить в теории ряд фундаментальных свойств квантовых объектов нарушается коммутативный закон умножения, согласно которому ab = ba. По воспоминаниям современников, Гейзенберг, обнаружив некоммутативность, чрезвычайно встревожился и решил, что это неизбежный конец квантовой теории и от нее надо отказываться [3]. Понадобилось некоторое время, чтобы осознать, что на самом деле обнаруженная некоммутативность свидетельствовала о том, что в квантовой механике наука столкнулась с существованием границ области применимости коммутативных математических величин.

Безусловно, значение вышеприведенных примеров заключается в том, что они демонстрируют определенную ограниченность представлений об эволюционно-биологической обусловленности познания вообще и научного познания в частности. Такие научные открытия, как теория относительности, квантовая механика, говорят том, что человек в состоянии создавать теории и гипотезы, выходящие за рамки мезокосмоса, под давлением требований которого формировался категориальный аппарат человеческого разума. И тем не менее, несмотря на все изменения, которые претерпел научный разум при переходе от классической к неклассической (и даже «постнеклассической») науке, он все же не оторвался полностью от эволюционно-биологических корней. Следует обратить внимание на то, что естественный отбор представляет собой долгий, крайне медленный процесс и тот факт, что большая часть эволюционной истории человека относится к эпохе плейстоцена, не мог не повлиять на становление когнитивных способностей и, в частности, навыков каузального мышления.

По оценкам антропологов, решающей для становления каузального мышления оказалась способность древнейших предков человека понимать поведение себе подобных в терминах внутренних (психических) состояний. Эта способность, которую иногда условно именуют «теорией сознания», является одной из самых давних. Ее появление связывается с представителями подсемейства гоминин (питекантроп, синантроп и т. д.) и объясняется возросшей степенью социальности, усложнением каменной индустрии, распространением коллективной загонной охоты. Действительно, репродуктивный успех в увеличивающемся по своим размерам первобытном коллективе напрямую зависел от способности его членов устанавливать дружественные связи, что, в свою очередь, требовало развития представления о существовании некоего внутреннего измерения, ментального плана человеческого поведения. Следует заметить, что эта элементарная в своей основе способность гоминин «видеть» поведение в терминах внутренних (психических) состояний, которые могут разниться от одного индивида к другому, вынуждала задаваться вопросом о причинах поведения того или иного члена коллектива и тем самым способствовала становлению элементарных навыков каузального мышления. Сказанное, однако, не означает, что каузальный тип мышления сразу распространился как на природный, физический, на так и социальный мир. Применительно к истории древнейших гоминин он скорее всего был ограничен социальной сферой.

Говоря об эволюционно-биологических истоках каузального мышления, нельзя не отметить ту роль, которую сыграла в его становлении охотничья деятельность первобытного человека. Археологические данные вкупе с наблюдениями над жизнью современных обществ охотников-собирателей позволяют считать, что первые анатомически современные, использующие язык люди (появившиеся на исторической арене, видимо, около 100 000 тыс. лет назад) должны были обладать развитым умением выслеживать добычу [5], [11]. В ситуации отсутствия огнестрельного оружия преследование раненого животного могло продолжаться до нескольких дней. Непосредственное опознание следов, которые свойственны тем или иным животным в подобного рода ситуации, оказывалось явно недостаточным. Скорее от первобытного охотника требовалось внимание к многообразию так называемых косвенных обстоятельств, например к тому, как потревожена галька, согнута ветка, примята трава и т. д. Можно сказать, что охотник был вынужден выдвигать определенные гипотезы, касающиеся как прошлого, так и будущего поведения преследуемого животного. То есть, опираясь на ряд доступных его наблюдению «знаков» и соотнося эти знаки с определенным запасом знаний об анатомии, поведении животных, особенностях ландшафта, он шел к определению ненаблюдаемых причин.

Примечательно, что мысль об эволюционных, филогенетических истоках способности человека к каузальному мышлению находит отражение в исследованиях психологии детского когнитивного развития, а также зоопсихологических исследованиях. Современные научные изыскания дают основания считать, что Ж. Пиаже существенно недооценил способность детей к пониманию каузальных отношений. Психологические эксперименты показывают, что движение неодушевленных объектов без каких бы то ни было внешних сил, а также внезапное исчезновение и появление предметов вызывают удивление у детей самого раннего возраста. Кроме того, способность к каузальному мышлению является, по-видимому, специфической человеческой когнитивной способностью. Данное обстоятель-

ство подтверждается, в частности, опытами на выполнение обезьянами и маленькими детьми задач на доставание предмета. Парадигмальным примером может послужить задача на извлечение приманки из специальной трубы. Приманку помещали в центральную часть прозрачной трубки, так что она была хорошо видна, но достать ее можно было только с помощью какого-нибудь приспособления. При этом в средней части трубки имелось отверстие, через которое приманка (продвинутая с помощью орудия) могла упасть в приделанный к ней стакан. Испытуемые (обезьяна и ребенок) должны были не просто правильно подобрать орудие – палку соответствующего диаметра, но вставить ее в трубку так, чтобы приманка не попала в ловушку. Требовалось таким образом учесть сложную связь между движением палки, отсутствием поддержки у приманки и силой тяжести. Подобного рода задачи, в которых для понимания каузальной связи необходима опора на наглядно невыраженные, то есть непосредственно ненаблюдаемые свойства, вызвали значительные трудности у обезьян (как высших, так и низших), но с ними достаточно быстро и легко справлялись 2–3-летние дети [12], [13]. Таким образом, если учесть, что способность к каузальному мышлению предполагает усмотрение непосредственно ненаблюдаемых механизмов («сил») взаимосвязи событий, то, видимо, действительно придется согласиться с тем, что данная способность является исключительно человеческим достоянием.

Итак, принимая во внимание тот факт, что склонность к каузальному мышлению категория причинности имеет определенную эволюционно-биологическую, можно предположить, что данная диспозиция не могла не наложить отпечаток на специфику научного познания. Действительно, хотя идея причинности не раз подвергалась и подвергается в рамках философии критике на том основании, что опыт не может обосновать идеи всеобщей и необходимой связи явлений, тем не менее в качестве регулятивного принципа познания данная идея вполне оправданна, о чем недвусмысленно свидетельствует история развития научного знания. Поясним сказанное.

Внимательный взгляд на развитие научного знания говорит о том, что при переходе науки от классической стадии к неклассической и постнеклассической произошли большие изменения. Прежде всего изменились представления о законе. Последний стал принципиально статистическим, вероятностным. Однако, несмотря на все трансформации, осталось и нечто неизменное, сохраняющееся. Это сама идея закона, законосообразной связи явлений. Так, квантовая механика не дает предсказаний, в какой именно точке пространства и в какой момент времени обнаружится та или иная элементарная частица. Однако на ее основе все же удается предсказать вероятность попадания элементарной частицы в данную точку пространства. Как известно, можно говорить о существовании двух типов детерминистического описания: о так называемом лапласовом детерминизме, когда имеется однозначная связь между начальным действительным состоянием объекта и его конечным (действительным же) состоянием, и вероятностном детерминизме, когда обнаруживается однозначная связь между начальным возможным состоянием объекта и его конечным (возможным же) состоянием. И если понятие лапласова детерминизма к микрообъектам неприменимо, то вероятностный детерминизм в квантовой механике все же имеет место [2].

Сходным образом дело обстоит и в синергетике. В своей физической части синергетика представляет собой термодинамику открытых систем и занята изучением систем, находящихся в неравновесном, неустойчивом состоянии. Для хаотических систем, которые являются предельным случаем неустойчивых систем, определенные предсказания также оказываются невозможными. И тем не менее эти хаотические, неустойчивые системы нельзя считать абсолютно неустойчивыми. Для таких систем возможно не любое состояние, а лишь такое, которое попадает в ограниченную, детерминированную область пространства. Для теоретической реконструкции поведения хаотических систем удалось разработать новый концептуальный аппарат, использующий вероятностное описание в терминах ансамбля траекторий. Тот факт, что наука попрежнему за многообразием событий ищет повторения, устойчивые регулярности, обладающие всеобщим, необходимым характером, свидетельствует о глубокой укорененности идеи причинности в человеческом когнитивном аппарате.

Отголоски древнего, филогенетического прошлого человека угадываются, похоже, и в еще одной особенности развития науки, а именно в ориентации ученых на принцип единства и простоты научного знания. С гносеологической точки зрения простота является средством квалификации информационных аспектов знания: она обязывает принимать во внимание количество информации, необходимое для построения концептуальных структур, связанных с познанием окружающего мира. Рассмотрение научного знания в аспекте его динамики показывает, что когнитивные системы науки, будучи средствами познания действительности, должны представлять собой построения с минимальным числом независимых допущений. Впервые выдвинутое Аристотелем требование минимизации допущений при объяснении проводилось также У. Оккамом («бритва Оккама»), Г. Лейбницем («принцип минимакса»), А. Эйнштейном («внутреннее совершенство теории») и др. Что касается един-

ства научного знания, то оно определяется установкой на прогрессивную интеграцию и унификацию знания. Так, Ньютону с единой точки зрения удалось объяснить движение земных и небесных тел. В созданной им классической механике открытые ранее Галилеем законы движения тел вблизи поверхности Земли и кеплеровские законы движения планет фактически потеряли свою самостоятельность, став проявлением единого закона всемирного тяготения. Максвелл преследовал цель объединить множество эмпирических законов, накопленных в обособленных учениях об электричестве, магнетизме и оптике, и тем самым оптимизировать, углубить научное знание. Синтетическим тенденциям в науке обязаны своим происхождением специальная теория относительности (синтез механики и электродинамики), квантовая механика (синтез корпускулярной и волновой механики), на пути синтеза общей теории относительности и квантовой механики разрабатывается единая теория поля и т. д.

Чем объясняется столь устойчивое присутствие в науке принципа единства и простоты знания? Думается, что и в данном случае мог бы оказаться полезным тот факт, что человеческий когнитивный аппарат, по крайней мере отчасти, является продуктом естественного отбора. Заметим, что в мире естественного отбора существо подчиняется императивам выживания и приспособления к окружающей среде. При этом для эффективного приспособления необходимо обладать как можно более полной информацией о том, что происходит в этой среде. Разум, или когнитивная система типа «мозг – психика», по-видимому, и сложился как средство информационного контроля среды, тем самым многократно умножив адаптивный потенциал своего носителя (в данном случае человека и его предков). Ввиду огромной временной дистанции, разделяющей современного человека и его предков, вопрос о развитии и специфике функционирования системы «мозг – психика» оказывается чрезвычайно сложным. И тем не менее, несмотря на эти трудности, в последние десятилетия накопились данные, позволяющие сделать некоторые предварительные выводы. Среди косвенных свидетельств, по которым приходится судить об особенностях функционирования разума наших эволюционных предков, весьма полезными являются различные артефакты эпохи палеолита. Для нас особый интерес представляют вещественные фрагменты нижнего палеолита – артефакты, содержащие выдолбленные, выгравированные насечки в виде абстрактных геометрических форм – чашеобразных углублений, меандров (пещера Аудиториум), треугольников (пещера Бломбос) и т. д. Данные свидетельства относятся к так называемому протоискусству. Попытки видеть в них некое символическое содержание – закодированную информацию, касающуюся тех или иных сторон жизнедеятельности наших предков, весьма спорны. Подобного рода трактовки приемлемы и распространены для артефактов верхнего палеолита – наскальных рисунков пещер Альтамира, Ласко, Пешь-Мерль и др. По отношению же к свидетельствам нижнего палеолита более удачной является нейрофизиологическая, когнитивная интерпретация [8].

Будучи вовлеченной в изменчивое многообразие окружающего мира, психика оказывалась как бы внутри плотного информационного потока, и для того чтобы не утонуть в нем, то есть приспособиться к окружающему миру, требовалось научиться извлекать из многообразия единство, из изменчивости – относительную устойчивость. В этой связи артефакты нижнего палеолита – абстрактные геометрические формы – стоит рассматривать не как результат отражения соответствующих форм в природе, а как материально закрепившиеся следствия попытки психики перевести себя на уровень организующей, структурирующей деятельности, которая бы устанавливала порядок, симметрию, гармонию в фрагментарно-текучем многообразии информационного потока. Данные соображения представляются особенно значимыми в связи с обращением к некоторым особенностям развития детской психики. Известно, что рисование является важным элементом в процессе детского развития и первые «художественные опыты» детей весьма схожи с содержанием артефактов нижнего палеолита. В промежутке от 18 месяцев до 3 лет детский рисунок эволюционирует от каракулей до геометрических форм и их комбинаций [10]. Гештальт-психологи усматривают в этом отражение направленности психики на извлечение упорядоченности, структурности. Выбор элементарных геометрических форм объясняется, видимо, и тем, что извлечение психикой порядка, симметрии способствует обретению ею эмоционально-положительного, комфортного состояния. Примечательно и то, что предпочтение из двух предложенных психологом-экспериментатором рисунков того, который содержит наиболее правильные, симметричные формы, совершается испытуемыми различной национальности, половой принадлежности, интеллектуального уровня [7], [9]. Данное обстоятельство можно рассматривать как свидетельство, подтверждающее идею об универсальности присущей человеческой психике ориентации на усмотрение порядка. Таким образом, представляется весьма не случайным тот факт, что принцип единства и простоты знания играет столь важную роль на протяжении всего развития науки. Дело в том, что сама когнитивная архитектура человеческого разума как бы предрасполагает к данным принципам.

Подведем итоги. Как мы постарались показать, содержание и развитие научного знания несут на себе печать эволюционно-биологических процессов. В эволюционном прошлом человека берут свое начало прежде всего фундаментальные научные категории и принципы. Сформировавшись в результате приспособления человеческого существа к окружающему миру, они отражают как наиболее общие особенности строения этого мира, так и специфику приобретенных человеком в ходе его эволюционной истории инструментов жизнедеятельности. Являясь предельно общими, данные категории и принципы задают цели и ориентиры научного познания, и именно они обладают наиболее устойчивым и сохраняющимся в ходе развития научного знания содержанием. В то же время важно заметить, что как часть природы человек не пребывает с ней в состоянии мертвого тождества. В противном случае познающий субъект так и остался бы привязан к мезокосмосу и определенному историческому типу научной рациональности. Появление теории относительности, квантовой механики, то есть неклассической науки, может рассматриваться как косвенное указание на то, что ученый должен быть готов не только осознать условность созданных им представлений об окружающем мире, но и уметь выйти за пределы этих представлений. Данное обстоятельство говорит о том, что понять специфику и развитие научного знания исключительно на основе эволюционной эпистемологии невозможно. Обрести искомое понимание можно только на путях взаимодействия и сотрудничества эволюционной и социальной, культурно-исторической эпистемологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бор Н. Избранные научные труды: В 2 т. М.: Наука, 1971.
2. Бранский В. П. Философия физики. Итоги и перспективы. СПб.: Политехника, 2002. 253 с.
3. Дирак П. Воспоминания о необычайной эпохе. М.: Наука, 1990. 205 с.
4. Лоренц К. Кантовская концепция a priori в свете современной биологии // Эволюция. Язык. Познание: Сб. науч. ст. / Отв. ред. И. П. Меркулов. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 15–42.
5. Carruthers P. Architecture of the Mind: Massive Modularity and the Flexibility of Thought. Oxford: Clarendon Press, 2006. 480 p.
6. Diettrich O. A Physical Approach to the Construction of Cognition and to Cognitive Evolution // Foundations of Science, special issue on «The Impact of Radical Constructivism on Science» / A. Riegler (ed.). 2001. Vol. 6. № 4. P. 273–341.
7. Götz K., Borisy A., Lynn R., Eysenck H. A new visual aesthetic sensitivity test (VAST): I Construction and psychometric properties // Perceptual and Motor Skills. 1979. Vol. 49. P. 795–802.
8. Hodgson D. Art, Perception and Information Processing: An Evolutionary Perspective // Rock Art Research. 2000. Vol. 17. № 1. P. 3–34.
9. Iwawaki S., Götz K., Eysenck H. A new visual aesthetic sensitivity test (VAST): II Cross-cultural comparison between England and Japan // Perceptual and Motor Skills. 1979. Vol. 49. P. 859–862.
10. Kellogg R. Children's drawings, children's minds. N. Y.: Mayfield Pub Co, 1979. 244 p.
11. Liebenberg L. The Art of Tracking: The Origin of Science. Cape Town: David Philip Publishers, 1990. 192 p.
12. Penn D. S., Povinelli D. J. Causal Cognition in Human and Nonhuman Animals: A Comparative, Critical Review // Annu. Rev. Psychol. 2007. Vol. 58. P. 97–118.
13. Visalberghi E., Tomasello M. Primate causal understanding in the physical and psychological domains // Behav. Process. 1998. Vol. 42. P. 189–203.

Февраль, № 1 **Экономика** **2012**

УДК 338.45

АЛЕКСЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ЧЕРЕПОВИЦЫН
доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой организации и управления экономического факультета, Санкт-Петербургский государственный горный университет
alekseicherepov@inbox.ru

АЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА ИЛЬИНОВА
аспирант кафедры организации и управления экономического факультета, Санкт-Петербургский государственный горный университет
iljinovaAA@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ В ОТРАСЛИ ФОСФОРСОДЕРЖАЩИХ МИНЕРАЛЬНЫХ УДОБРЕНИЙ

В статье проведен анализ отрасли и конкурентной ситуации на рынке фосфорсодержащих минеральных удобрений. На основании проведенного анализа выявлены ключевые факторы конкурентоспособности, отражающие специфические особенности отрасли и функционирование горнохимических холдингов в условиях нестабильной внешней среды.

Ключевые слова: ключевые факторы конкурентоспособности, отрасль фосфорсодержащих минеральных удобрений, стратегический анализ, конкурентная среда

В силу глобальных масштабов отрасли по производству минеральных удобрений основной конкурентной средой для нее является мировой рынок. Условия и требования глобальных рынков минеральных удобрений с жесткой конкуренцией, существенными колебаниями спроса и цен на различные виды продукции, нестабильным рыночным окружением диктуют требования по развитию системы менеджмента, повышению уровня конкурентоспособности и устойчивости за счет ориентирования на инновационные стратегии развития, включая внедрение новых форм управления, организации и кооперации труда, диверсификации производства, дистрибьюции, передовых технологий добычи сырья и производства минеральных удобрений, позволяющих адаптироваться к рыночным изменениям.

В современной теории стратегического управления понятие «конкурентное преимущество» является стержневым. Рыночные механизмы и конкуренция стимулируют поиск и развитие конкурентных преимуществ компаний, инструментарий выявления и управления которыми является предметом стратегического менеджмента [7].

Признанным авторитетом в теории конкуренции, конкурентных стратегий, управления конкурентными преимуществами, конкурентоспособностью отраслей и стран является основоположник школы позиционирования М. Портер. Теория конкурентных преимуществ М. Портера является одной из доминирующих в стратегическом менеджменте. В своих исследованиях М. Портер приходит к выводу о том, что конкурентные преимущества компаний зависят от того, в какой макросреде осуществляется их деятельность, при этом неизбежность влияния внешней среды оценивается им как фактор, определяющий состояние конкуренции [5], [6].

В рамках теории конкурентных преимуществ М. Портера прослеживается неоклассический вариант поведенческого толкования конкуренции как соперничества за лучшие результаты в какой-либо сфере и борьбы за ограниченное количество экономических ресурсов в соединении со структурной трактовкой, где делается акцент на анализ структуры рынка и условий, которые господствуют на нем. На наш взгляд, данная трактовка является актуальной для рынка минеральных удобрений в связи с преобладанием небольшого количества крупных интегрированных структур (олигополистический рынок), а также нестабильной внешней средой и волатильностью (склонностью к изменчивости цен) мировых рынков минеральных удобрений.

Таким образом, целью данного исследования является анализ отрасли и конкурентной ситуации и выявление ключевых факторов конкурентоспособности – источников конкурентных преимуществ для формирования стратегии повышения конкурентоспособности производителей фосфорсодержащих минеральных удобрений. При этом в рамках теории конкурентных преимуществ стратегия может быть определена как адаптивная, так как должна обеспечить соответствие стратегии компании специфике отрасли и нестабильной внешней среде.

Задачей исследования является оценка следующих факторов внешней среды [8]: основные экономические характеристики отрасли, формы и интенсивность конкуренции, причины изменений в структуре конкуренции и внешней среде,

© Череповицын А. Е., Ильинова А. А., 2012

деятельность конкурентов, источники конкурентных преимуществ в отрасли.

Мировая промышленность фосфорсодержащих минеральных удобрений имеет ряд особенностей: доступность фосфорной руды является ключевым фактором для производства удобрений (табл. 1); производственные мощности отличаются капиталоемкостью и сконцентрированы вблизи источников сырья или рынков сбыта; в силу несовпадения географии производства и потребления значительная доля продукции отрасли экспортируется (около 30 %).

Производство крупнейших компаний (рис. 1) сосредоточено в странах, имеющих высокий уровень балансовых запасов и производства руды.

Таблица 1

Основные страны – производители и экспортеры P_2O_5

№	Страна	Балансовые запасы руды, млрд т	Производство руды, млн т	Экспорт руды, млн т
1	Китай	6,6	60,5	2
2	США	1,2	30,85	0
3	Марокко	5,7	24,2	11,82
4	Россия	0,2	9,81	2,37
5	Тунис	0,1	7,62	0,89
6	Бразилия	0,3	6,34	0
7	Иордания	0,9	6,15	4
8	Сирия	0,1	3,22	2,5
9	Египет	0,1	3,18	1,6
10	Австралия	0,1	2,49	0
11	Канада	0,05	1	0
12	Другие	2,7	20,04	5,37
13	Всего	18,05	175,4	30,55

Рис. 1. Крупнейшие компании – производители фосфорсодержащих минеральных удобрений

Основные экономические характеристики мировой отрасли по производству фосфорсодержащих минеральных удобрений представлены в табл. 2, при составлении которой использована информация из [2], [3] и информация, полученная в результате исследований авторов статьи.

На основании табл. 2 можно сделать выводы о том, что отрасль является глобальной, то есть стратегические позиции компаний на основных географических и национальных рынках подвержены существенному воздействию со стороны их глобальных позиций. Основной механизм участия в международных операциях – экспорт продукции, а также экспорт/импорт капитала и технологий. Отрасль является высококонцентрированной, что определяет поведение участников на олигополистическом рынке. В настоящее время отрасль характеризуется низкими темпами динамики рынка, обусловленными избытком производственных мощностей, высокими барьерами входа-выхода из отрасли.

В условиях ожесточенной конкуренции (конкуренции, когда один субъект конкуренции поглощает, уничтожает либо вытесняет другого из отрасли [9]) в начале XX века произошло вытеснение некоторых крупных игроков из отрасли (Höchst, Irish Fertilizer Industry). Среди оставшихся в отрасли компаний в основном завершились процессы консолидации и концентрации с образованием крупных компаний, интегрированных на базовых, сырьевых ресурсах. Отрасль носит консервативный характер с практическим отсутствием новых крупных игроков на рынке, высокой степенью стандартизации продукции и доминантой на нее покупателя. Конкуренция в отрасли определяет направления развития компаний, стратегические решения вырабатываются в условиях тесной взаимозависимости участников, реализация стратегий компаний влияет на конкуренцию в отрасли [4].

В основе теории конкуренции М. Портера лежит идея о том, что способность фирм к завоеванию конкурентного преимущества на базовом рынке зависит не только от прямой конкуренции, с которой она сталкивается, но и от других сил, таких как потенциальные участники рынка, товары-заменители, покупатели и поставщики [5] (структурная трактовка конкуренции) (рис. 2).

Как правило, чем сильнее общее воздействие факторов конкуренции, тем ниже уровень прибыли всех компаний-конкурентов. Воздействие факторов конкуренции в отрасли фосфорсодержащих минеральных удобрений достаточно сильное. С этим связан невысокий среднеотраслевой уровень рентабельности отрасли – 10–12 %.

Для отрасли можно выделить следующие причины изменений в структуре конкуренции и внешней среде:

- изменение долгосрочных экономических тенденций. В среднесрочной перспективе планируется увеличение спроса на удобрения,

Таблица 2

Основные экономические характеристики отрасли

Основные экономические характеристики отрасли		Стратегическое значение
1. Размер рынка Темпы роста рынка Стадия жизненного цикла	Трансконтинентальный (глобальный); объем производства в натуральном выражении – 65,9 млн т Незначительный, 2–3 % в год В связи с ростом потребления удобрений прогнозируется до 5–7 % (2010–2014 годы)* Стадия насыщения	Привлекательность для реализации корпоративных стратегий крупными холдингами по слиянию, поглощению, приобретению. Темпы роста 2–3 % усиливают конкуренцию и приводят к вытеснению слабых компаний; до 5 % – привлекают новых конкурентов
2. Количество компаний в отрасли	Около 300 компаний с 700 предприятиями суммарной мощностью до 100 млн т. Доля рынка крупнейшей компании Mosaic – 16 %; доля крупнейших 8 компаний – 36 %	Высокая степень концентрации и конкурентного давления. Сильные позиции ряда лидеров, формирующих тенденции развития отрасли
3. Масштаб конкуренции	Глобальный, определяемый исторически сложившимся разделением стран на нетто-экспортеров и нетто-импортеров	При темпах роста рынка 2–3 % (до 2010 года) наблюдался выход крупных игроков из отрасли; консолидация и концентрация оставшихся компаний; снижение уровня конкуренции. При прогнозируемых темпах роста рынка до 5–7 % ожидается появление новых крупных игроков, способных преодолеть высокие входные барьеры; возможно усиление конкуренции
4. Потребители	Значительный круг конечных покупателей (несколько сотен тысяч), в основном фермерские хозяйства различного веса	Возможности диверсификации поставок
5. Степень вертикальной интеграции	Редуцированная модель интеграции (с поставщиками сырья), из 8 крупнейших компаний отрасли 8 имеют вертикальную интеграцию	Увеличивает требования к стартовому капиталу, определяет, при прочих равных условиях, более низкие производственные издержки у интегрированных компаний
6. Барьеры входа и выхода из отрасли	Высокие барьеры входа в отрасль (строительство новых мощностей обходится примерно в 1 млрд долл. на 1 млн т P_2O_5)	Требования к значительному размеру стартового капитала способствуют сохранению позиций и доходов уже существующих компаний
7. Технологии инновации	Производственная технология стандартна и консервативна (развитие – увеличение единичной мощности, совершенствование аппаратурного оформления). Инновационная деятельность не имеет первостепенного характера, что определяет консерватизм отрасли и длительный жизненный цикл продукции	Обеспечивает длительный жизненный цикл продукции и снижает отраслевые риски в связи с длительным периодом морального старения оборудования. Повышает эффективность производства в случае обновления основных производственных фондов и внедрения ресурсосберегающих технологий
8. Характеристика продукции	Высокая степень стандартизации и унификации основных потребительских характеристик удобрений; покупатели готовы к переходу на продукцию альтернативных поставщиков	Чем выше уровень стандартизации, тем сильнее давление со стороны покупателей в связи с легкостью перехода от одного покупателя к другому
9. Эффект масштаба	Фактор, имеющий принципиальное значение для поддержания конкурентоспособности за счет максимально возможной загрузки производственных мощностей, транспортировки крупной партии одному клиенту и др.	Определяет высокий уровень производственно-финансового рычага, то есть минимальные объем производства и долю рынка для обеспечения конкурентоспособного уровня удельных издержек
10. Степень загрузки производственных мощностей	Средняя степень загрузки производственных мощностей в последние 3 года – 65–75 %, 2010 год – 73,5 %	Излишек производственных мощностей приводит к энергичной конкуренции, падению цен и доходов компании
10. Отраслевой показатель прибыльности	Примерно на среднем уровне или ниже (10–12 %): из-за характера продукции при падении спроса цена резко снижается, однако при росте спроса снова возрастает (прибыльность напрямую зависит от спроса)	Низкая рентабельность обусловлена избытком производственных мощностей над потребностью. Высокая степень специфичности активов (наличие активов с узкой целевой направленностью) затрудняет уход компаний в другие сферы. В связи с прогнозируемым ростом спроса на удобрения возможно повышение уровня рентабельности
11. Отличительный отраслевой риск	Наличие сезонных колебаний цен, определяемых спецификой потребления удобрений в аграрном секторе	Заставляет внедрять структуры управления и технологии, адаптивные к изменениям рыночной конъюнктуры

* – прогноз International Fertilizers Association (IFA).

Рис. 2. Движущие силы конкуренции в отрасли

связанное, прежде всего, с ростом численности населения, сокращением культивируемых площадей и бурным развитием рынка биоэнергоносителей (табл. 3);

- выход на рынок крупных игроков. Значимым для рынка фосфорных удобрений является ввод в эксплуатацию мощного комплекса Maaden в Саудовской Аравии (2011 год). Конкурентоспособность продукции будет обеспечена за счет применения современных ресурсосберегающих технологий, оборудования высокой технологической мощности, использования собственного сырья (фосфоритов, серы) и природного газа и расположения перерабатывающего комплекса рядом с морским портом [1]. Кроме того, строительство новых небольших производств намечено в Индии и Китае, Венесуэле, Алжире, Марокко, Перу, Вьетнаме, Индонезии. Очевидно, такое развитие рынка приведет к изменению географии его мировых потоков, цен и усилению конкуренции в долгосрочной перспективе.

Сложившаяся ситуация на рынках минерального сырья, уровень конкуренции определяются силой и масштабом деятельности зарубежных компаний-лидеров, достигших совершенства в бизнес-процессе (табл. 4).

Крупнейшие мировые производители интегрированы на сырьевых базовых ресурсах, причем многие из них имеют доступ к сырью для производства сразу трех видов минеральных удобрений (фосфорные руды, калий, природный газ). Опыт зарубежных производителей показывает устойчивость компаний с развернутым продуктовым рядом по сравнению с фокусированием и специализацией на одном сегменте рынка, который позволяет сглаживать рыночные колебания на рынках монопродуктов.

Таблица 3

Мировой спрос на удобрения, млн т в пересчете на 100 % питательных веществ

	2007	2008	2009	2010	2014 (п)*	2014/2010
P_2O_5	38,4	34,2	36	38,6	43,7	13,21 %

* – прогноз International Fertilizers Association (IFA).

Фокус стратегического управления компаний-лидеров сконцентрирован на управлении издержками. Общая структура издержек компании «ФосАгро» и ведущих американских производителей представлена на рис. 3. В структуре затрат «ФосАгро» имеют место сегменты с более высоким удельным весом, чем у конкурентов, а именно энергозатраты и транспортные расходы. Высокая степень износа основных производственных фондов, удаленность источников сырья от перерабатывающих заводов, вынужденная экспортная ориентация российских предприятий, расположенных на значительном расстоянии от основных пунктов перевалки, влияют на увеличение доли энергетических и транспортных затрат в общем объеме издержек. Отсутствие в структуре издержек американских производителей затрат на энергетику объясняется внедрением современных установок и технологий, позволяющих покрывать потребности в электроэнергии собственной выработкой, а в некоторых случаях даже с возможностью ее частичного экспорта (Mosaic). Снижение удельного веса энергозатрат и транспортных расходов в структуре себестоимости является резервом для повышения конкурентоспособности отечественных горнохимических компаний путем реализации инвестиционных проектов по развитию производственно-транспортной инфраструктуры и энергоэффективности.

Основные направления деятельности зарубежных производителей по повышению конкурентоспособности можно сформулировать в следующем виде: ускоренное обновление основных производственных фондов с использованием ресурсосберегающих технологий (все компании), развитие производственной деятельности в регионах с доступными ресурсами (инвестиционные программы Yara, Mosaic); контроль над операционными издержками (PCS, Yara, Mosaic); по-

стоянное развитие дистрибьюторской сети; развитие складских мощностей; разработка программ по оптимизации расходов на персонал (Mosaic, Yara, BASF). Кроме того, компания Yara, имеющая мощную дистрибьюторскую сеть, предоставляет консультации по агрономии с целью стимулирования спроса на производимые удобрения.

На основании проведенного анализа формируется отраслевая модель декомпозиции ключевых факторов конкурентоспособности – источников конкурентных преимуществ (КП) для формирования стратегии повышения конкурентоспособности отечественных производителей минеральных удобрений (табл. 5).

Таблица 4

Характеристики мировых компаний-лидеров в отрасли минеральных удобрений (2009 год)

№	Показатель	Ед. изм.	PCS	Mosaic	CF Industries	Yara	Agrium	Israel Chemicals	Eurochim	ФосАгро
1	Мощности производства в пер. на 100 % п. в., из них	млн т	13,2	11,1	6,7	6,6	4,6	4,2	3,4	2,3
	N:P:K	млн т	2,97: 2,42: 7,81	0,45: 4,45: 6,2	5,7: 1: 0	6,27: 0,33: 0	2,7: 0,8: 1,1	0: 0,65: 3,55	2,3: 1,1: 0	0,84: 1,46: 0
	N:P:K	%	23: 18: 59	4: 40: 56	85: 15: 0	95: 5: 0	59: 17: 24	0: 15: 85	68: 32: 0	37: 63: 0
2	Продажи	млн долл.	3 977	5 651	2 608	9 788	9 328	4 554	2 319	1900
3	EBITDA*	млн долл.	1 504	1 415	709	884	823	1 223	521	448
4	Операционный денежный поток	млн долл.	924	642	682	1 900	1 404	1 200	553	333
5	Капитальные вложения**	млн долл.	1 764	798	236	679	313	429	590	320

* — EBITDA по данным отчетности или операционный доход + износ и амортизация.
** — приобретение основных средств и нематериальных активов.

Рис. 3. Сравнительная структура издержек производства основной продукции

Таблица 5

Отраслевая модель декомпозиции ключевых факторов конкурентоспособности

Вид КП	Источник КП	Инструменты для достижения КП
Преимущество по издержкам	1. Низкие производственные издержки	• Обеспечение доступа к дешевым сырьевым и энергетическим ресурсам для снижения основных затрат в калькуляции себестоимости; • ускоренное обновление основных производственных фондов с использованием лучших мировых ресурсосберегающих технологий; • обеспечение минимальных переменных затрат и снижение доли постоянных расходов; • разработка программ по оптимизации расходов на персонал и достижению технологически необходимой численности
Коммерческое преимущество	1. Диверсификация производства 2. Дистрибьюция	• Расширение производственной деятельности компании в регионах с доступными ресурсами и выход на новые рынки; • расширение ассортимента удобрений до полного продуктового ряда; • увеличение степени переработки сырья и расширение ассортимента выпускаемой продукции на базе собственного фосфатного сырья; • развитие инфраструктуры; • преобразование экономической карты и логистических связей; • обеспечение гибкости производства для приспособления к рыночной конъюнктуре; • обеспечение наиболее удобного доступа к привлекательным рынкам; • создание эффективной и надежной транспортной системы, включая пункты перегрузки; • развитие складской инфраструктуры; • наличие собственных средств доставки
Преимущество дифференциации	3. Качественное сервисное сопровождение	• Предоставление консультации по агрономии через дистрибьюторскую сеть

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков М. В., Царев П. П., Левин Б. В. Реализация компанией «ФосАгро» стратегии устойчивого развития ОАО «Апатит» // Горный журнал. 2009. № 9. С. 5–17.
2. Гурьев А. А. Повышение конкурентоспособности горнохимического холдинга на основе реализации программы технического перевооружения (на примере ОАО «ФосАгро»): Автореф. дис. … канд. экон. наук. СПб., 2010. 20 с.
3. Концепция стратегического развития вертикально-интегрированной компании «ФосАгро» на 2004–2010 гг.
4. Пономаренко Т. В. Методология стратегической оценки конкурентоспособности горных компаний. СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. 225 с.
5. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов: Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 453 с.
6. Портер М. Международная конкуренция: Конкурентные преимущества стран. М.: Международные отношения, 1993. 896 с.
7. Сергеев И. Б., Пономаренко Т. В. Развитие стратегических конкурентных преимуществ горных компаний: институционально-теоретический аспект // Проблемы современной экономики. 2011. № 2(38). С. 104–108.
8. Томпсон-мл. Артур А., Стрикленд III А. Дж. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации для анализа: Пер. с англ. 12-е изд. М.: Издательский дом «Вильямс», 2011. 928 с.
9. Управление конкурентоспособностью: Учеб. пособие / Е. И. Мазилкина, Г. Г. Паничкина. 2-е изд. М.: Омега-Л, 2008. 325 с.

Февраль, № 1 **Экономика** **2012**

УДК 331

ЮЛИЯ ВАСИЛЬЕВНА ЛЕБЕДЕВА
старший преподаватель кафедры менеджмента экономического факультета, Петрозаводский государственный университет
julli@psu.karelia.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ОЦЕНКИ РАЗВИТИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ

В современной экономической науке трудовые ресурсы рассматриваются как один из важнейших факторов конкурентоспособности страны. В данном вопросе в российских условиях особый интерес представляет качество трудовых ресурсов, человеческий капитал страны, методы и критерии его оценивания.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, человеческий капитал, национальное богатство, экономический рост

Вопрос оценки трудовых ресурсов всегда актуален. На современном этапе развития экономической науки изменилось понимание роли человека в общественной и экономической жизни: признается понимание решающей роли человека в повышении ее эффективности. В данной статье предпринята попытка указать на взаимосвязь и влияние состояния, качества, условий функционирования трудовых ресурсов на национальное богатство страны и его элементы, которые можно выразить различными социально-экономическими показателями.

Под трудовыми ресурсами подразумеваем население, имеющее в своем распоряжении знания, интеллектуальные, творческие и физические способности, необходимый уровень квалификации, которые используются в разной степени в трудовой деятельности, направленной на производство благ и услуг. В этой связи отметим, что сейчас большое значение приобрела концепция формирования качества трудовых ресурсов.

На сегодняшний день существуют различные международные методики оценки трудовых ресурсов. Например, ежегодный доклад по исследованию конкурентоспособности стран мира, издаваемый Международным институтом менеджмента в Лозанне (для Всемирного экономического форума), в качестве одного из основных критериев конкурентоспособности учитывает оценку трудовых ресурсов. Роль трудовых ресурсов в конкурентоспособности страны несомненна при растущих требованиях к их качеству. Интересными в этой связи будут данные по России (табл. 1).

Таблица 1

Россия по индексу глобальной конкурентоспособности (GCI) [4]

	Год					
	2006–2007	2007–2008	2008–2009	2009–2010	2010–2011	2011–2012
Место РФ по GCI	62	58	51	63	63	66

Из таблицы видно, что после 2008 года российская экономика все менее конкурентоспособна. По рейтингу глобальной конкурентоспособности 2011–2012 годов, на первом месте – Швейцария, на втором и третьем месте – Сингапур и Швеция соответственно, Финляндия на четвертом месте (в прошлом году занимала седьмое место), США на пятом месте (в прошлом году страна занимала четвертое место). В первой десятке находятся ведущие страны Северной и Западной Европы, Япония заняла 9-е место [3].

Проблема конкурентоспособности экономики России рассматривается специалистами на разных уровнях уже не одно десятилетие. Например, Педро Альба, директор Всемирного банка в России, отмечает: «потенциальные выгоды, которые могут быть реализованы путем введения хорошо разработанной системы конкуренции, также включают в себя рост благосостояния потребителей и повышение экономической эффективности. <…> Эмпирические данные указывают на тесную взаимосвязь между ростом ВВП на душу населения и уровнем конкуренции на местных рынках в большинстве секторов. Аналогичным образом, более высокий уровень притока новых конкурентов на местные рынки также связан с более высокими показателями ВВП на душу населения… низкая конкуренция на внутреннем рынке означает и более низкую ценовую конкурентоспособность на международных рынках» [6]. Рост конкурентоспособности и развитие экономики в целом невозможны без повышения качества трудовых ресурсов страны.

Отметим, что и по структуре национального богатства можно косвенно судить о качестве трудовых ресурсов. Национальное богатство принято рассматривать как совокупность человеческого, произведенного и природного капиталов. Несомненно, понятия трудовых ресурсов и человеческого капитала имеют много общего. Трудовые ресурсы можно представить как группу лиц, обладающих трудоспособностью, носителей человеческого капитала, который проявляется в процессе деятельности. Человеческий капитал – это

© Лебедева Ю. В., 2012

использование и развитие способностей и знаний человека в создании добавленной стоимости, а также влияние инвестиций в человека на его производительный труд. Под человеческим капиталом в узком смысле подразумевается уровень квалификации, образования, здоровья, способности и профессии человека. Можно сказать, что трудовые ресурсы в большей мере подлежат количественной оценке, а человеческий капитал отражает их качественную сторону.

В развитых странах структура национального богатства такова: человеческий капитал – 65 %, произведенный – 23 %, природный – 12 %. В России на начало XXI века в структуре национального богатства человеческий капитал занимал 50 %, природный – 40 % и 10 % – воспроизводимый [8; 274]. Иная структура национального богатства России указывается экспертами Всемирного банка на 2000 год: 44 % – природный капитал, 40 % – произведенный и 16 % – невещественный [16]. Специалисты к невещественному капиталу кроме человеческого относят институты, иностранные финансовые активы, приносящие доход или процентные вычеты, ошибки при оценке природного и производственного капиталов [2]. Как видно, оценки отечественных специалистов в отношении человеческого капитала страны более оптимистичны.

Российская экономика остается сырьевой и продолжает обеспечивать рост экономик других стран, неэффективно используя имеющийся человеческий капитал. В подтверждение этого рассмотрим вопрос производительности национального богатства. В первые годы XXI века в России наблюдалось увеличение производительности национального богатства (табл. 2), что выражается в снижении показателей соотношения национального богатства к ВВП. ВВП характеризуется приращением богатства за определенный период времени. Предельная производительность национального богатства рассматривается как величина, обратная отношению национального богатства к ВВП, показатели которой в долгосрочном периоде имеют тенденцию к росту. В период роста экономики на это явление указывал в своих исследованиях нобелевский лауреат по экономике Саймон Кузнец. Оно наблюдается до 2006 года, а после 2007 года наметилось снижение предельной производительности национального богатства. Нужно сказать, что органами официальной статистики России национальное богатство оценивается как совокупность основных фондов, материальных оборотных средств и накопленного домашнего имущества (нефинансовые экономические активы).

Теория предельной полезности традиционно предполагает снижение показателей предельной производительности национального богатства, то есть рост показателей соотношения национального богатства и ВВП, а это уже не подтверждается выводами С. Кузнеца. На наш взгляд, в рассматриваемом нами периоде говорить о противоречии полученных данных выводам С. Кузнеца преждевременно, так как для анализа взят незначительный период, и сам С. Кузнец анализировал в основном периоды от 20 до 50 лет и более. Заметим, что он одним из первых отметил важнейшую роль человеческого капитала в развитии экономики и показал, что «изменения технологии, перераспределение рабочей силы между производственными и непроизводственными секторами, а также улучшение качества применяемого труда объясняют большинство случаев повышения его производительности» [12].

Увеличение доли невещественного капитала в структуре национального богатства страны при снижении долей природного и производственного капиталов приводит к увеличению предельной производительности богатства и в итоге к развитию экономики. «Если доля невещественного

Таблица 2

Соотношение национального богатства и ВВП в России (на конец года), млн руб.

	Год								
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
1. Стоимость отдельных нефинансовых экономических активов [10; 341]	26144361	31407343	39349677	43177591	50708761	59914821	77724351	97605618	114309129
2. ВВП (в текущих ценах), млн руб. [10; 319]	10819212	13208234	17027191	21609766	26917201	33247513	41428561	39100653	–
3. Изменение ВВП в % к предыдущему году	–	+4,7	+7,3	+7,2	+6,4	+8,2	+8,5	-7,9	–
4. Соотношение п. 1 и п. 2	2,416	2,377	2,310	1,988	1,883	1,802	1,876	2,496	–
5. Изменение производительности труда в % к предыдущему году [10; 36]	+3,8	+7,0	+6,5	+5,5	+7,5	+7,5	+4,8	-4,2	–

капитала не увеличивается, то восстанавливается закон падения предельной доходности богатства с ростом его объема. <…> Увеличение доли невещественного капитала в национальном богатстве ускоряет экономический рост» [2; 24–25].

С 2007 года в России снижение предельной производительности богатства сопровождалось также снижением производительности труда, ВВП, что не способствует росту экономики. Предполагаем, что в этих условиях доля невещественного капитала в национальном богатстве России оставалась без изменений или уменьшалась. Отметим также, что, по данным органов официальной статистики, с 2007 года прирост основных фондов (ОФ) в стране, которые являются важнейшей частью национального богатства, снижался [11; 32]. Можно предположить, что производимый капитал в России почти не менял своей доли в национальном богатстве.

Если допустить неизменность природного капитала России, значит, на производительность национального богатства в какой-то степени оказывали влияние изменения в невещественном капитале. Обратим внимание, что до 2007 года ВВП РФ увеличивался (табл. 2). Каково было влияние человеческого капитала на этот рост? Рост ВВП за счет труда возможен, если увеличивается число занятого населения в экономике и повышается качество труда. О. Н. Болдов формально выразил это следующими отношениями: $Le = LQ$, где количество эффективного труда (Le) выступает как количество затраченного труда, скорректированное на коэффициент, учитывающий его качество (Q). Следовательно, темп прироста эффективного труда: $\Delta Le / Le = \Delta Q / Q + \Delta L / L$ [2; 27].

В последние годы в российской экономике наблюдалось постоянное увеличение числа занятых, в 2008 году их число составило 68 474 тыс. человек. В 2009 году их число сократилось на 1,5 %, а в 2010 году незначительно увеличилось (+ 0,2 %) и составило 67 577 тыс. человек [11; 31]. Можно предположить, что рост ВВП России до 2007 года не связан с ростом качества и эффективности использования человеческого капитала, так как после 2007 года наблюдается снижение показателей ВВП при растущей занятости. Очевидно, что недооценка влияния человеческого капитала на развитие страны и ее будущих поколений приводит к постепенному обеднению страны. Это подтверждают расчеты О. Н. Болдова (на основе данных Всемирного банка), в которых с учетом невещественного капитала получены соотношения национального богатства и ВВП развитых стран и России. Примечательно, что коэффициенты России и Германии мало отличаются: 21,9 и 21,4 соответственно. Кроме того, национальное богатство Германии экспертами Всемирного банка оценивается в 496 447 долларов на душу населения, России – в 38 709 долларов. При этом природный капитал Германии и России составляет 1 и 44 % соответственно, зато невещественный капитал Германии – 85 % [2; 24–27].

Многие эксперты уже сегодня отмечают, что показатель ВВП (ВНП) не учитывает многих аспектов социально-экономического положения страны, в частности развитие трудовых ресурсов, поэтому экспертами Всемирного банка была предложена методика оценки развития страны (устойчивое или неустойчивое), в которой в расчет берутся показатели ВНП и элементы структуры национального богатства. Для устойчивого развития необходимо по крайней мере неснижение количества активов национальной экономики (физический (произведенный), природный и человеческий капиталы). Основным показателем устойчивого развития, по мнению экспертов Всемирного банка, могут являться «истинные нормы сбережений» (genuine saving). С помощью этого показателя в оценке факторов развития можно учесть истощение природных ресурсов и инвестиции в человеческие ресурсы, то есть накопление человеческого капитала.

Возможный расчет истинных сбережений страны:

Истинные нормы сбережений = ((физический капитал – природный капитал – человеческий капитал) / ВНП) х 100 %.

Расчет данного показателя труден в основном из-за сложностей оценки человеческого капитала. Для устойчивого развития страны необходимо, чтобы данный показатель был положителен, что возможно за счет роста физического и человеческого капиталов и уменьшения использования природного капитала. Рост человеческого капитала возможен за счет инвестирования в него, что, вероятно, должно обеспечить в конечном итоге рост национального богатства, но скорее всего в средне- и долгосрочной перспективе. «С этих позиций страна, которая реинвестирует доход от добычи невозобновимых природных ресурсов в развитие человеческого капитала, повышая уровень образования населения, увеличивает накопление и обеспечивает устойчивое развитие» [5; 164]. Поэтому в развитых странах инвестиции в ОФ соотносятся с затратами на человеческий капитал как 1:2. Для России традиционно обратное соотношение [13; 12].

В качестве интегрального показателя устойчивого развития специалисты Всемирного банка предложили индекс скорректированных чистых сбережений (СЧС)[1], учитывающий влияние человеческого потенциала, энергетического и экологического факторов. По заключению Всемирного банка, страны, слишком зависящие от природных ресурсов, имеют отрицательные или низкие значения уровня подлинных сбережений, кроме того, такие страны существуют в настоящем за счет благополучия будущих поколений и нерационально используют имеющиеся ресурсы. Значение СЧС (составляющие его элементы

при расчете берутся в % от ВНД) будет положительно, если компенсация (инвестиции) физического, природного и человеческого капиталов будет превышать их растрату и износ.

В табл. 3 обратим внимание на показатели роста ВВП России и вместе с этим отрицательные значения СЧС, что эксперты связывают с истощением прежде всего природных ресурсов (в основном энергетических). Заметим, что по другим источникам индекс чистых (истинных) сбережений имеет иные значения: «…в России за 2004 год уровень истинных сбережений оказался отрицательным (-4,4 % национального дохода), а в 2003 году он был еще ниже (-10,7 %). Улучшение ситуации объясняется ростом уровня валовых национальных сбережений и снижением расходов на амортизацию» [1]. Несмотря на разницу в данных, результаты СЧС в 2000-е годы по России отрицательны. Интересно будет сравнить их с данными по странам с высоким доходом, где истощение природных ресурсов в разы меньше и показатель СЧС положителен.

В практическом плане расчет СЧС важен тем, что указывает на необходимость восстановления природного капитала и его компенсации в виде инвестиций в физический и человеческий капиталы. Отрицательные показатели СЧС в течение длительного периода указывают на антиустойчивое развитие, что отразится на благосостоянии общества. Мы предполагаем, что в России наблюдаются недоинвестирование в человеческий капитал и недостаток возмещения расходов основного капитала, что во многом является следствием проводимой уже много лет социально-экономической политики, не нацеленной на интенсивное развитие. Расходы на образование не изменялись и по размерам уступают экономически развитым странам. Необходимость увеличения расходов государства на образование подчеркнем еще одним показателем, исчисляемым Всемирным банком (табл. 4).

По представленным данным видим, что индекс экономики знаний стал меньше на 0,18 по сравнению с 1995 годом. Следовательно, российская экономика последние 15 лет создает и использует знания для обеспечения своего роста, развития и конкурентоспособности недостаточно и несопоставимо с развитыми странами.

Таблица 3

Темпы прироста ВВП и СЧС России, 2000–2006 годы[2]

Индикатор	Год							
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2006 (страны с высоким доходом)
Темпы прироста ВВП, %	10	5,1	4,7	7,3	7,2	6,4	7,4	Н. д.
ВНС, %	37,1	33,5	29,3	29,9	31,5	31,9	30,7	19,9
ПОК, %	8,4	8,2	8,0	7,5	6,9	7,0	7,0	13,0
РО, %	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3,5	4,7
ИЭ, %	44,8	36,5	27,5	31,2	30,8	36,5	37,5	1,5
ИМР, %	1,1	0,6	0,7	0,9	1,1	1,4	1,9	0,2
ЧИЛ, %	…	…	…	…	…	…	0	0,0
УДУ, %	3,4	2,9	2,6	2,2	1,9	1,6	1,4	0,3
УВТЧ, %	0,9	0,8	0,7	0,6	0,4	0,3	0,3	0,3
СЧС, %	-17,9	-12	-6,7	-8,9	-6,1	-11,4	-13,8	9,3

Таблица 4

Индекс экономики знаний (KEI) 145 стран, 2009 год[3]

Место страны в рейтинге	Страна	Индекс экономики знаний	Индекс образования
1	Дания	9,52	9,78
2	Швеция	9,51	9,29
3	Финляндия	9,37	9,77
4	Нидерланды	9,35	9,21
5	Норвегия	9,31	9,60
6	Канада	9,17	9,26
60	Россия	5,55 (5,73 в 1995 году)	7,19

Отдельно остановимся на учете энергетической составляющей при расчете СЧС. Влияние ТЭК на здоровье населения и накопление человеческого капитала оценить сложно. По оценкам российских специалистов [5; 95], загрязнение атмосферного воздуха влечет до 3 % от общего количества смертей среди горожан, из этих смертей 15–20 % – из-за ТЭК, а в местах с высоким уровнем загрязнения атмосферы в результате деятельности ТЭЦ или ГРЭС, работающих на угле, эта доля может достигать 30–40 % от дополнительных смертей. Обратим внимание, что по Энергетической стратегии РФ до 2030 года, утвержденной в 2009 году правительством, планируется увеличить долю угля в ТЭК страны. В документе обоснована необходимость наращивания добычи угля к 2030 году по сравнению с 2008 годом на 31–44 % (326 и 427–470 млн т в год) [5; 78]. На рисунке показана схема, сравнивающая основные источники энергии Китая, России и США.

Россия обладает высокоразвитым человеческим потенциалом (в 2008 году индекс развития человеческого потенциала был равен 0,825) [9], что указывает на возможности дальнейшего качественного развития отечественных трудовых ресурсов. В стране, истощающей свою природно-сырьевую базу и неэффективно использующей трудовые ресурсы и человеческий капитал, не может быть стабильного экономического роста, больших темпов развития. Для растущей положительной динамики экономического роста России необходимы инвестиции в поддержание, развитие и наращивание человеческого капитала и его качественных характеристик. Поддержка государства в данном вопросе обязательна. Это приведет к повышению качества труда, увеличению доли невещественного капитала в национальном богатстве, а оно уже станет основой более качественного экономического роста страны, и тогда Россия сможет выйти на новый уровень своего развития.

Источники энергии Китая, России и США, 1995 год

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Принцип расчета СЧС:

СЧС = Валовые национальные сбережения (ВНС) (разность между ВНД и конечным потреблением плюс чистые текущие трансферты)

– *Потребление основного капитала (ПОК)* (издержки замещения капитала, использованного в процессе производства)

+ *Расходы на образование (РО)*

– *Истощение ресурсов энергии (ИЭ)* (произведение удельной ресурсной ренты на физическое количество добытых энергоносителей, включая сырую нефть, природный газ и уголь)

– *Истощение полезных ископаемых (ИМР)* (произведение удельной ресурсной ренты на физическое количество добытых минеральных ресурсов, включая бокситы, медь, железо, свинец, никель, фосфаты, олово, золото, серебро и цинк)

– *Чистое истощение лесов (ЧИЛ)* (произведение ресурсной ренты на превышение объема рубок древесины-кругляка над естественным приростом. Если прирост превышает рубку, то показатель равен нулю)

– *Ущерб от диоксида углерода (CO_2) (УДУ)* (произведение количества тонн углерода в выбросах на удельный ущерб на одну тонну углерода, принятый 20 долл. США)

– *Убытки от загрязнения макрочастицами* (*твердыми частицами*) *(УВТЧ)* (расходы по снижению риска смертности, приписываемого воздействию выброса твердых частиц (тонким взвешенным частицам диаметром менее 10 мкм, способным проникать далеко вглубь дыхательных путей и причинять вред здоровью).

[2] Таблица составлена на основе данных из следующих источников: [7], [5; 164].

[3] Таблица составлена на основе данных Всемирного банка [15].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатство народов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.astera.ru/news/?id=36284
2. Болдов О. Н. Взаимосвязь экономического роста и динамики национального богатства с учетом невещественного капитала // Проблемы прогнозирования. 2010. № 2. С. 21–32.
3. Всемирный экономический форум: рейтинг глобальной конкурентоспособности 2011–2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gtmarket.ru/news/state/2011/09/07/3330
4. Гуманитарное развитие в России и за рубежом [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-ind
5. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2009 / Под общ. ред. С. Н. Бобылева. М., 2010. 180 с.
6. Конкурентная политика и экономический рост: международный опыт и значение для Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTRUSSIANHOME/NEWSRUSSIAN/0,,contentMDK:22775414~menuPK:51211733~pagePK:34370~piPK:34424~theSitePK:1081472,00.html
7. Леденева М. В. Эволюция показателей экономической мощи и экономического потенциала национального и мирового хозяйства // Проблемы современной экономики. Евразийский международный научно-аналитический журнал. 2009. № 1 (49) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.m-economy.ru/
8. Методология управления трудовыми ресурсами: монография / Под ред. А. П. Егоршина, И. В. Гуськовой. Н. Новгород: НИМБ, 2008. 352 с.
9. Программа развития ООН опубликовала доклад о развитии человеческого потенциала в регионах России на 2010 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gtmarket.ru/news/state/2010/10/29/2715
10. Российский статистический ежегодник. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. 813 с.
11. Российский статистический ежегодник. 2011: Стат. сб. / Росстат. М., 2011. 795 с.
12. Саймон (Семен Абрамович) Кузнец (17 (30) апреля 1901, Харьков – 8 июля 1985, Кембридж, штат Массачусетс) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://expertencyklopedia.ru/bios/nauka/kuznets/kuznets.html
13. Хруцкий В. Е., Толмачев Р. А. Оценка персонала. Критика теории и практики применения системы сбалансированных показателей. М.: Финансы и статистика, 2009. 224 с.
14. Beyond economic growth. Meeting the Challenges of Global Development [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.worldbank.org/depweb/beyond/global/chapter16.html
15. Knowledge for development [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://info.worldbank.org/etools/kam2/KAM_page5.asp
16. Where is the Wealth of Nations? Measuring Capital for the 21st Century. Washington, 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://siteresources.worldbank.org/INTEEI/214578-1110886258964/20748034/All.pdf

Февраль, № 1 **Экономика** **2012**

УДК 323(470.22)

НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА ФАДЕЕВА
старший преподаватель кафедры социологии факультета политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет
nata84fa@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ: РЕШЕНИЕ ЖИЛИЩНЫХ ПРОБЛЕМ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ

В статье рассматриваются особенности и ключевые проблемы молодой семьи в современном российском обществе на примере улучшения жилищных условий. Выделяются основные законодательные инициативы, способствующие решению жилищных проблем в Республике Карелия, а также конкретные результаты, которые были достигнуты за последние несколько лет.

Ключевые слова: молодая семья, государственная поддержка, улучшение жилищных условий, социальные услуги

Интерес исследователей к проблематике молодой семьи обусловлен проявлением кризисных тенденций в функционировании современной семьи, затрагивающих все сферы ее жизнедеятельности. Негативные тенденции существования современной российской семьи демонстрируются через демографические показатели. Например, по данным российской статистики, в 2010 году на каждую 1000 человек населения приходилось 8,5 брака и 4,5 развода [13], [14]. Данная тенденция характеризует семейно-брачные отношения двух последних десятилетий: в России распадается свыше половины от всех официально заключенных браков.

Согласно документу об «Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации», «молодая семья – это семья в первые 3 года после заключения брака (в случае рождения детей – без ограничения продолжительности брака) при условии, что один из супругов не достиг 30-летнего возраста» [6]. Важную роль в становлении семьи играет ее социально-экономическое положение. Создание молодой семьи связано, как правило, с приобретением жилья, организацией быта, отсутствием опыта в планировании семейного бюджета, сравнительно низкой заработной платой и т. д. Это приводит к тому, что молодая семья сталкивается с острейшими социально-экономическими проблемами. В данной статье мы более подробно остановимся на анализе государственной политики в решении жилищных трудностей на территории Карелии, что связано с ориентированностью регионов после принятия Концепции на попытки решения именно жилищных проблем и самой актуальностью проблемы.

Сегодня сравнительно небольшой процент молодых семей имеет жилье, соответствующее современным стандартам комфортности, безопасности, санитарным нормам и т. д. Уровень обеспеченности населения Карелии жильем на 1 января 2011 года составлял 24,19 кв. м на одного жителя, но только две трети (61,5 %) жилищного фонда оборудовано водоснабжением, канализацией, отоплением, ванной (душем). 14,2 % жилья либо построено ранее 1946 года, либо имеет износ более 65 %, либо относится к ветхому и аварийному жилищному фонду [10]. В зависимости от материальных возможностей молодые семьи проживают совместно с родителями одного из супругов или снимают квартиру, реже живут в общежитиях или имеют собственное жилье.

Исследование молодых семей в Карелии[1] показало, что две трети молодых супругов отмечают потребность в кредите на жилье, в трудоустройстве, одна треть нуждается в юридическом консультировании [5].

Рассмотрим направления деятельности органов государственной власти на региональном уровне в сфере решения жилищных проблем молодых семей.

Поддержка молодых семей в сфере улучшения жилищных условий началась с 2004 года в рамках республиканской подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей», входящей в состав федеральной целевой программы «Жилище» на 2002–2010 годы. По данным органов местного самоуправления, на начало этого периода было официально зарегистрировано 8 тыс. молодых семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий [1]. В то же время в рамках данного проекта с 2004 по 2006 год только 96 семей смогли получить поддержку в приобретении жилья.

В середине 2008 года в документ «Обеспечение жильем молодых семей» были внесены три существенных изменения [9]. Во-первых, увеличен возраст тех, кто может принимать участие в подпрограмме на получение социальных выплат, с 30 до 35 лет[2]. Во-вторых, если раньше софинансирование на мероприятия осуществлялось в пропорции 10 % за счет средств федерального бюджета от расчетной (средней) стоимости жилья и 30 % за счет региональных средств, то сейчас ситуация изменилась на прямо противоположную, то есть большая часть выделяемых средств приходит из внешних источников.

© Фадеева Н. Л., 2012

В-третьих, произошло увеличение выделяемых средств из республиканского бюджета: 10 % – для семей, имеющих детей, и 5 % – для бездетных семей. Однако не каждая молодая семья может поучаствовать в данном проекте, поскольку действует ряд ограничений: по возрасту – он не должен превышать 35 лет, семья должна быть признана в установленном порядке нуждающейся в улучшении жилищных условий. В итоговом списке на 2009 год состояли 1224 молодые семьи, которые имели возможность улучшить ситуацию с жильем; эта цифра в 4,5 раза больше, чем в 2008 году.

В 2010 году между пятью муниципальными образованиями Карелии и Министерством строительства РК заключены соглашения о реализации подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей». Благодаря этому документу свидетельства на улучшение своих жилищных условий смогли получить только 45 молодых семей: 37 в Петрозаводском городском округе, по 3 свидетельства выданы в Кемском и Сортавальском районах, и по одному – в Беломорском и Олонецком районах [9]. В целом на реализацию проекта было выделено около 30 млн руб.: три четверти (21,9 млн руб.) из этой суммы было выделено из федеральных средств, а остальные средства (7,5 млн руб.) поступили из регионального бюджета.

Основанием для реализации проекта на период до 2015 года является проблема невозможности доступа к рынку жилья большинства молодых семей без поддержки государства. В декабре 2010 года была принята федеральная целевая программа «Жилище» на 2011–2015 годы, которая должна способствовать выполнению государственных обязательств по обеспечению жильем категорий граждан, предусмотренных законодательством, а также формированию рынка доступного жилья. Практика показала, что ежегодно увеличивается количество семей, желающих принять участие в подобного рода программах, однако не все имеют такую возможность. Новая программа предполагает, что за весь период ее действия 172 тыс. семей смогут улучшить свои жилищные условия.

Наряду с предоставлением социальных выплат в регионе действует подпрограмма «Развитие ипотечного жилищного кредитования в Республике Карелия». За почти полный 2008 год в ней приняли участие 1299 семей, из них чуть более половины – молодые семьи (756). Однако следует сказать, что прием новых участников в подпрограмму приостановлен с 1 января 2010 года и до дальнейшей редакции проекта.

По данным Центрального банка Российской Федерации на 1 января 2011 года [8], кредитными организациями в республике было выдано 12 370 млн руб. физическим лицам на приобретение жилья (1803 млн руб. – ипотечные жилищные кредиты), что составило 0,35 % от общей суммы кредитов, выданных по стране. Данный показатель является достаточно низким не только по сравнению с другими регионами РФ, но даже для Северо-Запада РФ (в Новгородской и Псковской областях предоставляется меньше всего кредитов по объему). Средневзвешенный срок кредитования составил 205,5 месяца (12,7 %) на жилищные кредиты и 208,8 месяца (12,5 %) на ипотечные жилищные кредиты, что в сравнении с общероссийскими показателями демонстрирует невысокую платежеспособность физических лиц.

В конце апреля 2009 года прошла презентация проекта «Молодая семья Петрозаводска», инициаторами и авторами которого являются Министерство строительства РК и администрация округа [9]. Суть проекта состоит в создании условий для привлечения участниками проекта собственных средств, финансовых ресурсов организаций, предоставляющих ипотечные жилищные кредиты и займы, а также предоставлении молодым семьям социальных выплат на приобретение жилья.

В 2011 году все мероприятия по поддержке молодых семей были продолжены. Из республиканского бюджета выделено 70 млн руб. на финансирование жилищных программ, что позволит при содействии федеральных органов оказать помощь около 200 семьям, при этом в очереди на улучшение жилищных условий находятся около 2000 молодых семей [11]. Следовательно, на помощь со стороны государства может рассчитывать только каждая десятая молодая семья.

Молодые семьи поддерживаются также и в сельской местности. В рамках федеральной целевой программы «Социальное развитие села до 2013 года» и республиканской целевой программы «Социальное развитие села Республики Карелия до 2011 года» социальные выплаты на приобретение или строительство жилья в сельской местности получили 95 молодых семей [12]. Данные программы опять же ограничены определенным объемом финансов, которые выделяются как из федерального, так и республиканского бюджета. Несмотря на то что общая сумма социальных выплат составила 77,9 млн руб. (из республиканского бюджета выделено 33,5 млн руб.), более 80 молодых семей находятся в очереди на получение выплат.

Еще одна проблема, с которой сталкиваются молодые семьи, – стоимость жилья. По данным Минрегионразвития, экономически обоснованная стоимость жилья для Карелии составляет 33,8 тыс. руб. за кв. м. В то же время в условиях низких темпов строительства 2010 год стал рекордным по увеличению стоимости жилья в республике: на первичном рынке стоимость квадратного метра составила 45,8 тыс. руб., а на вторичном – 41,7 тыс. руб. [3], что для большинства семей является непосильной суммой. Следует отметить, что цены на жилье сильно разнятся не только

в целом по стране, но и внутри федеральных округов. Например, по данным Новгородстата, средняя стоимость жилья составила примерно 34,3 тыс. руб. на первичном рынке и 35 тыс. руб. – на вторичном.

Таким образом, государство различными мероприятиями охватило только небольшую часть молодых семей.

Можно выделить два важнейших взаимосвязанных направления развития государственной политики – формирование и укрепление семейных ценностей и эффективное решение жилищных проблем. Однако здесь необходимо понимать, что данная категория населения сталкивается и с рядом других проблем.

Сегодня сложилась парадоксальная ситуация: государственные жилищные программы ориентированы на те молодые семьи, которые имеют возможность сделать первоначальный взнос при получении ипотечного кредита или для оплаты стоимости жилья, за исключением предоставления субсидии от государства (35–40 % от расчетной стоимости жилья), и уже имеют какую-либо жилплощадь, однако чуть более двух третей молодых семей живут за чертой бедности, а их среднедушевые доходы в 1,5 раза меньше, чем в среднем по стране [7]. Кроме того, исследования Росстата в 2009 году показали, что практически половина (46,9 %) домохозяйств, имеющие главу до 30 лет, не могут позволить себе покупку товаров длительного пользования, а каждое пятое – даже покупать одежду и оплачивать коммунальные услуги [4]. То есть через такое благо, как жилье, усиливается социально-экономическая дифференциация в обществе.

Таким образом, в современной России как на федеральном, так и на региональном уровне предприняты попытки к оказанию помощи молодой семье. Разработана определенная система социальных институтов ее поддержки, однако вопрос о степени эффективности подобных мер остается открытым. Государству в ближайшие несколько лет предстоит задача не просто поддерживать стабильную численность населения, но и создавать комплексную семейную политику, представляющую собой целостную систему принципов, мер и механизмов правового и организационного характера, направленных на улучшение качества жизни молодой семьи и на пропаганду семейного образа жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Представлен спектр потребностей молодых семей в социальных услугах по результатам научно-исследовательского проекта ГБТ-144-05 «Региональный комплекс социальных и образовательных услуг как альтернативный механизм социальной поддержки молодой семьи», реализованного в ПетрГУ, на факультете политических и социальных наук, под руководством доктора исторических наук, профессора В. С. Максимовой в 2005 году (Республика Карелия, г. Петрозаводск).

[2] В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2007 года № 979 «О внесении изменений в акты Правительства Российской Федерации по вопросам реализации мероприятий по обеспечению жильем молодых семей» возраст участников увеличен до 35 лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В Карелии к 2010 году более тысячи молодых семей получат жилье [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dom.viperson.ru/wind.php?ID=424160//
2. В Новгородской области подорожали квартиры на первичном рынке жилья [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vnnews.ru/news/v_novgorodskoj_oblasti_podorozhali_kvartiry///
3. Карельский квадратный метр бьет рекорды [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vesti.karelia.ru/news/main/4888/.
4. Молодежь в России. 2010: Стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010.
5. Морозова Т. В. Молодые семьи как объект социально-демографической политики // Формирование института социальных услуг в период рыночной трансформации. Петрозаводск, 2007. С. 111–133.
6. Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://infopravo.by.ru/fed1993/ch02/akt12803.shtm/
7. Останемся вместе после кризиса: программа поддержки молодых семей [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://library.karelia.ru/library/files/editor/files/opisanie%20proekta%20Ostanemsya%20vmeste%20posle%20krisisa.doc/
8. Отдельные показатели по кредитам в рублях, предоставленным кредитными организациями физическим лицам [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=ipoteka/4-6_010111.htm&pid=ipoteka&sid=ITM_33237/
9. Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2008/11/1111_10.html/
10. Региональная целевая программа стимулирования развития жилищного строительства в Республике Карелия на 2011–2015 годы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kareliainvest.ru/file.php/id/f5886/name/%D0%D6%CF%20%E6%E8%EB%E8%F9%ED.%20%F1%F2%F0%EE%E8%F2%E5%EB%FC%F1%F2%E2%EE.doc
11. Республика увеличит помощь молодым семьям в 10 раз [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vesti.karelia.ru/news/main/4891/
12. Саламатин А. В. Ответ на запрос / Министерство сельского, рыбного и охотничьего хозяйства Республики Карелия. Петрозаводск, 2011. 1 с. № 01-21/4921 от 08.11.2011.
13. Число браков в расчете на 1000 населения за год [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/dem1_br.htm/
14. Число разводов в расчете на 1000 населения за год [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/dem2_raz.htm/

Февраль, № 1 **Юридические науки** **2012**

УДК 34С3

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА ОЛЕНИНА
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного и конституционного права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет
tyolenina@mail.ru

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются основные нормативно-правовые акты на федеральном уровне в сфере образования. Приводятся выводы и комментарии автора статьи.

Ключевые слова: образовательное законодательство, образование, право на образование, профессиональное образование

Система законодательства об образовании, понимаемая как совокупность законов и подзаконных актов, представляет собой огромный массив нормативных правовых актов, объединенных в отдельную отрасль законодательства. Основная функция этой системы заключается в том, чтобы обеспечить законодательную основу для правового регулирования отношений, возникающих в сфере образования. Прежде всего это образовательные правоотношения, вытекающие непосредственно из естественного права человека на образование [5].

В. И. Шкатулла под образовательным законом понимает «самостоятельную комплексную отрасль правовой системы России, включающую нормы педагогического, трудового, административного, гражданского, финансового и других законодательств» [8; 3]. Нельзя не согласиться с исследователем в том, что в настоящее время можно говорить о сформировавшемся образовательном законодательстве.

Правовая система законодательства об образовании, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции России, состоит из двух частей: российское законодательство, куда составной частью входит законодательство об образовании субъектов Российской Федерации; общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России [9; 118], [7; 65].

Нормативно-правовую базу Российской Федерации в сфере образования составляют: Конституция Российской Федерации, Закон Российской Федерации «Об образовании» и иные «профильные» федеральные законы, то есть законы, принятые для регулирования отношений, складывающихся исключительно в рассматриваемой сфере; «непрофильные» законы, содержащие отдельные нормы, регулирующие отношения в образовательной сфере, подзаконные акты.

Конституция Российской Федерации в ст. 43 закрепляет за каждым право на образование и гарантирует общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования, а на конкурсной основе – бесплатность высшего образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях или на предприятиях. Однако в документе ничего не говорится о начальном профессиональном образовании, которое присутствует в Российской Федерации.

Наряду со ст. 43 Конституции Российской Федерации отдельные положения, регулирующие отношения в области образования, содержатся и в других статьях Основного закона Российской Федерации. В ст. 72 (п. 1) устанавливается, что общие вопросы воспитания и образования находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. В ст. 114 устанавливается, что Правительство Российской Федерации обеспечивает проведение в РФ единой государственной политики в области образования.

Таким образом, Конституция Российской Федерации в общем виде определяет право на образование и не предусматривает начальное профессиональное образование. Оно предусматривается Законом Российской Федерации «Об образовании», который определяет государственную политику в области образования, федеральные государственные образовательные стандарты, систему образования, управление системой образования, экономику системы образования, социальные гарантии реализации прав граждан на образование, международную деятельность в области образования.

Государство гарантирует гражданам в п. 3 ст. 5 Закона Российской Федерации «Об образовании» общедоступность и бесплатность начального профессионального образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях в пределах федеральных государственных образовательных стандартов, федеральных государственных требований и устанавливаемых в соответствии с п. 2 ст. 7 указанного Закона образовательных стандартов и требований, если образование данного уровня гражданин получает впервые, в порядке, предусмотренном настоящим Законом.

© Оленина Т. Ю., 2012

Существенную нормативную базу образования содержат иные «профильные» федеральные законы, то есть принятые для регулирования отношений, складывающихся исключительно в области образования. К ним, в частности, можно отнести федеральные законы от 22.08.1996 № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», от 10.04.2000 № 51-ФЗ «Об утверждении Федеральной программы развития образования».

Нормативно-правовую основу образования составляют и так называемые «непрофильные» законы, содержащие правовые нормы, которыми регулируются отношения в сфере образования. Эти законы занимают особое место, поскольку большое их количество, разнообразие (в одних законах содержатся одна-две статьи по образовательной проблематике, в других – целые главы), частые случаи столкновений норм таких законов с нормами, содержащимися в «профильных» законах об образовании, а также ряд других причин делают весьма актуальной задачу систематизации законодательства в области образования.

Многочисленные «непрофильные» законы можно объединить по содержанию в несколько групп. Во-первых, федеральные законы, в которых регламентируются общие вопросы организации образования в Российской Федерации. Например, Закон РСФСР от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (п. 3 ст. 2, ст. 9, 10), Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ст. 5, 19).

Во-вторых, федеральные законы, в которых содержатся нормы о специальных видах (направлениях) образования. Так, в сфере гигиенического воспитания и обучения действует Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ст. 36). Военное образование и военная подготовка регулируются Федеральным законом от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (ст. 12, 13). Спортивной подготовке посвящен Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (ст. 28). Религиозное образование характеризует Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ст. 5).

Третью группу составляют федеральные законы, в которых устанавливаются различные льготы, гарантии и компенсации участникам образовательных отношений. Например, Закон Российской Федерации от 15.05.1991 № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (п. 11 ч. 1 ст. 14), Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (ст. 6), Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (ст. 19) и др.

Четвертая группа включает в себя федеральные законы, регулирующие трудовые отношения и определяющие порядок социального обеспечения участников образовательных правоотношений – в частности Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (главы 26, 31, 32).

В пятую группу предлагается включить федеральные законы, регулирующие отношения в сфере экономики и финансов образования. К ним относятся Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (например, глава 4, определяющая понятие, виды и финансовые основы юридических лиц), Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 2) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (в частности, нормы, затрагивающие договорные отношения – договор аренды (глава 34), договор возмездного оказания услуг (глава 39) и др.), Налоговый кодекс Российской Федерации (ч. 2) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (помимо общих норм по налогообложению, распространяющихся на образовательные учреждения, к специальным можно отнести п. 11, 21, 42, 46 ст. 217 и иные) и др.

Как видно, большую часть законов, затрагивающих вопросы образования, составляют «непрофильные» законы, их положения достаточно разнообразны и не всегда соответствуют друг другу. Такое большое количество нормативно-правовых актов равной юридической силы вызывает определенную сложность на практике для деятельности образовательных учреждений.

Помимо законов, нормативно-правовую базу в исследуемой сфере составляет и большое количество подзаконных нормативных актов федеральных органов государственной власти, которые могут быть объединены по принципу убывания юридической силы. Основным условием легитимности подзаконных актов является их непосредственная связь с законом, то есть они должны приниматься «на основе и во исполнение закона». Как подчеркивает Ю. А. Тихомиров, «бесспорность этой доктринальной формулы не требует доказательств, что является общепризнанным в мировом масштабе» [6; 46]. Поэтому подзаконные нормативные акты всегда должны соответствовать закону, а также законным полномочиям издавшего их органа правотворчества.

Основная функция нормативных указов Президента Российской Федерации заключается в том, чтобы оперативно обеспечить правовое регулирование наиболее важных вопросов, неурегулированных законодательными актами. В сфере образования (в силу отсутствия правовых механизмов и преимущественно декларативного характера норм закона, предусматривающих государственные гарантии образовательных прав граждан) к таким вопросам относятся государственная поддержка образования, а также социальная

и материальная поддержка обучающихся и педагогических работников [5]. Среди них, в свою очередь, можно выделить указы, принятые исключительно для регулирования отношений в сфере образования (например, Указы Президента Российской Федерации от 11.07.1991 № 1 «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР», от 06.04.2006 № 325 «О мерах государственной поддержки талантливой молодежи»). Кроме них необходимо отметить указы, содержащие отдельные положения, которые касаются проблематики образования (например, основы организации государственного управления образования закреплены в Указе Президента Российской Федерации от 12.05.2008 № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти»).

По мнению В. В. Спасской, типичными подзаконными актами являются нормативные акты Правительства Российской Федерации, которое как высший исполнительный орган государственной власти «на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных законов, нормативных указов Президента Российской Федерации обязано издавать постановления и распоряжения и обеспечивать их исполнение» (ч. 1 ст. 115 Конституции Российской Федерации) [5].

Распоряжения и постановления Правительства Российской Федерации могут быть целиком посвящены регулированию образования, например Постановления Правительства Российской Федерации от 05.07.2001 № 505 «Об утверждении правил оказания платных образовательных услуг», от 16.03.2011 № 174 «Об утверждении Положения о лицензировании образовательной деятельности». В эту группу входят и нормативные акты, утверждающие типовые положения об образовательных учреждениях (в частности, от 12.09.2008 № 666 «Об утверждении Типового положения о дошкольном образовательном учреждении», от 14.07.2008 № 521 «Об утверждении Типового положения об образовательном учреждении начального профессионального образования» и др.). Кроме того, распоряжения и постановления Правительства Российской Федерации могут содержать отдельные положения, регулирующие некоторые отношения в сфере образования (например, Постановление Правительства Российской Федерации от 04.10.2000 № 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации»).

Многочисленными и разнообразными источниками образовательного права являются нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, принятые по вопросам образования. В настоящее время ведомственные акты по вопросам образования издаются Министерством образования и науки Российской Федерации (вместо существовавшего до него Министерства образования России). Например, приказ Минобразования РФ от 24.02.1998 № 501 «Об утверждении Порядка перевода студентов из одного высшего учебного заведения Российской Федерации в другое», приказ Минобрнауки Российской Федерации от 21.10.2009 № 442 «Об утверждении Порядка приема граждан в имеющие государственную аккредитацию образовательные учреждения высшего профессионального образования», приказ Минобразования России от 01.11.1995 № 563 «Об утверждении Положения об итоговой аттестации выпускников учреждений начального профессионального образования и Положения о получении начального профессионального образования в форме экстерната» и др.

Таким образом, существует большое количество нормативно-правовых актов, затрагивающих вопросы образования. Поэтому на практике уполномоченным лицам, представляющим образовательное учреждение, тяжело в них разобраться, особенно если в них встречаются противоречия. В связи с этим необходима систематизация и направленность данных актов на конкретный уровень образования. Подобная систематизация планируется в связи с принятием проекта комплексного Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», который должен упразднить многие действующие на сегодняшний день нормативно-правовые акты в данной сфере.

ИСТОЧНИКИ

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Российская газета. 1993. 25 дек.
2. Закон Российской Федерации от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 30.
3. Федеральный закон от 22.08.1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» // Российская газета. 1996. 29 авг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

4. Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. М.: Юрид. лит., 1967. 175 с.
5. Спасская В. В. Современная система российского законодательства об образовании. 20.03.2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lexed.ru/pravo/journ/0506/spasskaya.doc.
6. Тихомиров Ю. А. Юридическая коллизия. М.: Манускрипт, 1994. 140 с.
7. Хридина Н. Н. Правовое регулирование как фактор развития единого образовательного пространства // Право и образование. 2004. № 1. С. 65–71.
8. Шкатулла В. Образовательное законодательство: состояние и перспективы // Высшее образование в России. 1995. № 4. С. 3–7.
9. Шкатулла В. И. Образовательное право: Учебник для вузов. М.: ИНОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА • М), 2001. 688 с.

Февраль, № 1 **Юридические науки** **2012**

УДК 342

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ АРБУЗОВ

аспирант кафедры международного и конституционного права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет

serzh.arbuzov@yandex.ru

РАВЕНСТВО КАК ОДИН ИЗ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается принцип социального равенства как одна из конституционных основ социального государства. При проведении исследования основной упор сделан на анализе позиций отечественных и зарубежных ученых.

Ключевые слова: социальное равенство, конституционный принцип, принцип социального государства

В соответствии со ст. 7 Конституции Российской Федерации [1] Россия является социальным государством, политика которого направлена на обеспечение достойной жизни и свободного развития личности.

Исследование сущности данного конституционного принципа предполагает вычленение заложенных в его фундамент правовых начал, основ построения и функционирования. Несмотря на то что концепция социального государства возникла лишь в середине XIX века в творчестве немецкого ученого Л. Фон Штейна [28], положенные в ее основу постулаты описывались с древних времен [2], [6], [13], [21]. Однако пока исследователям не удалось прийти к единому знаменателю по поводу того, на каких принципах основывается социальное государство.

Позиции ученых сосредотачиваются вокруг следующих правовых и в то же время нравственно-этических категорий: достойная жизнь и свободное развитие личности [27; 29]; достоинство человека, справедливость, ответственность, преодоление формально-юридического равенства с целью устранить резкие расхождения материальных статусов индивидов [16; 117]; равенство, свобода, справедливость [7; 40–53], [20; 40–95], [22; 54–80]; социальная справедливость, всеобщая солидарность и взаимная ответственность [10; 156]; свобода, равенство, справедливость, солидарность, ответственность [9; 134–146] и т. д.

Не вдаваясь в детальное рассмотрение принципов социальной государственности, так как это тема для отдельного исследования, скажем, что, на наш взгляд, одним из базовых принципов его существования и функционирования является конституционный принцип социального равенства. Однако прежде чем идея равенства приобрела правовое наполнение и вошла в круг конституционных основ социального государства, она имела различные конкретно-исторические формы. Эта категория возникла как отклик на порожденную в античном обществе частной собственностью социальную несправедливость. Но при рабовладельческом строе равенство существовало лишь между свободными людьми. Раб не был субъектом права и не обладал правами [11; 23].

Основатели естественной школы прав человека считали, что люди равны перед Богом. Сторонники марксистско-ленинского учения видели причину всякого неравенства в существовании института частной собственности [11; 25–26]. К тому же социалистическое государство, опекая своих граждан, могло лишь обеспечить им «равенство в бедности», наделяя большинство минимальными благами [10; 158]. В то же время в этом обществе отрицались экономическая свобода и частная хозяйственная инициатива, в которых усматривались элементы социальной несправедливости и классового неравенства.

Наблюдая через призму времени за развитием концепта равенства, можно констатировать, что сегодня эта идея (или конституционный принцип) фактически может быть реализована только в неразвитых государствах. На наш взгляд, чем богаче общество, тем сильнее выражено социальное неравенство.

Несмотря на изменчивость объема и содержания, места и роли принципа равенства в истории человечества, В. С. Нерсесянц считает, что где его нет, там нет и права как такового [15; 23]. Право – это основание для уравнивания людей, а всеобщий масштаб поведения представляет единая для всех норма. В этом контексте можно говорить лишь о существовании равенства правового, формального, которое не учитывает индивидуальных отличий. Формальное равенство общепризнанно в отечественной юриспруденции. Что касается равенства социального, то нет и не может быть двух равных в социальном плане индивидов.

Понятие «равенство» трактуется как состояние пребывания равным в определенном отно-

© Арбузов С. Ю., 2012

шении [8; 121]; это одинаковость, полное сходство [23; 6]; подобие; положение людей в обществе, обеспечивающее их одинаковое отношение к закону, одинаковые политические и гражданские права, равноправие [17; 638].

В конституционном аспекте оно приобретает особое содержание. Непосредственно формальное равенство воплощено в ст. 19 Конституции Российской Федерации, провозглашающей равенство прав и свобод. В основе формального равенства вычленяются следующие конституционные критерии: равенство всех перед законом и судом, равенство в обладании правами и свободами и гендерное равенство.

Нельзя не признать, что Конституция 1993 года исходит из веры в то, что в условиях свободы только полноправный человек сам найдет путь к своему счастью [3; 11]. Следовательно, формальное равенство возможно только в условиях ограниченной правом свободы, которая наряду с самим равенством выступает важнейшим критерием достойной жизни.

Но принцип правового равенства в контексте социального государства подвергается критическим отзывам ученых, которые полагают, что социально-экономические и культурные права являются привилегий слабых, это октроированные права, или права в кавычках [12; 26], [14; 9]. Распределяя национальный доход, социальное государство отдает предпочтение тем, кто сам себе помочь не может в силу психофизических особенностей, ущемляя в правах здоровых людей, которые оказываются «за бортом» социальной помощи, так как сами в состоянии обеспечить и себя, и свою семью. В связи с этим конституционный принцип правового равенства нарушается, преломляется и не является всеобщим.

Вместе с тем социальная помощь носит субсидиарный характер и допустима только в тех пределах, которые необходимы для поддержания минимального уровня благосостояния. То есть за идеей социального государства кроются опасные иждивенческие настроения, потребительство и опекунство. Оно же помогает слабым и больным лишь в той мере, которая необходима для сохранения их жизни и здоровья, предоставляя самый минимум социальных благ. Однако сомнение вызывают два обстоятельства.

Во-первых, привилегии слабым, связанные с наличием у них социальных прав, носят объективно необходимый характер. Их признание не игнорирует конституционного принципа равенства. В данном случае речь идет о признаваемой во всем мире «позитивной дискриминации». В связи с этим «возвышение» одной группы прав возможно лишь при пренебрежении к другой [18]. Между негативными и позитивными правами не существует никакого противоречия [5; 14]. Все права и свободы равноценны, а следовательно, не нарушается и принцип формального равенства.

Во-вторых, социальное государство, оказывая помощь слабым и больным, также создает условия для достойной жизни остального населения – тех, кто находится в более выгодном положении в экономике страны. Например, разрабатывая и реализуя государственные концепции и программы в сфере жилья, образования, демографии, жилищно-коммунальных услуг, государство охватывает все категории населения. Другое дело, что меры оказываемого воздействия могут быть разными, зависеть от социально-демографических групп, состояния здоровья, возраста и других обстоятельств.

Позиции уважаемых ученых приближены к появившемуся на Западе и не имеющему аналогов в русском языке неологизму «workfare state» – «трудовое государство», «государство, благоприятствующее труду», государство, удовлетворяющее только основные потребности и учитывающее трудовой вклад при распределении общественных благ [24; 256], [25; 13], [27; 13]. Данное понятие, по всей видимости, возникло как противостоящее предложенному английским архиепископом Уильямом Темплом в 1941 году термину «welfare state» – государство всеобщего благоденствия [4; 138].

Мы полагаем, что исходным конституционным положением, утверждающим формальную природу правового равенства, является ст. 19 Конституции Российской Федерации.

Социальное равенство является одним из принципов социального государства, это равенство свободных индивидов в пределах единого для всех эквивалента – нормы права. Оно подразумевает равное обладание правами на материальные и духовные блага, порожденные современной цивилизацией.

ИСТОЧНИК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 62; 2008. № 267.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

2. Аристотель. Политика. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 393 с.
3. Баглай М. В. Конституционализм и политическая система в современной России // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 10–19.

4. Вейт-Уилсон Д. Государство благосостояния: проблема в самом понятии // Pro et Contra. 2001. № 3. С. 128–157.
5. Вишняков В. Г. Конституционные основы социального государства // Журнал российского права. 2004. № 8. С. 11–22.
6. Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. Т. 2. / Под ред. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1991. 728 с.
7. Гурлев А. В. Право человека на достойную жизнь как основная ценность социального государства: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. 174 с.
8. Джери Д., Джери Д. Большой толковый социологический словарь: В 2 т. Т. 2. М.: Вече: АСТ, 1999. 527 с.
9. Калашников С. В. Очерки теории социального государства. М.: Экономика, 2006. 362 с.
10. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: Учебник. М.: Проспект, 2008. 603 с.
11. Комкова Г. Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека и гражданина в России: понятие, содержание, механизм защиты: Дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2002. 384 с.
12. Конституция Российской Федерации. Проблемный комментарий / Отв. ред. В. А. Четвернин. М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 1997. 702 с.
13. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3 / Под ред. А. Л. Субботина. М.: Мысль, 1998. 653 с.
14. Мамут Л. С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7. С. 5–14.
15. Нерсесянц В. С. Философия права: Учебник. М.: Норма, 2005. 656 с.
16. Общая теория прав человека / Отв. ред. Е. А. Лукашева. М.: Норма, 1996. 509 с.
17. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбукевич, 1999. 939 с.
18. Пеньков Д. С. Классификация прав человека и правовой статус: проблема соотношения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://science.ncstu.ru/articles/law/08/14.pdf/file_download
19. Платон. Сочинения: В 4 т. Т. 3. Ч. 1 / Под ред. А. Ф. Лосева. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. 749 с.
20. Родионова О. В. Социальное государство: теоретико-правовой аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 197 с.
21. Руссо Ж. Ж. Об Общественном договоре. Трактаты. М.: ТЕРРА – Книжный клуб: КАНОН-пресс-Ц, 2000. 542 с.
22. Старшова У. А. Конституционные основы социального государства в Российской Федерации: Дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 219 с.
23. Толковый словарь русского языка: В 3 т. Т. 3 / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Вече, 2001. 671 с.
24. Чекунов Н. А. Социальное правовое государство: вопросы теории и практики // Правоведение. 2003. № 4. С. 250–258.
25. Чиркин В. Е. Конституция и социальное государство в сравнительном измерении // Конституция: сравнительно-правовое исследование. М., 2008. С. 5–36.
26. Чиркин В. Е. Конституция и социальное государство: юридические и фактические индикаторы // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 24–37.
27. Чиркин В. Е. Россия, Конституция, достойная жизнь: анализ взаимосвязей // Государство и право. 2006. № 5. С. 5–13.
28. Stein L. von. Gegenwart und Zukunft der Rechts – und Staatswissenschaften Deutschlands. Stuttgart: J. G. Cotta, 1876. 339 s.

Февраль, № 1 **Рецензии** **2012**

УДК 94 (470.22)

МИХАИЛ ИЛЬИЧ ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет
shumilov@karelia.ru

Рец. на кн.: **Кораблев Н. А. Предпринимательство в Карелии во второй половине XIX – начале XX вв. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 268 с.**

В современных условиях формирования рыночных отношений возрос интерес к изучению истории предпринимательства в дореволюционной России. Для историков настало время более глубокого осмысления прошлого, ибо в советской историографии оно представлено с позиций классовой непримиримости богатых и бедных и, соответственно, негативной характеристики буржуазии как врага советской власти. Издание кандидатом исторических наук Николаем Александровичем Кораблевым книги по истории предпринимательства в Карелии является первой обобщающей работой, по-новому характеризующей роль торгово-промышленного слоя в историческом процессе. Его исследование основано на достаточно богатой источниковой базе и новых архивных документах, впервые вводимых в научный оборот. Заслуживает одобрения и целевая установка автора – рассмотреть такие вопросы, как численность, национальный и социальный состав предпринимателей, процесс формирования предпринимательской среды в крае, основные направления деятельности местного делового сообщества.

Автор справедливо считает, что формирование предпринимательской среды и масштабы ее деятельности в разных регионах страны были разными и Карелия не стояла в авангарде этого процесса. Тем не менее после отмены крепостного права в 1861 году и она вступила на путь рыночных отношений, что привело к появлению в нашем крае торгово-предпринимательской среды, новых видов и направлений хозяйственной деятельности, развитию социальной инфраструктуры. Все это отвечало потребностям освоения имеющихся природных ресурсов для улучшения жизни населения. Предприниматели учитывали складывающийся в стране рынок товаров и услуг, наличие соответствующих условий и спрос потребителей.

Н. А. Кораблев упоминает, что местные историки отчасти затрагивали эту тему, но освещали ее фрагментарно и недостаточно. По своему содержанию и научной аргументации исследование Кораблева выгодно отличается в лучшую сторону от подобного рода работ, изданных в последнее время на Европейском Севере [1], [3], [4], [5].

Формирование торгово-промышленного слоя в нашем крае шло не просто. Следует напомнить, что правительственный курс в отношении капиталистического развития отличался крайней противоречивостью и сдерживал процесс роста частного предпринимательства. Раскрывая местные условия формирования предпринимательской среды, Николай Александрович обращает внимание на наличие в ней не только буржуазии, но и товаропроизводителей некапиталистического типа, которые напоминали собой представителей современного «мелкого» бизнеса.

Основным правовым актом для начала предпринимательства послужило принятое в 1863–1865 годах «Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов». Согласно ему Петрозаводск был отнесен к III классу городских и сельских местностей с мануфактурной промышленностью, а уезды – к низшим IV и V классам местностей. Мелким предпринимателям предоставлялись льготы. Крестьянам разрешалось содержать без уплаты пошлин сельскохозяйственные заведения (маслобойни, лесопильни, кирпичные заводы и др.). Законом от 15 января 1885 года «О налогообложении промышленности и торговли» вводился дополнительный сбор с крупных предприятий и акционерных компаний. А в 1898 году последовал закон о промысловом налоге, предусматривавший освобождение от взимания пошлин с мелких владельцев-лавочников, кредиторов-ростовщиков, подрядчиков, а также посредников в сбыте крестьянской промысловой и сельскохозяйственной продукции. В 1903 году в Петрозаводске открыли муниципальный банк, а в 1911-м – отделение государственного банка. Все это оживило торгово-промысловую деятельность. За вторую половину XIX века число выдач гильдейских свидетельств в Олонецкой губернии возросло вдвое, а промысловых свидетельств на мелкий торг – в 1,7 раза. Число пайщиков местных фирм достигло к 1913 году более одной тысячи человек. К этому времени появилось также 22 ассоциированных собственника, из них 13 иногородних и 9 местных. Автор заключает: «На общероссийском фоне местная деловая среда состояла преимущественно из мелких и средних предпринимателей и была представлена в основном купцами 2-й гильдии и торгующими крестьянами и мещанами» (с. 265). Предприниматели формировались преимущественно за счет выходцев из «неименитой» среды, главным обра-

© Шумилов М. И., 2012

зом из разбогатевших крестьян и мещан. В нее входили не только русские, но и карелы, а также представители других национальностей.

В исследовании уделяется большое внимание конкретным представителям торгово-промышленного предпринимательства. Это потомки старых купеческих династий. Одним из них стал потомственный почетный гражданин и городской голова Петрозаводска Георгий Ефимович Пименов. Выделялись также петрозаводские купцы династий Пикина, Сывороткина, Румянцева, Леонтьева, Коновалова, Тиккоева, Тихонова, Лейманова и др. В уездах большой известностью пользовались купцы Куттуев из Олонца, Малокрошечный и Базегский из Пудожа, Мартынов из Повенца, Норкин и Шуттиев из Кеми. Всего по Карелии насчитывалось до 600 торговцев с общим годовым оборотом более 1,5 млн рублей.

Торговлей занимались не только купцы, но и лесопромышленники, ведущие заготовку леса. Это позволяло им обеспечивать своих рабочих продовольственными товарами первой необходимости в кредит и держать их в кабале, выдавая им в виде задатка продовольствие и товары из своих лавок. Торговля служила также источником первоначального накопления капитала, ибо продажа хлебопродуктов в Карелии в тот период давала большую прибыль. Со временем развитие мелкой крестьянской торговли по волостям и деревням стало вытеснять купеческую торговлю.

Наряду с торговлей появилось стремление к развитию промышленности. В 1874 году возникло «Северное акционерное общество» по разработке железорудных месторождений в Карелии, были построены чугуноплавильные заводы близ села Туломозеро Олонецкого уезда и на берегу Пальеозера в Повенецком уезде. В конце XIX века были задействованы Сеговецкий чугунолитейный завод в Повенецком уезде, Видлицкий – в Олонецком уезде. Они работали на базе местной и озерной руды. Однако из-за малой рентабельности в начале XX века они прекратили свою деятельность.

Более успешными в условиях Карелии оказались лесозаготовки и лесопиление, чем занялись петербургские и архангельские лесопромышленники Беляевы, Савины, Русановы, Э. Г. Брандт, Д. Н. Лебедев, А. Ю. Сурков, Е. И. Шергольд, начавшие осваивать лесные богатства Карельского Поморья. Заметную роль стали играть представители английского капитала К. Стюарт и Э. Джеллибрант и шведского – Г. Ослунд и А. Бергрен. Лесозаводчики пустили в действие ряд лесозаводов в Кеми, Сороке, Ковде, Керети, а также в Южной Карелии (Шальские – Н. А. Русанова и Д. Н. Лебедева, Соломенский – И. Ф. Громова, Сунский – Э. Г. Брандта) и др. Всего в Карелии действовало в 1913 году 18 частных лесозаводов, 62 пилорамы, из них 9 принадлежали российским предпринимателям, 4 – иностранным, 5 – местным владельцам. В 1913 году они выпустили 386 тыс. кубометров пиломатериалов на сумму 5,8 млн рублей (с. 164). Наиболее крупные лесозаводы работали в Карельском Поморье. В начале XX века лесозаготовки в крае возросли вдвое и в 1913 году достигли 1,7 млн кубометров.

Вербовкой рабочей силы на лесозаводы занимались подрядчики и местные предприниматели (Захарьевы, Кипрушкины, Кирьяновы, Кораблевы, Мирохины, Пименовы, Румянцевы, Савины, Фершуковы и др.). В книге обстоятельно говорится о том, как развивалось лесопиление, особенно в Карельском Поморье, а также в Пудожском уезде. В этом деле выдвинулся ряд предприимчивых крестьян и купцов, которые сумели организовать не только лесопиление, но и отправку лесоматериалов с беломорских лесозаводов за границу, а из Южной Карелии в Петербург. Лесопромышленники Беляевы, Савины параллельно с лесопилением организовали на мурманском побережье торговлю продовольствием и промысловым снаряжением, выступали скупщиками продукции семужьего и сельдяного промысла.

Поскольку организация лесопиления в Карелии шла успешно, лесопромышленники начали объединяться в компании и акционерные общества. В 1891 году основатели Кемского лесозавода А. Ю. Сурков и Е. И. Шергольд договорились с архангельскими предпринимателями В. В. Гувелякеном и В. Д. Брандтом и создали «Товарищество Кемских лесозаводов» с основным капиталом в 500 тыс. рублей. Директор-распорядитель этой компании Гувелякен стал вскоре городским головой Архангельска. В 1893 году возникла акционерная компания «П. Беляев, наследники и К°», объединившая основной капитал 1,3 млн рублей и имевшая своих участников в Петербурге и за границей. Такой же компанией было «Товарищество Беломорских заводов Н. Русанов-сын» с капиталом в 1,5 млн рублей. В 1897 году появилась паевая компания «Товарищество лесопильных заводов и мануфактур «Д. Н. Лебедев» с центром в Петербурге и основным капиталом в 2 млн рублей. Ассоциирование капитала создавало более прочную основу для предпринимательства и устранения возможных рисков в деловых операциях.

Были попытки более глубокой переработки древесного сырья. В XIX веке работали спичечные фабрики Г. Койнонена, Ф. Фогеля, Г. П. Каца, картонная фабрика Ю. Тейфеля и другие мелкие предприятия, но они не получили дальнейшего развития.

Освоение других сырьевых ресурсов тормозилось отсутствием железнодорожных путей, а также сезонностью лесозаготовок и грузоперевозок по воде. Главными транспортными путями для Северной Карелии являлись Белое и Баренцево моря, а для Южной Карелии – Онежско-Ладожское

сообщение и Мариинская система. Регулярная связь Карельского Поморья с Архангельском началась в 1870 году, когда этим делом занялось «Товарищество Беломорско-Мурманского срочного пароходства». По данным Н. А. Кораблева, в числе учредителей этой компании были купцы и мещане из Кеми и Сумского Посада: Ф. Антонов, Ф. Белоусов, братья Воронины, Н. Елизаров, Д. Ломов, В. Митрофанов, кольский купец М. Базарный и др. В 1875 году дополнительно появилось «Товарищество Архангельско-Мурманского срочного пароходства» под руководством московского предпринимателя Ф. В. Чижова. После поездки на Север министра финансов России С. Ю. Витте число судов в Беломорско-Мурманском районе стало расти. Основной капитал товарищества Чижова превысил 1,3 млн рублей, из них доля государства составляла более 900 тыс. рублей.

Регулярное пассажирское сообщение между Петербургом и Петрозаводском открылось в 1861 году, между Петрозаводском и Повенцом – в 1873-м, а в 1876-м – между Петрозаводском и Пудожем. В 1890 году грузопассажирская линия связала Петрозаводск с Повенцом, Пудожем и Вознесеньем. На Онежском озере и реке Свири действовало 13 пассажирских и 67 буксирных пароходов частных предпринимателей, из числа которых выделялись Ф. Фогель, К. А. Чертов, С. С. Буравов, Г. Г. Торкачев, П. П. Кашинов, А. И. Миронков, братья Кораблевы. В 1905 году образовалась компания «Онежское пароходное товарищество» во главе с предпринимателем В. Д. Лысановым. Пайщиками этой компании являлись местные купцы, крестьяне и мещане (более 100 человек). Коммерческие дела пароходства шли успешно. К 1915 году число пайщиков фирмы возросло в два раза. В исследовании дана развернутая характеристика работы судоходных компаний по грузопассажирским перевозкам на водных путях.

Наряду с торгово-производственной деятельностью купцы и предприниматели Карелии активно вовлекались в общественную и благотворительную работу, о чем ранее не упоминалось. Н. А. Кораблев, изучив этот вопрос, поведал читателям о разнообразных формах участия представителей делового мира в общественной жизни и меценатстве. Купцы и предприниматели избирались гласными земств с учетом их имущественного ценза по трем куриям: землевладельцев, горожан и крестьян. Губернские гласные избирались на уездных земских собраниях. Ведущую роль в Олонецком земстве занимали предприниматели, как по городской курии, так и от сельских обществ. Жизненная практика у них превосходила общекрестьянский уровень, и им удавалось занимать ключевые места в руководстве уездными и городскими управами. Председателем губернской земской управы избирался потомственный почетный гражданин, купец Е. Г. Пименов. Председателями уездных управ работали купцы: в Петрозаводском уезде В. М. Игнатов, в Олонецком – Н. П. Серебряков, в Повенецком – П. И. Васильев и т. д. После смерти Е. Г. Пименова председателем губернской земской управы избирались купцы С. М. Румянцев, Н. Ф. Пикин, а с 1880 по 1905 год во главе олонецкого земства стоял предприниматель В. В. Савельев. В 1905–1917 годах он избирался членом Государственного совета Российской империи от земства и оставался губернским земским гласным. В 1914 году В. В. Савельеву за заслуги в организации строительства Мурманской железной дороги было присвоено звание почетного гражданина г. Петрозаводска, также он получил звание статского советника.

Подобно Савельеву и другие деятели земских управ губернии активно способствовали решению насущных проблем местной жизни. Лесопромышленники и торговцы М. М. Кирьянов, С. Г. Романов, М. Г. Аристаров избирались депутатами Государственной думы от Олонецкой губернии.

Приведенные в книге данные свидетельствуют о том, что при участии купцов и предпринимателей земские учреждения направляли значительную часть бюджетных средств и налоговых поступлений на социально-экономические и культурные нужды, благотворительность и попечение, содействие народному образованию, здравоохранению и т. п. Благодаря земствам в Олонецкой губернии раньше других губерний страны началось введение всеобщего начального образования, шло пополнение местных медицинских учреждений врачами и фельдшерами. Услуги земской медицины стали бесплатными.

Массовый характер приобрела благотворительная деятельность, особенно после установления в середине XIX века порядка в осуществлении филантропии. Правительство разрешило попечительство о бедных, пожертвования «на предмет общественной благотворительности или пользы» [6]. На пожертвования купцов, зажиточных крестьян и мещан всего края возводились Святодуховский кафедральный собор и Екатерининская церковь в Петрозаводске. Пудожский купец И. И. Малокрошечный на свои средства построил церковь в селе Лекса для старообрядцев. Его зять А. Б. Базегский опекал Муромский монастырь, провел реконструкцию Троицкой церкви в Пудоже. Предприниматель Ф. В. Савин на собственные средства построил церковь в селе Кереть. Такую же заботу о храмах Олонца проявлял местный купец В. Ф. Кузнецов, села Ладвы – В. Ф. Кипрушкин. Особенно много средств выделяли на церкви и монастыри купцы Каргополя, который славился соборами на всю страну.

В книге показано, насколько разнообразной была благотворительная деятельность состоятель-

ных людей, которые опекали разного рода приюты и богадельни, строили на свои средства земские школы, больницы и мастерские, заботились об учебе сирот и детей из бедных семей, оказывали помощь голодающим в неурожайные годы, возмещали долги бедных крестьян от «неоплатного для них долга». Частым явлением были разовые пожертвования предпринимателей в пользу нуждающихся по праздникам и памятным датам, по случаю пожаров, недоимок и иных бедствий. Некоторые купцы и состоятельные люди учреждали свои стипендии для учащихся гимназий и училищ, являлись попечителями земских училищ, пополняли школьные библиотеки литературой. В 1872 году Петрозаводское благотворительное общество на собранные пожертвования построило театр, в котором в течение многих десятилетий любительская труппа ставила спектакли и давала концерты, а после пожара в 1906 году оно воздвигло новое каменное здание, в котором ныне размещается Национальный театр республики.

Благотворительностью занимались не только местные купцы и предприниматели, но и выходцы из Карелии, проживавшие в Петербурге. Из числа их автор называет ряд мигрантов, оказавших большую помощь землякам. Один из них В. В. Богданов, став купцом 2-й гильдии, построил у себя на родине в селе Большие Горы Видлицкой волости училище с ремесленно-столярным классом и выделил средства на его содержание. Выходец из Ялгубы Петрозаводского уезда М. Е. Перхин, будучи мастером фирмы К. Фаберже, стал попечителем Ялгубского двухклассного училища. Много сделали для родных мест питерские купцы В. Т. Максимов и его сын Михаил Васильевич, выходцы из Заонежья, а также потомственные почетные граждане К. М. Изотов и И. И. Крылов. Они оказывали материальную помощь крестьянам, строили дороги, ежегодно посылали «целые партии с мукой» для неимущих крестьян, были попечителями земских училищ и приютов для бедных учеников.

В целом книга Н. А. Кораблева является ценным вкладом в разработку поднятой им темы. Но, к сожалению, автор не избежал некоторой идеализации деятельности предпринимательского слоя. В отечественной и зарубежной историографии имеется большой фактический материал о процессе первоначального накопления капитала и предпринимательстве в России в дореволюционный период. И нет необходимости говорить о том, что российский капитализм формировался в условиях жесточайшей эксплуатации наемного труда и политики репрессий в отношении рабочих, что привело к революциям 1905–1907 и 1917 годов. В исследовании Н. А. Кораблева ничего не говорится об отношениях между рабочими и предпринимателями, как будто и не было рабочего вопроса в рассматриваемый им период.

Кроме того, автор умалчивает о такой форме торговли в Карелии, как коробейничество, которое широко практиковалось в северо-западных волостях, где этим промыслом занималось до 1,5–2 тыс. человек [2]. Не все они являлись купцами, но прибыль от торговли имели. Среди них выделялись богатые крестьяне, которые организовали в Финляндии Союз беломорских карел. К этому можно было бы добавить и тех купцов, которые торговали российским хлебом, доставляя его через Финляндию в Сортавалу, Приладожье и Повенецкий уезд. Не следует забывать и того, что начало строительства Мурманской железной дороги тоже было связано с привлечением частного капитала. Строительство линии от станции Званка (Волховстрой) до Петрозаводска в 1914 году осуществляло АО «Олонецкая железная дорога». Снабжение рабочих продовольствием и товарами обеспечивали местные торговцы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баданов В. Г. Из истории становления торгово-промышленного класса в Карелии (XVIII–XX вв.). Становление предпринимательства в Республике Карелия: опыт и проблемы переходного периода 1991–2003 гг. Петрозаводск, 2003. С. 93–119.
2. Базегский Д. В. Экономические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии (Кайнуу) во второй половине XIX – начале XX в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Петрозаводск, 1998.
3. Козина Г. Н. Вологодские купцы-фабриканты и заводчики (XVIII – начало XX вв.) // Вологда. Краеведческий альманах. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 85–148.
4. Овсянкин Е. И. Архангельск купеческий. Архангельск, 2000.
5. Попов Г. П., Давыдов Р. А. Морское судоходство на Русском Севере в XIX – начале XX в. Архангельск, 2003.
6. Ульянова Г. Н. Законодательство о благотворительности в России (конец XVIII – начало XX вв.) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 17–32.

ЛАЙДИНЕН ЭЙНАР ПЕТРОВИЧ (07.07.1950 – 01.11.2011)

Известный карельский ученый, кандидат исторических наук, научный сотрудник Международного Научно-образовательного центра по истории и культуре Европейского Севера ПетрГУ, ведущий специалист в области изучения истории спецслужб России и Финляндии XX века.

Э. П. Лайдинен родился в г. Кемь Карело-Финской ССР. Трудовая деятельность началась на Онежском тракторном заводе. После службы в армии и окончания вечерней школы Э. П. Лайдинен поступает на финно-угорское отделение историко-филологического факультета Петрозаводского госуниверситета. В 1979 году был призван на службу в Управление КГБ СССР по КАССР. В 2006 году вышел в отставку в звании полковника ФСБ.

Интерес к истории финских спецслужб и их противостоянию советским органам госбезопасности с момента возникновения независимой Финляндии и до конца XX века привел к оформлению его в 1996 году соискателем исторического факультета ПетрГУ, а в 2000 году успешной защите кандидатской диссертации. Научная новизна исследования определялась тем, что диссертация была подготовлена на базе очень широкого круга архивных источников, большинство из которых впервые были введены в научный оборот. Кроме того, прекрасно владея финским языком, Эйнар Петрович использовал многочисленные финские исследования по данной проблеме. Это дало возможность показать точку зрения финляндских специалистов, которая часто не совпадала с позицией российских исследователей. По его инициативе в Архиве УФСБ РФ по РК была создана комиссия по рассекречиванию архивных документов, отражающих деятельность советских спецслужб в 1920–1940-е годы. Многочисленные архивные источники, ранее находившиеся под грифом «Секретно», стали доступны исследователям, которые смогли приступить к изучению прежде закрытых по идеологическим соображениям проблем.

С 2006 и до ноября 2011 года Э. П. Лайдинен работал научным сотрудником Международного Научно-образовательного центра по истории и культуре Европейского Севера исторического факультета ПетрГУ. За короткий срок им было многое изучено по проблемам советско-финляндских отношений в 1920–1950-е годы. Он соавтор 2 монографий, вышедших в России: «Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.)» (Петрозаводск, 2004) и «Заложники Зимней войны. (Интернированные финны на территории Калевальского района Советской Карелии в период Зимней войны 1939–1940 годов)» (Петрозаводск, 2004). Последняя книга была переведена на финский язык и опубликована в Финляндии в 2005 году. В августе 2010 года в ведущем финляндском издательстве «Отава» в соавторстве с известными финскими исследователями Э. Элфвенгреном и М. Косоненом вышла его книга «В тылу врага. Финская разведка в Советской Карелии в 1939–1944 гг.» (Eero Elfvengren, Matti Kosonen, Einar Laidinen. Vihollisen selustassa. Paamajan tiedustelu Neuvosto-Karjalasa 1939–1944. Helsinki: Otava, 2010). В настоящее время в Финляндии готовится к изданию второй том этой коллективной монографии. Данные книги получили высокую оценку ведущих российских и финляндских ученых. Кроме монографий Э. П. Лайдинен опубликовал более 100 научных работ. Они вышли в свет не только в России, но и в Финляндии и Швеции. Его научные публикации имели широкий отклик в российской и финской печати. В своих работах, основанных на широкой документальной основе, он критиковал определенные мифы и пропагандистские штампы, которые сложились в исторической науке Финляндии еще в период Второй мировой войны и существуют до сих пор. При этом финляндские коллеги высоко ценили его за объективность и компетентность в изложении проблем советско-финляндских отношений 1920–1950-х годов, прежде всего в сфере разведки. Э. П. Лайдинен неоднократно публиковался в финляндских исторических журналах и газетах, являлся членом военно-исторического общества Финляндии.

Э. П. Лайдинен принимал активное участие в международных, всероссийских и региональных научных конференциях, выступал с докладами, которые всегда вызывали большой интерес и широкие дискуссии. Он участник многих российско-финляндских научных проектов: «Монумент Зимней войны» (2000–2002), «Концентрационные лагеря и места принудительного содержания на оккупированной территории Советской Карелии в 1941–1944 гг.» (2005–2006), «Карельские партизаны на территории Финляндии в 1941–1944 гг.» (2007–2011) и др.

С уходом Э. П. Лайдинена российская историческая наука советско-финляндских отношений потеряла талантливого и объективного исследователя.

С. Г. ВЕРИГИН,
канд. ист. наук, доцент, декан исторического факультета,
Петрозаводский государственный университет

27 января 2012 года исполнилось 90 лет доктору филологических наук, профессору кафедры литературы Карельской государственной педагогической академии *Владимиру Петровичу Крылову.*

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ КРЫЛОВ
К 90-летию со дня рождения

Владимир Петрович Крылов родился в 1922 году в г. Пудоже. По окончании пудожской семилетней школы и петрозаводского педучилища работал учителем начальных классов и преподавателем рисования. С августа 1941 года, уйдя на фронт добровольцем, и до победных залпов 1945-го В. П. Крылов воевал с врагом, служил помощником командира взвода, участвовал в снятии Ленинградской блокады, освобождал Псковскую область и Прибалтику… Об этих «годах далеких» Владимир Петрович рассказал в военных мемуарах «Годы далекие и близкие» (Петрозаводск, 2007). После войны В. П. Крылов окончил Ленинградский пединститут и дальнейшую жизнь посвятил преподаванию и науке Карелии: работал учителем в Пудоже, инспектором в Школьном управлении Министерства просвещения Карелии, был директором Института усовершенствования учителей, в 1961–2009 годах работал на кафедре литературы Карельского пединститута (ныне КГПА), в 1977–1990 годах был ее заведующим.

В. П. Крылов – автор 70 научных работ, в том числе 6 книг и учебных пособий. Область его научных интересов – русская литература XX века, творчество Л. Леонова, жанрово-стилевое своеобразие новейшей русской прозы, методика преподавания литературы в школе. Докторскую диссертацию на тему «Философская проза Леонида Леонова: вопросы поэтики» В. П. Крылов защитил в 1977 году. Сегодня В. П. Крылов назван основоположником этой темы в леоноведении. Он автор ряда значимых работ, посвященных творчеству писателя: «О некоторых сюжетно-композиционных особенностях “Русского леса” Л. Леонова» (Русская литература. 1974. № 3), «Художник-новатор» (Мировое значение творчества Л. Леонова. М., 1979), учебного пособия «Проблемы поэтики Л. Леонова. Композиция философского романа» (Л., 1981), монографии «Леонид Леонов – художник» (Петрозаводск, 1984). Долгие годы Владимир Петрович был членом редколлегии журнала «Север». В. П. Крылов – член диссертационного совета по защите докторских диссертаций по филологии в ПетрГУ. В свои 90 лет он полон творческих сил, в его ближайшие планы входит разбор и публикация личного архива, связанного с Л. Леоновым.

В. П. Крылов имеет почетные звания «Заслуженный деятель науки КАССР» (1982) и «Заслуженный работник высшей школы РФ» (1998). В 2011 году он стал Почетным профессором КГПА.

От всей души поздравляем Владимира Петровича с его славным юбилеем, желаем ему здоровья, бодрости духа и исполнения творческих планов!

Редакция журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета»

ЕДИНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Публикации в журнале подлежат статьи, ранее не печатавшиеся в других изданиях.

Статья предоставляется в распечатанном виде на бумаге формата А4 (в двух экземплярах) и в электронном виде, на носителе или вложением в электронное письмо на адрес редакции журнала. Печатная версия статьи подписывается всеми авторами.

Статья набирается в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .doc. Объем оригинальной и обзорной статьи как правило не должен превышать 1 печатный лист, кратких сообщений – до 5 страниц, отчетов о конференциях и рецензий на книги – до 3 страниц. Поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое и левое – 3 см. Абзацный отступ – 0,5 см. Шрифт: Times New Roman, размер – 14 пунктов, аннотация, список литературы – 12 пт, межстрочный интервал – полуторный. Нумерация страниц – справа внизу страницы.

Статья должна состоять из следующих элементов: названию статьи должен предшествовать индекс универсальной десятичной классификации (УДК) в левом верхнем углу. Далее через 1 интервал – название статьи жирным шрифтом заглавными буквами, название должно быть по возможности кратким, точно отражающим содержание статьи. Точка в конце названия статьи не ставится. Сведения об авторе (имя, отчество, фамилия автора (-ов) полностью; ученая степень и звание; место работы: вуз, факультет, кафедра; должность; электронный адрес и контактные телефоны). Аннотация (объемом 6–8 строк) на русском и английском языках, перед ней – название статьи и фамилия (-ии) автора (-ов) также на двух языках; ключевые слова от 3 до 8 слов (или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) также на двух языках. Все перечисленные элементы статьи отделяются друг от друга пустой строкой и печатаются без абзацного отступа через 1 интервал.

Основной материал статьи и цитат, приводимых в статье, должен быть тщательно выверен автором. Сокращения слов не допускается, кроме общепринятых сокращений химических и математических величин и терминов. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

Список литературы, примечания, комментарии и пояснения по тексту статьи даются в виде концевых сносок. Список литературы должен быть напечатан через одинарный интервал, на отдельном листе. Цитируемая в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания и страницы (от и до или количество)) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи (сначала отечественные, затем зарубежные. Фамилии иностранных авторов приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи ссылка на источник делается путем указания в квадратных скобках порядкового номера цитируемой книги или статьи, через точку с запятой – цитируемых страниц, если это необходимо. В книгах иностранных авторов, изданных на русском языке, после заглавия книги через двоеточие указывают, с какого языка сделан перевод. Выходные данные по статьям из журналов и сборников указывают в следующем порядке: фамилия (-ии) автора (-ов) с инициалами, название статьи, через две косые черты – название журнала (год, том, номер, страницы (от и до) или сборника (место издания, год, страницы (от и до)). По авторефератам – фамилия, инициалы, полное название автореферата, после которого ставят двоеточие и указывают, на соискание какой степени и в какой области науки защищена диссертация, место издания, год, страницы.

Таблицы – каждая печатается на отдельной странице, нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте и снабжается заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word (формат .doc). В тексте следует указать место таблицы и ее порядковый номер.

Иллюстрации (рисунки, фотографии, схемы, диаграммы) нумеруются, снабжаются подписями и представляются в виде отдельных растровых файлов (в формате .tif, .jpeg), а в тексте рукописи указывается место, где они должны быть размещены. Для оригиналов (бумажная версия) на обороте каждой иллюстрации ставится номер рисунка, фамилия автора и пометка «верх», «низ». Каждый рисунок должен иметь название и объяснение всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под ним. В тексте статьи должна быть ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 1).

Статьи, поступившие в редакцию, обязательно рецензируются. Если у рецензентов возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений в текст, не искажающих смысла статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала.

February, № 1 **2012**

CONTENTS

HISTORY

Sirenov A. V.

ABOUT GENRE ORIGINALITY OF BOOK OF DEGREES

Summary: The article is concerned with the research of the Book of Degrees – a monument of Russian historical literature of the XVI century. The purpose of the research was to define particular features of historical facts' reflection in reference to textual adoptions and ideological influence.

Key words: Source studies, Russian historiography, hagiography, the Book of Degrees, annals, Russian history of the XVI century 7

Zhulnikov A. M.

CROCKERY SCULPTURAL IMAGES IN CONTEXT OF INTERRELATIONS BETWEEN EASTERN AND TRANS-URAL POPULATION

Summary: The article deals with figured projections of sculptural images on the crockery found on the territory of Eastern Europe. The dimensional and chronological analysis of the crockery sculptural images revealed that their appearance could be explained by the convergent development, in the first case, (the Neolithic) and by the influence of Trans-Urals culture, in the second case (the Bronze Age).

Key words: Eastern Europe, sculptural images on crockery, Neolithic, Eneolithic, Bronze Age 12

Platonov E. V.

KARGAPOLSKY CHAPELS IN MIDDLE OF XVIII CENTURY (CASE STUDY OF THE 1762–1756 INVENTORY)

Summary: The article presents the study of the archival document containing data on the chapels of the Russian North in the middle of the XVIII century. A comparison of the available information with comparable data of the XVII century is carried out; conclusions about evolved changes in the religious way of living in the northern village of the first half of the XVIII century are drawn.

Key words: Chapel, Russian North, church reform, Orthodoxy 18

Dianova K. A.

ORGANIZATION AND WORK OF "SOCIETY OF OLONETS PROVINCE STUDY"

Summary: The article is concerned with the work of the leading scientific and local history organization of pre-revolutionary Karelia – "Society of Olonets Province Study". The main areas of the society's scientific interests and its contribution to the development of the regional study are considered.

Key words: Local studies, Shidlovsky, Society of Olonets Province Study, "Proceedings of the Society of Olonets Province Study" 23

Sogrina S. A.

SPECIFIC DEPARTMENT AND TAR DISTILLATION FIELD IN EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN SECOND HALF OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURY

Summary: The article deals with the influence of legislative and organizational measures of the Specific Department on the development of the peasant tar distillation field in Archangelsk and Vologda Provinces. Ample characteristics of the condition of the fields in the crown lands of European North of Russia are given. Vast characteristic features of the field are considered in connection with the tar distillation emergence and specificity of its development.

Key words: Tar distillation, farming, crown lands, forest survey, Vazhskii tar distillation region 26

Shulgina M. V.

SOLOVETSKY CAMPS AND KOLA PENINSULA INDUSTRY IN 1920s – BEGINNING OF 1930s

Summary: The article is concerned with the use of the convict labor in Solovetsky camps in the process of Kola Peninsular development. The basic branches of the industries in which prisoners were involved are named. The living conditions, the character and job content, measures of coercion and stimulation of the convict labor are analysed. Special attention is given to the development of the "contracted specialists" industry. The specialists of the "contracted" industry were deprived of liberty.

Key words: Solovetsky camps, Kola peninsula, industrialization, fishing, Civil works, mining industry, contracting of specialists 30

PEDAGOGY

Richkova N. A.

PREVENTIVE CHARACTER OF POSITIVE BEHAVIORAL INTERVENTION FOR CHILDREN AT RISK OF MALADJUSTMENT

Summary: The individual-typological features of behavioral disorders in children, coming from disadvantaged families, are studied. The levels of family maladjustment are presented. The method of positive behavioral intervention is introduced. Positive behavioral intervention method is realized in three steps. The essence of correctional intervention in cases of hyperkinetic behavior in children is described.

Key words: Dysfunctional family, behavioral disorders, family maladjustment, correction of behavioral disorders, early prevention 35

Ribak E. V., Tsikhonchik N. V.
PRACTICAL EXPERIENCE ORGANIZATION FOR YOUTH SPECIALISTS UNDER CONDITIONS OF HIGHER EDUCATION MODERNIZATION
Summary: The problem of content and methods of practical experience organization for students majoring as youth specialists is considered in the article. Features characterizing the process occurring during the period of transition are shown. Restructuring of the higher educational system is carried out in the context of competency approach.
Key words: Practice, youth, modernization of the higher education, competency approach 40

PHILOLOGY

Belikova A. Ye., Gurin G. B.
ASSESSMENT METHOD OF CONVENTIONALITY OF METAPHORIC EXPRESSIONS: FROM INTUITION TO OPERATIONAL CRITERIA
Summary: The paper presents a new classification for metaphorically used lexical items based on the degree of their conventionality. The novelty of the approach lies in its consistent avoidance of reference to intuitive and introspective criteria, which are widely used in metaphor studies, in lexicographical and corpus-based data. The proposed classification is based on the verifiable algorithmic procedure for identification of metaphor type.
Key words: Conventionality of metaphorical expressions, evaluation procedure for degree of metaphoricity, introspection and intuition in linguistics 44

Dushkina M. S., Rozhkova A. V.
WAYS OF EXPRESSING RECOMMENDATIONS AND ADVICE IN BUSINESS MONUMENT OF XVI CENTURY "NAZIRATEL"
Summary: The article studies different ways of expressing advice and recommendations in business written language of the XIV century. The study is based on the materials of the monument "Naziratel "characterized by its didactic nature.
Key words: Historical grammar, business written language, modality 51

Lelis E. I.
ROLE OF PHONICS IN EXPLICATION OF SUBTEXT MEANINGS
(based on the story "Steppe" by A. P. Chekhov)
Summary: Sounds and sound combinations underlie phonemic images and acquire properties of the stimuli leading to the formation of the subtext. Deprived of their personal language meaning they explicate the subtext due to their ability to obtain potential meaning and compositional arrangement in the text.
Key words: Sound, sound combination, phonemic image, subtext, literary text 56

Loiter S. M.
EXPEDITION OF BROTHERS B. M. AND YU. M. SOKOLOVS "FOLLOWING THE TRAIL OF RIBNIKOV AND GIL'FERDING" AND ITS PARTICIPANT E. V. RZHANOVSKAYA
Summary: The article is prompted by the publication of the expedition materials of B. M. and Yu. M. Sokolovs "Following the Trail of Ribnikov and Gil'ferding". Expedition materials contain intact layers of texts full of facts significant for folklore studies. New evidences about the work and contribution of the already well-known teacher and collector of folklore heritage for children E. V. Rzhanovskaya speak about her as a competent and active participant of the expedition.
Key words: Russian North, tradition, epic poetry, variant, plot, gathering, storyteller 61

Malchukova T. G.
PUSHKIN AS FOUNDER OF RUSSIAN NATIONAL AND EUROPEAN LITERATURE
Summary: The author of the article elaborates on the famous quote of Alexander Hertsen about Pushkin as a Russian response to the call of the emperor "to get educated". The goal of the article is to clarify the understanding of the poet as a romanticist and a classicist.
Key words: Russian literature, Pushkin, founder of the national European literature 67

Denisov V. D.
HISTORICAL AND LITERARY CONTEXT OF PORTRAYING ZAPOROZHEAN COSSACKS IN EARLY PROSE OF N.V. GOGOL
Summary: The article is concerned with distinctive features of portraying Zaporozhean Cossacks in Russian literature and journalism preceding Gogol. The reasons explaining the differences in portrayal and contradictory characteristics in Gogol's early prose are studied.
Key words: Gogol's early creative work, Zaporozhean Cossacks, the history of Little Russia 74

Loginova E. V.
LANGUAGE IMAGE OF KNOWLEDGEABLE PERSON IN FINISH DIALECTS
Summary: The article restores the logic of semantic development of the vocabulary positively characterizing human intellectual activity.
Key words: Secondary nomination, polysemy, metaphor, types of semantic motivation 80

Mekhralieva G. A.
FABLE IN LIUDMILA PETRUSHEVSKAYA'S FANTASIES
Summary: The article deals with characteristic features of the fable and the parable in Liudmila Petrushevskaya's fantasies. It is shown that the ambiguity and travesty of the end-piece of the writer's fantasies, which reminds of the fable's epimyth, can be explained by the inner contrariety of the fable's maxims.
Key words: L. Petrushevskaya, fantasy, fable, parable. 85

PHILOSOPHY

Volkov A. V.

SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN CONTEXT OF EVOLUTION EPISTEMOLOGY

Summary: One of the main tendencies in contemporary philosophy of science – the orientation on displaying the "anthropological" dimension of scientific knowledge is reflected in the article. Based on the material of the history of science, on the one hand, and the evolution epistemology and anthropological studies, on the other hand, the author aims to demonstrate correlation between basic scientific categories (identity and causality), principles of scientific knowledge, and specifics of human evolutionary history.

Key words: Evolution, epistemology, human, scientific knowledge, identity, causality, mentality 88

ECONOMICS

Cherepovitsyn A. E., Il'inova A. A.

KEY FACTORS OF COMPETITIVENESS IN PHOSPHORUS-CONTAINING MINERAL FERTILIZERS

Summary: The analysis of the branch and competitive situation on the market of phosphorus-containing minerals is considered in the article. The key factors of the competitiveness reflecting specifics of the branch are revealed. Based on the performed analysis, the functioning of the mining and chemical holding companies in conditions of turbulent environment is described.

Key words: Key factors of competitiveness, phosphorus-containing mineral fertilizers, strategic analysis, competitive environment 94

Lebedeva Yu. V.

ASSESSMENT OPPORTUNITIES OF LABOR FORCE DEVELOPMENT AND USE

Summary: Modern economic science views labor force as one of the main factors of the country's competitiveness. Competency of the labor force, human capital asset of the country, methods, and criteria of their assessment in Russian conditions constitute a particular interest.

Key words: Labor force, human capital asset, national resources, economic growth 100

Fadeeva N. L.

CHARACTERISTIC FEATURES OF STATE POLICY REGARDING YOUNG FAMILIES:
CASE STUDY OF HOUSING PROBLEM SOLUTION IN KARELIA

Summary: The article considers the key features and main problems of the young family in the modern Russian society. The author focuses on the problem of housing conditions and its improvement. The article analyses the main legislative initiatives, which contribute to the solution of the housing problem in the Republic of Karelia, and concrete results achieved within recent years.

Key words: Young family, government assistance, improvement of living conditions, social services. 106

LAW

Olenina T. Yu.

LEGAL AND REGULATORY FRAMEWORK OF RUSSIAN FEDERATION IN EDUCATION

Summary: The article is concerned with the legal and regulatory acts of federal level pertaining to education. The author provides examples and commentaries.

Key words: Legal regulations in education, right to education, education, vocational education 109

Arbuzov S. Yu.

SOCIAL EQUALITY AS CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF WELFARE STATE IN RUSSIAN FEDERATION

Summary: The article considers the principle of social equality as one of the constitutional principles of the social welfare state. The focus of the study are the statutes of the Federal legislation, Russian and foreign statistical data, viewpoints of Russian researchers.

Key words: Social equality, principle of the social welfare state, Russian and foreign statistics. 112

REVEWS

Shumilov M. I.

The book review: *Korablev N. A. Free Enterprise in Karelia in the Second Half of the XIX – Beginning of the XX Century* 115

MEMORY

In memory of E. P. Laidinen. 119

JUBILATION

To the 90th birthday anniversary of V. P. Krilov. 120

INFO FOR THE AUTHORS 121